
АЛЕКСАНДР
ГАЛИЦКИЙ
ОТРАЖЕНИЯ
ЧУЖОЙ
ИМПЕРИИ

Александр Галицкий

Отражения Чужой Империи

«Автор»
2026

Галицкий А. Ю.

Отражения Чужой Империи / А. Ю. Галицкий — «Автор», 2026

Данная книгая является третьей книгой в цикле "Чужая Империя"История о цене власти, верности и выборе, который невозможно сделать правильно.Она уже однажды спасла свой мир. Но в новом мире её не ждали.Чужая Империя трещит по швам: мятежи, заговоры, интриги и маги соседнего государства ведут к катастрофе. Чтобы остановить её, Элайн Кусланд предстоит защитить наследника престола, и понять, почему сама судьба перенесла её именно сюда. Иногда самый опасный путь начинается с одного неверного шага.Для тех, кто любит:Сильных героинь с живым характером и неидеальным прошлым. Политические интриги, замешанные на магии и стали. Мир, который чувствуется настоящим — со своей историей, болью и надеждой Истории о том, что иногда цена возвращения выше, чем ты готов заплатить

© Галицкий А. Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 5
Глава 1 5
Глава 2 16
Глава 3 24
Глава 4 34
Глава 5. 50
Глава 6 62
Глава 7 72
Глава 8 85
Глава 9 101
Глава 10 109
ЧАСТЬ ВТОРАЯ 123
Глава 11 124
Глава 12 133
Глава 13. 145
Глава 14 152
Глава 15 158
Глава 16 166
Глава 17 170
Глава 18 178
Конец ознакомительного фрагмента. 179

Отражения Чужой Империи

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НОВЫЕ ДОРОГИ

Если все государства, вблизи и вдали,
Покоренные, будут валяться в пыли
Ты не станешь великий владыка, бессмертным.
Твой удел невелик - три аршина земли.

Омар Хайям

Глава 1

Солнце стояло уже высоко, когда впереди показался Форт Адмар.

Последние несколько миль лошадей гнали почти безжалостно. Теперь это было видно по каждой из них: бока ходили тяжело и часто, под подпругами шерсть потемнела от пота, на губах выступила белая пена. Один из коней начал заметно беречь переднюю ногу, но всадник всё равно не отставал — только время от времени привставал в стременах, стараясь хоть немного облегчить ему ход.

Цуннэс казалось, что хуже лошадей выглядит только она сама.

Ворон остался далеко, в Феортане. Сделать крюк и забрать иноходца никто бы ей не позволил, да она и не стала просить, понимая насколько важно быстрее доехать до форта.

Поэтому ей досталась обычная верховая лошадь.

За последние часы Цуннэс успела возненавидеть её рысь, седло, стремена, дорогу и, пожалуй, вообще всё искусство верховой езды. Поясницу ломило, бёдра ныли от непривычной нагрузки, колени саднило так, словно по ним долго и старательно били палками. На Вороне она могла провести в седле полдня и лишь размять ноги на привале. После этой проклятой лошади хотелось лечь на землю и больше никогда не вставать.

Но когда они поднялись на последний пологий склон и увидели форт целиком, Цуннэс забыла о боли.

Первым исчез разговор. До этого один из агентов что-то вполголоса объяснял Рунусу, другой ругался на своего коня. Всё оборвалось сразу, будто кто-то перерезал невидимую нить.

Форт Адмар стоял на прежнем месте.

Стоял — и всё же выглядел так, словно за одну ночь постарел на несколько столетий.

Каменные стены были на месте. Но на темном камне от крыши до земли тянулись длинные ветвистые полосы еще более темной копоти — следы разрядов расходились по кладке чёрными корнями. В нескольких местах наружный слой осыпался, обнажив сердцевину каменных блоков. Над главным входом отсутствовала часть карниза; обломки валялись перед ступенями вперемешку с черепицей и щепками.

Одна створка тяжёлой входной двери сорвалась с верхней петли и висела криво, упершись нижним краем в камень. Вторая была расколота по всей высоте. Железная обивка на ней выгнулась наружу.

На земле перед входом лежали какие-то мелкие вещи — доски, обломки светильников и еще чего-то. Их словно вышвырнуло из здания одним сильным толчком.

Никакого пожара не было. Дым давно рассеялся, если он вообще поднимался после удара. Только кое-где на дереве оставались глубокие обугленные полосы.

Лошади тоже почувствовали неладное. Конь Урвега захрапел и попытался отвернуть голову. Один из агентских жеребцов попятился, всаднику пришлось коротко натянуть поводья.

Никто ничего не сказал. Они подъехали ближе.

Теперь стали видны трещины в кладке вокруг входа и выбитые из пазов камни. На одном из углов здания молния, должно быть, прошла прямо по стене: там темный гранит словно вспороло сверху вниз, выбив из него длинную неровную борозду.

Тишина стала очень тяжёлой.

Цуннэс посмотрела на Урвега. Тот сидел совершенно прямо и не двигался. Только лицо у него стало каким-то неподвижным, застывшим. Рунус смотрел на форт, приоткрыв рот.

Один из трёх сопровождавших их агентов тихо произнёс:

— Какой ужас...

Больше он ничего не добавил. Они спешились почти одновременно. Никто не отдавал приказа.

После долгой дороги ноги Цуннэс едва не подломились, когда она ступила на землю. Она ухватилась за луку седла, переждала несколько мгновений, пока перестанут дрожать колени, и только потом пошла вслед за Урвегом.

Внутри было в десятки раз хуже.

Первый коридор сохранился почти целиком, но ударная волна прошлась и здесь. Со стен сорвало несколько светильников. Один валялся под ногами, расплющенный так, словно на него наступила лошадь. Деревянная скамья у стены перевернулась. Штукатурка осыпалась целыми пластами, и под сапогами хрустел каменный порошок. Воздух пах пылью, горелым деревом и чем-то металлическим.

Цуннэс провела взглядом по треснувшей стене и наконец нарушила молчание:

— Великая Вамос... Чем мы тебе не угодили, Вершительница?

Ответа, разумеется, не последовало.

Урвег медленно повернул голову.

— Это катастрофа, — прошептал он.

Фраза была настолько очевидной, что в любое другое время Цуннэс, наверное, даже усмехнулась бы.

Сейчас никто не усмехнулся.

На Рунуса было страшно смотреть. Он словно разом постарел. Кожа на лице посерела, губы побелели. Он провёл рукой по щеке, потом опустил её и так и остался стоять, глядя перед собой.

Агенты постепенно разошлись по зданию. Один исчез в боковом коридоре, второй пошёл к служебным помещениям. Третий задержался возле одного из оплавленного куска стены, осторожно посмотрел на него и только потом последовал за остальными.

Они с Урвегом и Рунусом направились к центральному залу. Там удар показал свою настоящую силу.

Сам зал устоял. Стены оставались на месте, свод тоже не рухнул, хотя по нему расползлась широкая сеть трещин и проломов.

Но всё, что находилось в центре, перестало существовать как механизм.

Ворота Силы были уничтожены.

Бронзовые колонны, ещё недавно стоявшие правильным кольцом вокруг центральной конструкции, теперь торчали под невозможными углами. Некоторые изогнуло, другие раскололо у основания. Металл на обращённых к центру поверхностях оплавился и застыл тяжёлыми наплывами; кое-где бронза стекла вниз короткими застывшими потёками.

От центральной колонны сохранилась лишь часть основания.

Каменные плиты вокруг неё были расколоты. Несколько выворотило из пола, и они лежали одна на другой, образовав неровную груду. Поверхность ближайших камней местами стала гладкой и тёмной, словно их облили стеклом.

Цуннэс остановилась на пороге. Не нужно было быть Высшим Теургом, чтобы понять: восстановить это невозможно. Можно построить новое.

Но это уже будет другое сооружение.

Урвег прошёл внутрь первым. Медленно, осторожно переступая через камни. Один раз он наклонился, поднял кусок бронзы размером с ладонь и долго смотрел на оплавленный край.

Потом бросил обратно. Никто ничего не сказал.

Они пошли дальше.

Кладовая находилась чуть дальше по коридору за центральным залом.

Двери в неё больше не было. От косяка остались обгоревшие щепки и перекошенная железная петля.

Внутри всё смешалось. Бочки развалились. Некоторые ящики сгорели почти полностью, от других остались почерневшие доски и металлические скобы. По полу среди обломков растеклась застывшая масса — бугристая, местами стекловидная, местами покрытая тёмной коркой. В неё вплавились куски дерева, клёпки, медные листы, обломки крышек.

Кое-где под чёрным налётом ещё проглядывал знакомый голубоватый оттенок.

Урвег остановился. Несколько секунд он смотрел на пол.

Потом глухо сказал:

— Здесь было триста фунтов лирна.

Рунус судорожно втянул воздух. На висках у него вдруг выступил пот.

— Триста фунтов... — повторил он. — Триста фунтов уничтожены.

Он посмотрел на Урвега. Лицо у него изменилось.

— Я же говорил! — голос сорвался почти на крик. — Я говорил, что Форт Адмар опасен! Я говорил!

Урвег даже не повернулся к нему.

— Уже поздно, Рунус.

— Триста фунтов! Три четверти всех запасов!

Урвег наконец посмотрел на него.

— Уже поздно, — повторил он. — Вы со мной в одной лодке, Рунус. Ваш гнев понятен. Но совершенно бесполезен.

Он снова оглядел кладовую. И что-то в нём сломалось.

— Именем Вершителя! — вдруг закричал Урвег так громко, что голос ударился о каменные стены. — Будь ты проклята, Элайн Кусланд!

Урвег тяжело выдохнул и словно сразу уменьшился. Он опёрся ладонью о стену.

Цуннэс никогда ещё не видела его таким.

Ни ярость, ни угрозы, ни поражение не могли скрыть простого факта: удар оказался чудовищным.

Эта женщина не просто ушла. Она уничтожила Ворота Силы. Уничтожила триста фунтов лирна.

Цуннэс резко отвернулась и посмотрела в коридор, будто там мог находиться ответ.

— Но как?

Никто не ответил.

— Как они опять освободились?!

Она прошла несколько шагов, развернулась.

— Не понимаю. Не понимаю! Как?

Её взгляд остановился на Рунусе.

— Вы готовили снотворное?

Тот нахмурился.

— Нет. Я поручил это лучшим специалистам.

Цуннэс несколько мгновений смотрела на него.

— Лучшим?

Она коротко рассмеялась, но смех получился злым и совершенно безрадостным.

— Полюбуйтесь на ваших специалистов!

Она шагнула к нему и схватила за ворот.

Рунус от неожиданности отступил на полшага, потом молча взял её за запястье и попытался оторвать руку.

— Не забывайтесь, ранни!

— Идиот! — выпалила Цуннэс. — Отродье помойной крысы! Это вы придумали сотворное, чтобы их было легче связать?!

— Ранни!

Голос Урвега заставил её остановиться.

— Успокойтесь.

Цуннэс всё ещё держала Рунуса за ворот.

— Успокойтесь, — повторил Урвег уже тише. — Сейчас мы можем только гадать. Когда у нас будет возможность понять, что здесь произошло...

Рунус перестал отрывать её руку. Он посмотрел сначала на Цуннэс, потом на разгромленную кладовую.

— У нас не будет такой возможности.

Урвег нахмурился еще сильнее. Рунус сказал почти спокойно:

— Демиург нам этого не простит.

Цуннэс медленно разжала пальцы. В этот момент в дальнем конце коридора что-то шевельнулось.

Она сначала решила, что ей показалось. Потом движение повторилось.

Из отверстия в толстой дубовой двери высовывалась человеческая рука.

Само полотно двери уцелело, но его страшно перекосило. Верхние доски были расщеплены, одна железная полоса выгнулась дугой, а между двумя треснувшими досками зияла щель. Из неё наружу просунулась ладонь.

Пальцы слабо пошевелились.

— Там люди! — крикнула Цуннэс. — Смотрите!

Один из агентов уже бежал к двери. Он схватился за ручку, дёрнул.

Безрезультатно. Подоспел второй. Они потянули вдвоём, затем налегли плечами, но дверь только жалобно затрещала в перекошенной коробке.

— Заперто!

Из бокового прохода появился третий агент. В руке у него звякнула связка ключей.

— Нашёл на кухне!

Кухню тоже разгромило, но она оказалась почти целой. Ключ подошёл со второй попытки.

Замок щёлкнул.

После этого дверь пришлось всё равно открывать втроём. Она застряла в раме, и мужчины несколько раз наваливались на неё плечами, пока наконец перекошенное полотно с громким треском не подалось внутрь.

Из комнаты пахнуло затхлым воздухом, пылью и потом. На полу и койках лежали люди.

Двое стражников. Четверо операторов. Командир форта Фрейбнирс Мольтус сидел у стены, привалившись плечом к ножке койки, и медленно мотал головой, словно пытался вытряхнуть из неё назойливый звон.

Большинство ещё толком не понимало, что происходит.

Один оператор попытался подняться, но тут же опустился обратно.

Из солдат первым пришёл в себя молодой стражник. Он несколько раз моргнул, посмотрел на вошедших и вдруг узнал Цуннэс.

— Ранни...

— Что здесь произошло?

Тот сглотнул.

— Как же тут всё рушилось... — пробормотал он. — Грохот такой был... Я потом несколько часов почти ничего не слышал.

Цуннэс смотрела на него без всякого сочувствия.

Злость, на мгновение отступившая перед видом живых людей, вернулась немедленно.

— Я ещё разберусь с вами — сказала она. — И узнаю, как вы это допустили.

* * *

Кухня пострадала меньше остальных помещений.

Здесь тоже всё, что могло упасть, упало. Медная посуда валялась по полу, несколько глиняных мисок разбились вдребезги, с полок ссыпались банки, ложки, мешочки с приправами. В углу лежал перевёрнутый котёл, а по каменным плитам рассыпалась крупа, смешавшаяся с известковой пылью.

Но тяжёлый дубовый стол устоял. Даже не сдвинулся с места.

Две длинные скамьи опрокинуло набок, однако одна уже снова стояла у стены. На неё и усадили тех, кого приводили на допрос. Урвег сидел за столом, опершись локтями о столешницу. Цуннэс стояла рядом. Она обнаружила, что сидеть после долгой дороги ей всё ещё больнее, чем стоять, поэтому даже не пыталась.

Рунус устроился на другой скамье, у стены.

И молчал.

Само по себе это выглядело настолько необычно, что Цуннэс несколько раз невольно смотрела в его сторону. Обычно Рунус непременно вмешался бы, уточнил, задал ещё один вопрос, указал на противоречие, предложил собственное объяснение. Теперь он лишь слушал.

Иногда поднимал глаза на очередного человека. Потом снова опускал.

Впрочем, день тоже был совершенно необычным.

Когда последнего оператора вывели за дверь, в кухне на несколько мгновений стало тихо.

Цуннэс проводила юношу взглядом.

— Какая же тварь, — прошипела она.

Урвег даже не поднял головы.

— Ты опять про Элайн?

Голос был бесцветным.

Цуннэс резко повернулась.

— Нет. Я про этого ублюдка. Это ведь он помог Кермунду перегрузить Ворота.

Урвег медленно провёл ладонями по лицу и сжал голову.

— Мы все помогли.

— Что?

— Мы все ему помогли, — тем же ровным голосом повторил Урвег.

Цуннэс уставилась на него. Она едва не сказала: «Отец».

Слово уже поднялось к губам, но она вовремя прикусила язык.

Рунус находился всего в нескольких шагах.

— Высший Теург, — очень медленно произнесла она. — Я хочу...

Она остановилась. Нет. Не хочу.

— Я настаиваю на немедленной казни этого предателя.

Урвег наконец поднял голову. Некоторое время он просто смотрел на неё.

— Ты действительно этого так хочешь?

Цуннэс замерла. Рунус уставился на Урвега.

Он назвал свою любовницу на «ты»? При всех? Похоже, Высший Теург действительно был не в себе.

Впрочем, с мрачной усмешкой подумал Рунус, сегодня здесь не в себе были все.

— Да, — ответила Цуннэс. — Я настаиваю.

Её всё ещё трясло. Она сама чувствовала мелкую дрожь в пальцах и от этого злилась ещё сильнее.

Урвег несколько мгновений молчал. Потом устало махнул рукой.

— Иди.

Цуннэс не ожидала, что он согласится так легко.

— Его всё равно ждёт казнь, — добавил Урвег. — Если кто-нибудь из нас вообще доживёт до разбирательства.

Рунус побелел. Эти слова произнесли вслух то, о чём он несколько последних часов старательно заставлял себя не думать. Хотя первым сказал об этом именно он.

Демиург их не простит.

Рунус посмотрел на свои руки.

«Вершитель... Что же теперь делать?»

Цуннэс уже вышла. Она догнала агента возле казарменной комнаты. Тот вёл допрошенного оператора к остальным уцелевшим.

— Дайте его мне.

Агент остановился.

— Ранни?

— Я сказала: дайте.

Он посмотрел на неё, потом на юношу и отпустил его локоть.

Цуннэс тут же схватила оператора за руку.

— Идём.

— Куда?..

Она дёрнула так сильно, что тот едва удержался на ногах.

— Ранни, я...

— Идём!

Теперь она тащила его уже обеими руками. Юноша несколько раз споткнулся, пытаясь поспевать за ней, но Цуннэс даже не оборачивалась. Она привела его в центральный зал.

Втолкнула внутрь. Оператор сделал несколько неловких шагов и остановился среди расколотых плит.

Перед ним лежали останки Ворот Силы. Оплавленная бронза. Перекрученные колонны. Чёрные трещины в камне. Застывшие металлические потёки на полу.

Цуннэс указала рукой вперёд.

— Смотри!

Юноша вздрогнул.

— Ранни...

— Смотри, что ты натворил!

— Но я же...

— Это твоя работа!

Цуннэс шагнула к нему.

— Ты помог нашим врагам уничтожить Ворота!

— Я...

— Предатель!

Он попятился.

— Ранни, пожалуйста...

— Ублюдок. Гадина.

Её уже действительно трясло. Не только руки. Всё тело.

Оператор, похоже, понял это раньше неё самой и испуганно замолчал.

Цуннэс схватила с пояса маленький футляр. Пальцы нащупали внутри крупный кристалл лирна.

Голубоватый камень лёг в ладонь. Оператор увидел его.

И побелел.

— Ранни...

Цуннэс подняла глаза.

— Не надо, — быстро сказал он. — Ранни, не надо!

— За всё надо отвечать.

Он сделал ещё один шаг назад.

— Я только...

— За всё, — повторила она.

Короткое движение пальцев. Взмах кистью.

Воздух перед оператором едва заметно дрогнул. Голова отлетела в сторону и с глухим стуком ударилась о каменный пол.

Тело ещё мгновение оставалось стоять, будто не успев понять, что произошло, затем подогнулись колени, и оно тяжело рухнуло среди обломков.

Цуннэс не двигалась. С пальцев осыпалась пыль.

Она смотрела на мёртвого человека.

Несколько секунд назад внутри была только ярость — густая, тёмная, заслонявшая собой всё остальное.

Теперь она исчезла. Цуннэс медленно вдохнула. Потом ещё раз.

— За всё надо отвечать, — повторила она уже совсем другим голосом.

И убрала лирн обратно в футляр.

Когда она вернулась на кухню, никто ни о чём не спросил.

Рунус теперь сидел на скамье, сцепив пальцы между коленями, и невидящим взглядом смотрел в стену.

Урвег стоял у стола, опершись о него обеими руками.

Услышав шаги, он поднял голову.

— Нам надо осмотреть место высадки.

Цуннэс нахмурилась.

— Зачем?

— Я хочу знать всё, что ещё можно узнать.

Он выпрямился и направился к двери. Цуннэс пропустила его вперёд и пошла следом.

Возможно, отец действительно что-нибудь найдёт. А если нет...

Просто сидеть посреди разгромленного Форта Адмар и ждать неизвестно чего становилось невыносимо.

* * *

К месту высадки они отправились вдвоём.

Агенты остались в форте: нужно было присмотреть за уцелевшими, осмотреть помещения и собрать всё, что ещё могло представлять ценность. Рунус тоже никуда не поехал.

Он даже не спросил куда они направляются. Это беспокоило Цуннэс сильнее, чем если бы он начал спорить.

Место где должна быть высадка, находилось неподалёку от берега, за невысокой грядой, поросшей редким жёстким кустарником.

Урвег первым заметил почерневшее кострище.

Он поднял руку. Они придержали лошадей. Через несколько шагов Цуннэс увидела тела.

Шесть человек. Вернее, сначала ей показалось, что шесть.

Потом она поняла, что одного из них невозможно было назвать телом целиком.

Он лежал несколькими крупными кусками возле костра. Отдельно плечо. Часть туловища. Рука, отломившаяся чуть выше локтя. Несколько пальцев валялись в траве в стороне, и один был наполовину втоптан в размокшую землю. Еще один лежал на боку, нелепо поджав ноги. Никаких пятен крови.

Урвег медленно спешился и Цуннэс последовала его примеру.

Они подошли поближе. Костёр давно погас, но несколько поленьев ещё сохраняли чёрную обугленную середину. Урвег оглядел площадку.

— Они высадились здесь без сопровождающих — сказал он.

Голос звучал глухо.

— Дошли до группы встречи... и убили всех.

Он посмотрел на ближайшее тело.

— Но как?

В другой день Урвег уже опустился бы на колено, исследовал землю, потребовал бы назвать заклинания, которыми можно добиться подобного, начал сопоставлять следы.

Сейчас он просто стоял. Форт Адмар всё ещё был у него перед глазами.

Триста фунтов лирна. Оплавленные Ворота.

Цуннэс обошла кострище. Что-то здесь было знакомым.

Она присела возле одного из погибших.

Кожа на лице имела странный серовато-белый оттенок, местами переходивший в синеву. Одежда была мокрой, хотя дождя не было. Не просто сырой от земли — ткань промокла почти целиком, словно человека недавно облили водой. На волосах ещё блестели отдельные капли.

Цуннэс коснулась рукава. Холодный. Она перевела взгляд на руку погибшего. Два пальца отсутствовали. Не отсечены. Именно отломлены.

Край был неровным, совершенно не похожим на след клинка.

Она подошла к следующему. То же самое. Мокрая одежда. Странно изменившаяся кожа. Сломанные пальцы.

Раскрошенный сустав. И тот человек, который лежал частями...

Цуннэс медленно выпрямилась.

— Кажется, я знаю, что это было.

Урвег повернулся.

— Что?

Он снова посмотрел на тела.

— Здесь нет ран от меча. Даже это...

Он указал на развалившегося человека.

— Так мечом не делают.

— Конечно.

Цуннэс смотрела на мёртвых.

— Это не меч.

Урвег ждал.

— Ледяная Метель — сказала она. — Их заморозили.

И только произнеся это вслух, она поняла, что именно сказала. Холод пополз по спине.

Элайн. Элайн Кусланд.

Цуннэс резко повернулась к отцу.

— Значит, она ещё и колдует?!

Урвег моргнул.

— Что?

— Что ещё я о ней не знаю?!

Голос сорвался.

— Она волшебница? С каким чудовищем мы вообще столкнулись?!

— Цуннэс.

— Что?!

— Кермунд.

Она замолчала.

— Что — Кермунд?

Урвег устало посмотрел на неё.

— С ней был маг.

Несколько секунд Цуннэс не понимала. Потом плечи медленно опустились. Верно.

Кермунд. Ну разумеется. Она закрыла глаза. Вершительница! Она уже не могла связать две простейшие мысли.

— У неё не только меч, — тихо сказала Цуннэс. — У неё ещё и свой личный колдун.

Урвег ничего не ответил. Цуннэс посмотрела на шесть мёртвых людей.

Потом на далёкий берег. На дорогу обратно к форту. И вдруг силы кончились. Она опустилась на колени прямо на землю и закрыла лицо руками.

— Это ужасно, отец.

Урвег подошёл ближе.

— Эта женщина... Она как чудовище из самых страшных снов. Мы её ловим — она освобождается. Мы устраиваем западню — она выходит из неё. Мы привозим её в Адмар...

Голос задрожал.

— И больше нет Адмара.

Урвег положил ладони ей на плечи.

— Что нам делать, отец?

Он мягко заставил её подняться.

— Соберись, дочь моя.

Цуннэс посмотрела на него.

— Наша жизнь не закончилась.

— Демиург нас не простит!

Теперь слёзы всё-таки появились. Цуннэс сердито провела ладонью по глазам.

— Он не станет даже слушать. После всего этого...

— Знаю.

— Нас казнят.

— Скорее всего.

Она замерла.

Урвег произнёс это совершенно спокойно.

— Пока мы ехали сюда, — продолжил он, — я думал об этом. А когда увидел все это... понял, что другого выхода у нас нет.

Цуннэс вытерла щёку.

— Какого выхода?

— Мы должны уехать.

— Куда?

— Прямо сейчас.

— Куда, отец?

Урвег посмотрел на восток.

— В Серые земли.

Цуннэс некоторое время молчала.

Потом лицо изменилось.

— В Коррилен?

— Ты не только моя дочь, — сказал Урвег, — но и прекрасная ученица.

Она снова посмотрела на него.

— Но там же...

— Нет государства, способного задать нам вопросы. Нет Демиурга. Нет его ликторов. Нет людей, которым будет интересно, что именно мы с тобой делали или не делали в прошлом.

— Там каждый сам за себя.

— Именно.

Цуннэс задумалась. Страх ещё не исчез. Но рядом с ним появилось что-то другое - наверное, интерес.

— Неужели мы с тобой не сумеем там устроиться? — спросил Урвег. — С нашими способностями мы обеспечим себе вполне сносную жизнь.

Цуннэс медленно ощерилась.

— Не сносную.

Урвег поднял бровь.

— Отличную. Я об этом позабочусь.

Впервые за весь день уголок его рта чуть дрогнул.

— Я в тебе не сомневался, дочь моя.

Она помолчала.

— Я хочу забрать Ворона.

Улыбка исчезла.

— Нет.

— Отец...

— Нет, Цуннэс.

— Он в Феортане. Это не так далеко.

— Если ты вернёшься за ним, тебя возьмут раньше, чем ты доберёшься до конюшни.

— Пусть попробуют.

— Они обязательно попробуют. Поэтому — нет.

Цуннэс отвела взгляд. Спорить сейчас было бессмысленно. Но это ничего не меняло.

«Я заберу тебя, Ворон. Обязательно. Не сейчас — потом. Когда мы снова будем сильны. Я придумаю как. Клянусь».

— Возвращаемся в форт — сказал Урвег. — Заберём всё, что сможем увезти, и сразу двинемся в Коррилен.

Цуннэс кивнула. Потом вспомнила.

— А Рунус?

Лицо Урвега стало жёстким.

— Он останется.

— Но он тоже мог бы поехать с нами.

— Нет.

— Почему?

Урвег некоторое время смотрел на дочь.

— Потому что я больше не хочу рисковать.

— Рунус столько лет...

— Именно поэтому. Он знает слишком много.

Цуннэс нахмурилась.

— О нас?

— В том числе.

Он подошёл к своей лошади.

— Любой человек, кроме нас двоих, который знает, куда мы отправились, становится опасен.

— Но он может быть верен.

— Может.

Урвег взялся за повод.

— А может решить, что Демиург сохранит ему жизнь в обмен на наши головы.

Цуннэс ничего не ответила. Такая мысль ей не нравилась - но спорить с ней было трудно.

— Ты даже не попрощаешься?

— Нет.

— После всего?

— Именно после всего.

Он посмотрел в сторону форта.

— Сейчас Рунус сломлен. Но это пройдёт. Он начнёт думать. Искать выход. Торговаться с самим собой. Мы должны исчезнуть раньше.

Цуннэс медленно кивнула.

— Значит, и я ничего ему не скажу.

— Ничего.

Она поставила ногу в стремя, но вдруг остановилась.

— Отец.

— Что?

— Помнишь стихи Люренна?

Урвег удивлённо посмотрел на неё. Цуннэс тихо произнесла:

Книга юности нашей, увы, прочтена.
И страница последняя — вот и она.
Горделивая птица — так молодость звали —
За другие моря улетела она.

Несколько мгновений Урвег молчал.

— Не ожидал, что ты их вспомнишь.

Цуннэс сама слабо улыбнулась.

— Я тоже не ожидала.

Урвег тяжело поднялся в седло. Он выглядел старше, чем утром. Намного старше.

— Дорога в Коррилен будет долгой — сказал он.

Цуннэс села на свою ненавистную лошадь и подобрала поводья.

Урвег бросил последний взгляд туда, где за грядой оставался Форт Адмар.

— Поехали.

Глава 2

Элайн проснулась сама. Несколько мгновений она лежала неподвижно, глядя на незнакомый тёмный полог над головой и пытаясь понять, где находится. За последний месяц это стало почти привычкой. Комнаты менялись слишком часто: трактиры, постоялые дворы, чужие дома, каюты, снова трактиры. Иногда первым воспоминанием о вчерашнем дне становился потолок, иногда запах, иногда боль в боку от слишком жёсткой постели.

Сегодня под спиной было мягко. Даже чересчур. Она пошевелилась, утонула плечом в глубокой перине — и память окончательно встала на место.

Рауссборг. Дворец.

Домой они всё-таки добрались.

Элайн откинула тяжёлое шерстяное покрывало и села.

Комната была не особенно большой — во всяком случае, не такой, какие любили показывать иностранным послам, когда требовалось убедить их в величии государя. Но одного взгляда хватало, чтобы понять, для кого её приготовили.

Высокая кровать стояла на небольшом деревянном возвышении; по углам поднимались резные столбики, державшие тёмно-зелёный полог. На стенах висели плотные тканые ковры с охотничьими сценами — не столько для красоты, сколько чтобы камень не тянул холодом. У окна стоял массивный сундук с железными накладками, рядом — кресло с высокой спинкой и узкий столик. Даже оконные проёмы были затянуты не промасленной тканью, а настоящим стеклом: маленькие неровные пластинки держались в свинцовой решётке и превращали утренний свет в мягкое серебристое сияние.

Всё вокруг было сделано хорошо, дорого и для человека, которому не полагалось считать каждую монету.

Элайн спустила ноги на пол и сразу поморщилась.

Каменные плиты за ночь выстыли.

— Бр-р...

Она быстро нашла ногами мягкие туфли, оставленные возле кровати, и несколько раз пошевелила пальцами, возвращая им тепло.

Лето ещё не ушло окончательно, но за время её скитаний оно успело заметно постареть. По утрам в Рауссборге уже чувствовалась прохлада, которой месяц назад не было и в помине.

Элайн огляделась ещё раз.

В Фенниваре её собственные королевские покои выглядели куда скромнее.

Не бедно — короли всё-таки оставались королями даже в Фенниваре, — но без здешней привычки превращать удобство в отдельное искусство. Там ценили добротный дуб, толстую шерсть, хороший очаг и крышу, которая не течёт. Если всё это ещё и выглядело красиво, можно было считать комнату роскошной.

Здесь же кто-то подумал даже о том, чего она сама не успела бы потребовать.

Возле кровати уже стоял большой глазурованный таз с чистой водой. Рядом — высокий кувшин, кусок душистого мыла и аккуратно сложенные льняные полотенца.

Элайн довольно хмыкнула. Вот так значительно лучше.

Она снова чувствовала себя настоящей королевой.

Вода оказалась холодной, зато окончательно прогнала остатки сна. Элайн умыла лицо, шею, руки, потом быстро привела в порядок волосы и занялась одеждой.

Вот здесь королевская жизнь внезапно обнаружила серьёзный недостаток.

Хорошая фрейлина ей бы сейчас совершенно не помешала.

Элайн некоторое время возилась с застёжкой платья на боку, наконец справилась и усмехнулась своему отражению в небольшом зеркале.

Ещё бы. Фрейлина. А заодно ей совершенно не помешал бы Малькольм. И Роланд.

Улыбка исчезла.

Элайн застыла, всё ещё держа пальцами край воротника.

Месяц.

Целый месяц дорог, чужих городов, погони, дождя, моря, засад, чужой магии и бесконечных попыток наконец добраться сюда.

И что изменилось?

Она всё так же не знала, как далеко от неё Малькольм.

Всё так же не могла взять сына на руки. Всё так же понятия не имела, идёт ли для них сейчас второй месяц её отсутствия — или в Талларе прошло совсем другое время.

Элайн опустила руки.

Но поручение она выполнила. Главное поручение.

Торин был в Рауссборге. Живой. Настоящий. Законный Император вернулся в столицу.

Теперь очередь исполнять обещания была за ними. За Асвером. За Эймундом. За Торином.

Торином...

На этом имени внутри словно что-то неприятно стянулось.

Элайн отвернулась от зеркала. Оставалось ещё одно дело.

Не государственное. Не военное. Не такое, ради которого посылают гонцов или созывают совет.

И оттого ничуть не более лёгкое. Она должна была сказать Торину правду.

Не ту часть правды, которую он уже знал: что Элайнпришла из другого мира, что она королева, что когда-то сражалась с Мором. Другую. Что в том мире её ждёт муж. Малькольм. Человек, которого она любит.

Их слишком многое связало за этот месяц.

Если с человеком несколько раз идёшь в бой плечом к плечу, ешь один хлеб, делишь последний глоток воды, ночуешь рядом под мокрыми деревьями и вместе пытаешься добраться до цели, до которой, кажется, никогда не доберёшься, — он перестаёт быть просто спутником.

Торин давно перестал им быть. Он стал ей близок.

И именно поэтому всё было очень непросто. Элайн предпочла бы ещё раз встретиться с пятерыми вооружёнными людьми во главе с магом. Там всё было понятно: кто враг, где оружие и что требуется сделать. Здесь мечом ничего не исправишь.

Она слишком хорошо видела, что происходит с Торином. Видела дольше, чем позволяла себе это признавать. И слишком долго откладывала разговор, потому что всегда находилась прекрасная причина поговорить потом.

Сначала выбраться. Потом уйти от погони. Потом добраться до моря. Потом вернуться в Рауссборг.

Теперь все эти «потом» закончились и осталась только правда.

И человек, которому она причинит страшную боль.

Элайн медленно выдохнула.

— Ну что ж.

По крайней мере, трусихой она никогда себя не считала. Она подобрала подол платья и направилась к двери.

* * *

Торина Элайн нашла в кабинете покойного Императора.

Дверь была приоткрыта, и сначала она увидела только край огромного стола, заваленного бумагами. Листы лежали стопками, вперемешку с запечатанными пакетами, свёрнутыми ведомостями и узкими полосками записок. На одном углу теснились две чернильницы, коробочка с песком для просушки письма и несколько перьев. Рядом стоял тяжёлый серебряный кубок.

Сам кабинет оказался просторнее её спальни, но и здесь богатство не лезло в глаза. Тёмные дубовые панели закрывали стены почти до половины высоты, над ними висели старые тканые карты и шпалера с каким-то давним сражением. В узких высоких окнах блестело хорошее стекло, а у стены стояли два массивных шкафа с книгами и свитками.

За столом сидел новый Император Хорманнской Империи и с таким видом перекладывал бумаги из одной стопки в другую, будто надеялся, что при правильном порядке они сами примут необходимые решения.

Он взял очередной лист. Прочитал и нахмурился.

Подтянул к себе чернильницу и уже обмакнул перо, но потом снова перечитал последние строки, тяжело вздохнул и положил перо обратно. Лист отправился в третью стопку.

Торин отпил из кубка и взял следующий.

Когда Элайн тихо постучала костяшками пальцев по двери, он вскинул голову.

— Элайн!

Торин поднялся так быстро, что задел коленом край стола и заставил подпрыгнуть чернильницу.

— Доброе утро!

— Доброе утро, Торин.

Она вошла и остановилась возле стола, чью поверхность занимали бумаги.

Элайн окинула их взглядом.

— Ну и как тебе нравится быть Императором?

— Ужасно.

Ответ последовал без малейшей паузы. Элайн улыбнулась.

— Ты так быстро разочаровался?

— Ещё вчера Дворцовый сенешаль почти час рассказывал мне, сколько нужно закупить муки, масла, вина, свечей, дров, овса и ещё примерно сотню вещей, о существовании которых Император, по моему прежнему убеждению, вообще не обязан знать.

— Прежнее убеждение оказалось неверным, не правда ли?

— Именно.

Торин обошёл кресло и снова сел.

— Потом пришёл Дядюшка Хасси и принёс список всех мест, где успел побывать в моём облике, всех людей, с которыми разговаривал, и всего, что им наговорил.

Элайн приподняла бровь.

— Полезный список.

— Он тоже так сказал. Потом очень вежливо намекнул, что мне желательно выучить его наизусть, если я не хочу однажды с удивлением узнать от собственного посла, что вчера лично обещал ему помощь в улаживании претензий Хартии.

Элайн рассмеялась.

— Хасслер совершенно прав.

— Я почему-то подозревал, что ты так и скажешь.

Торин заложил руки за голову и потянулся. Спина тихо хрустнула.

— А сегодня будет Совет Хранителей. С утра пришёл Моди Густафс, положил передо мной вот это...

Он обвёл руками стол.

— ...и сказал, чтобы до заседания я ознакомился со всем этим и подписал то, с чем согласен.

Элайн взяла верхний лист одной из стопок, пробежала глазами несколько строк и положила обратно.

— Моди?

— Густафс.

— Я поняла имя. Кто он?

— Хранитель Короны.

Элайн вопросительно посмотрела на него. Торин пояснил:

— Ну... если совсем просто, второй человек в Империи.

— А-а.

Она кивнула.

— Значит, ты теперь первый.

Торин поморщился.

— Получается, да.

— Поздравляю, ваше величество.

— Не издевайся.

— Даже и не думала.

Элайн подвинула свободное кресло.

— Я прекрасно тебя понимаю. Когда-то я тоже считала, что быть королевой — это в основном отдавать умные распоряжения людям, которые потом всё выполнят.

— И оказалось?

— Что кроме умных распоряжений существует огромное количество скучных, неприятных и совершенно необходимых дел. И почему-то именно король или королева в конце концов должны решать, что с ними делать.

Торин посмотрел на бумаги.

— Это я уже начинаю понимать.

— Нет.

— Что — нет?

— Ещё не начинаешь.

Элайн слегка улыбнулась, но тут же посерьёзнела.

— Подожди до первого смертного приговора, который тебе принесут на утверждение. Или до первого случая, когда решение придётся принимать тебе самому. Вот тогда ты действительно почувствуешь, что означает сидеть в этом кресле.

Улыбка исчезла и с лица Торина. Он взял кубок и сделал небольшой глоток.

— Ты мне поможешь, Элайн?

— В чём?

— Ну...

Он покрутил кубок в пальцах.

— Ты ведь уже была королевой. Ты знаешь, как всё это делается. Можешь объяснить мне, что правильно, что неправильно, что...

Он запнулся. Поставил кубок.

— А может быть, даже...

Элайн почувствовала, как внутри всё неприятно сжалось.

«Вот оно».

Сейчас Торин скажет. И тогда ей придётся отвечать. Нет, лучше первой.

— Стой, Торин.

Он удивлённо посмотрел на неё.

— Что?

— Сядь.

— Я и так...

— Просто сядь и послушай меня.

Что-то в её голосе заставило его замолчать. Торин медленно опустился в кресло.

Элайн подтянула своё ближе к столу и села напротив. Несколько мгновений она собиралась с мыслями.

— Ты прав. Я была королевой.

Она помолчала.

— Нет. Неправильно. Я и сейчас королева. Я не перестала ею быть только потому, что оказалась здесь.

Торин кивнул.

— Королева Феннивара. Ты рассказывала.

— Да.

Элайн посмотрела ему прямо в глаза.

— А король Феннивара — Малькольм Лайрен.

Торин кивнул просто потому, что услышал знакомое имя и титул.

А потом до него дошёл смысл. Его лицо застыло.

Элайн сказала:

— Малькольм — мой муж.

Торин не шевельнулся.

— Я замужем, Торин. И я с ним очень счастлива.

Она заставила себя договорить:

— У нас есть маленький сын. Его зовут Роланд.

Торин медленно отвёл глаза. Словно внезапно перестал понимать, куда их деть.

Пальцы легли на край стола.

— Значит...

Он сглотнул.

— Значит, ты не свободна.

— Нет.

Элайн покачала головой.

— Не так.

Он посмотрел на неё.

— Я сама выбрала Малькольма. Я люблю его. И никогда не считала этот выбор несвободой.

Она помедлила.

— Вот сейчас я действительно словно в клетке. Потому что он там. И мой сын там. А я здесь и даже не знаю, как до них добраться. Ты поймешь это, когда женишься.

Торин снова опустил взгляд. Несколько секунд в кабинете слышно было только потрескивание дров в очаге.

Потом он сказал:

— Я не женюсь, Элайн.

Она ничего не ответила. Торин поднял голову. Глаза блестели.

— Я люблю тебя.

Элайн медленно выдохнула.

— Я знаю.

— И давно знаешь?

— Давно.

— И всё это время молчала?

— Я решила, что, пока мы были в опасности, об этом лучше не говорить.

— То есть ты опять за меня всё решила…

Он отвернулся. Элайн тоже не стала смотреть на него.

Молчание стало почти физическим. За окном где-то во дворе крикнул человек, ответил другой; прогрохотали колёса телеги по камню. Здесь, в кабинете, всё это казалось очень далёким.

— Что же мне делать? — наконец спросил Торин.

Голос стал тише.

— Элайн... что мне теперь делать?

Она повернулась к нему.

— Жить.

Он горько усмехнулся.

— Очень хороший совет.

— Жить и быть Императором.

Усмешка исчезла.

— Теперь от тебя зависят сотни тысяч людей, Торин. Возможно, больше. Ты этого не хотел — понимаю. Но это уже случилось.

Он резко отодвинул от себя одну из стопок и бумаги съехали в сторону.

— Зачем мне вся эта Империя, если ты меня не любишь?!

Последние слова почти сорвались. Элайн не повысила голоса.

— Потому что Империя существовала до того, как ты меня встретил. И будет существовать после того, как мы с тобой закончим этот разговор. И ты - нужен всей Империи.

Торин посмотрел на неё с болью.

— Легко тебе говорить.

— Совсем не легко.

— Ты же ничего не потеряла!

Элайн замерла. Торин почти сразу понял, что сказал.

— Элайн, я...

— Мой муж находится в другом мире.

Голос её оставался спокойным.

— Мой сын находится в другом мире. Я не знаю, видел ли он меня последний раз месяц назад или для него прошёл год. Я не знаю, считает ли Малькольм меня живой. Не знаю, что происходит в моей стране.

Она наклонилась чуть ближе.

— Поэтому не говори мне, что я ничего не потеряла.

Торин побледнел.

— Прости.

— Я не сержусь.

Он закрыл лицо руками и несколько мгновений просто сидел так.

Потом очень тихо сказал:

— Я не хочу жить, Элайн.

Она сразу наклонилась вперёд.

— Никогда так не говори.

— А что мне ещё говорить?

— Что тебе больно. Что ты злишься. Что ненавидишь меня сейчас, если хочешь. Но не говори, что не хочешь жить.

Он отнял руки от лица.

— Я не могу тебя ненавидеть.

— Хорошо.

Элайн посмотрела ему прямо в глаза.

— Тогда послушай. Если с тобой что-нибудь случится, мне будет очень больно.

Торин моргнул.

— Правда?

— Конечно, правда, дурак.

Он неожиданно чуть улыбнулся. Совсем немного.

— Мы прошли с тобой половину материка. Я вытаскивала тебя из неприятностей, ты вытаскивал меня. Мы дрались вместе, спали под одними деревьями, жрали один и тот же отвратительный хлеб и несколько раз были уверены, что до Рауссборга вообще не доберёмся.

— Хлеб иногда был неплохой.

— Не занудствуй.

Уголок его рта снова дрогнул. Элайн продолжила уже мягче:

— Ты мне дорог, Торин. Очень дорог. Просто не так, как тебе хотелось бы.

Он снова отвернулся.

— А если мне будет плохо? — спросила она.

Торин тут же повернулся обратно.

— Что?

— Если со мной что-нибудь случится. Ты будешь переживать?

— Я же сказал, что люблю тебя!

— Вот именно.

Элайн кивнула.

— А мне уже плохо.

Он нахмурился.

— Я сейчас сделала тебе больно. И мне от этого не легче.

Элайн помолчала.

— Но я люблю своего мужа. Я ужасно хочу к нему. И к сыну. Поверь, это мучает меня куда сильнее, чем Цуннэс, Феор, Виртваль и все остальные неприятности вместе взятые.

Торин долго смотрел на неё.

— Ты говоришь это, чтобы я...

— Чтобы ты понял.

— Что понял?

— Что однажды я уйду.

На этот раз он даже не сразу отреагировал.

— Уйдёшь?

— Домой.

Торин медленно встал. Лицо его словно осунулось за эти несколько минут.

— То есть теперь ты ещё и собираешься уйти от меня.

— Не только от тебя.

— От всех нас.

— Да.

Элайн тоже поднялась.

— Я не хотела сюда приходить, Торин. Мой дом находится в другом мире.

— Как ты собираешься туда попасть?

— Асвер и Эймунд обещали сделать всё возможное, чтобы найти дорогу.

Торин посмотрел на неё, и в голосе впервые появилась очень осторожная надежда.

— А если они не найдут?

Элайн встретила его взгляд.

— Тогда я найду других людей.

Надежда исчезла.

— В другом городе. В другой стране. Если понадобится — на другом конце этого мира.

— Но...

Она не отводила глаз.

— Я буду искать, Торин, пока не найду.

Он смотрел в её зелёные глаза и постепенно понимал: это не угроза, не попытка заставить его уступить и не красивое обещание.

Она действительно так и сделает.

— Я...

Торин провёл ладонью по волосам.

— Я подумаю.

Элайн мягко покачала головой.

— Подумай. Только не сегодня.

Он удивился.

— Почему?

— Потому что сегодня ты зол, тебе больно и всё кажется окончательным.

Она помедлила.

— Я знаю, что это такое. Моя первая любовь закончилась гораздо хуже, Торин.

Он посмотрел на неё. Элайн не стала объяснять.

— Я очень тебя ценю. Правда.

Она подошла ближе.

— Останься моим другом. Таким, каким был раньше.

Торин отвернулся к окну.

— Я постараюсь.

— Нет.

Он посмотрел через плечо.

— Что опять не так?

— Не старайся.

Она чуть улыбнулась.

— Сделай.

Несколько мгновений он молчал, потом кивнул.

— Хорошо.

Голос всё ещё дрожал.

— Я сделаю.

Элайн взяла его за плечо и слегка сжала.

— Спасибо.

Она отпустила.

— И прости меня.

Торин ничего не ответил. Элайн направилась к двери и уже взявшись за ручку, огляну-лась.

Торин снова сидел за огромным столом. Перед ним лежали бумаги, которые утром каза-лись ему самой большой бедой на свете. Он смотрел куда-то мимо них.

По щеке медленно стекала слеза.

Торин даже не попытался её вытереть.

Элайн постояла ещё мгновение, потом ничего не сказала и тихо прикрыла за собой дверь.

Глава 3

Час назад закончилось заседание Совета Хранителей.

Большинство его участников давно разошлись: кто — в собственные кабинеты, кто — выполнять решения, принятые за день. Но в кабинете Моди Густафса по-прежнему оставались четверо.

Сам Хранитель Короны сидел за тяжёлым письменным столом, где документы лежали не грудой, как сегодня утром у Торина, а аккуратными стопками, перевязанными тесьмой или прижатыми небольшими деревянными колодками. Рядом стояли две чернильницы, песочница, коробка с печатями и несколько толстых книг в потёртых кожаных переплётах. Кабинет вообще производил впечатление места, где государство не обсуждали, а ежедневно разбирали по частям, считали, подписывали и снова собирали вместе.

Асвер Кониг устроился чуть в стороне, вытянув длинные ноги и сцепив пальцы на животе. В своих простых тёмных одеждах, он меньше всего походил на одного из могущественнейших магов Империи и больше — на учёного, которого государственные дела вновь бесцеремонно оторвали от чего-то гораздо более интересного.

Эймунд Хьяртилл сидел ближе к окну. Седые волосы казались почти белыми в холодном дневном свете. Возраст оставил на его лице достаточно следов, но даже в кресле старый Хранитель Войны держался прямо.

Напротив Моди сидела Элайн.

Она только что закончила рассказ. Весь. От выезда из Рауссборга до Форта Адмар.

— ...Вот теперь вы знаете всё.

Элайн откинулась на спинку кресла и перевела дух.

— Хасслеру я это уже рассказывала. Теперь вам. Если существует ещё кто-нибудь, кому я обязана пересказать весь последний месяц от начала до конца, скажите сразу. Я хотя бы морально подготовлюсь.

Моди несколько раз побарабанил пальцами по столу.

Перед ним лежал исписанный лист, куда он время от времени заглядывал во время её рассказа.

— Итак.

Элайн насторожилась.

— Первое. Вы подвергли серьёзному риску жизнь и здоровье Императора. Ваши действия привели к тому, что вместо Рауссборга Его Величество оказался на другом конце материка, после чего возникла ситуация, позволившая чрезвычайно опасной феорской волшебнице захватить его в плен.

Брови Элайн сошлись.

— Но я...

— Дослушайте меня.

Голос Моди не стал громче. Ему это и не требовалось. Элайн раздражённо захлопнула рот.

— Это ведь вы сообщили Торину, что располагаете лирном, подходящим для Быстрой Двери?

— Торин сам сказал, что через Быструю Дверь можно быстро попасть в Рауссборг! Какого...

— Не Торин.

Она остановилась. Моди посмотрел на неё поверх листа.

— Его Величество, фрейа. Будьте добры соблюдать протокол хотя бы здесь. В иных обстоятельствах подобная фамильярность с Императором может иметь весьма неприятные последствия.

Глаза Элайн опасно блеснули.

— Может, мне вообще уйти отсюда?

— Вы опять меня не дослушали.

Она шумно выдохнула через нос. Асвер отвёл взгляд куда-то к окну. Эймунд даже не шелохнулся.

Моди продолжил:

— Второе. После неудачного перехода вы сумели провести его величество через значительную часть западных земель. Несколько раз избежали захвата. Освободили Императора из плена. Своевременно распознали ловушку на корабле и сорвали её.

Он перевернул лист.

— Кроме того, вам удалось полностью уничтожить феорские Ворота Силы и одновременно лишить противника примерно двухсот фунтов стратегического запаса лирна.

Элайн моргнула. Злость слегка отступила.

— И это значит?..

Моди спокойно посмотрел на неё.

— Если вы действительно были королевой, то, полагаю, вам должно быть известно, насколько важно позволять собеседнику закончить мысль.

— Я не была королевой.

Моди чуть поднял брови.

— Простите?

— Я и есть королева.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Хорошо, — сказал Моди. — Следовательно, с самим утверждением вы согласны?

— Согласна.

— Вот и прекрасно.

Он снова опустил взгляд к своим записям.

— Итак. Помимо уничтоженного феорского запаса, вы доставили на территорию Империи не менее тридцати фунтов лирна.

Асвер впервые за последние минуты заметно оживился.

— Существенное поступление, — сказал он. — Даже слово «существенное» здесь, пожалуй, слишком скромно. Огромное.

Он слегка наклонил голову в сторону Элайн.

— Как Великий Хранитель Мудрости выражаю вам отдельную благодарность.

О том, чего стоило получить хотя бы половину этого количества для Академии, Асвер благоразумно умолчал.

Кермунд защищал свои запасы лирна с такой яростью, словно речь шла не о государственном стратегическом материале, а о его собственных детях. Он требовал основания, распоряжения, письменных гарантий, а в какой-то момент заявил, что без решения соответствующего суда вообще никому ничего не отдаст.

Только личное вмешательство Торина и обещание официально принять Кермунда в Академию позволили извлечь из его цепких рук пятнадцать фунтов.

Асвер счёл, что эту подробность вполне можно оставить за пределами торжественной благодарности.

Моди отодвинул лист.

— И, наконец, самое важное.

Элайн выжидающе посмотрела на него.

— Вы доставили Императора в Рауссборг.

Она подняла глаза к потолку.

— Слава Пророчице. Я уже начала опасаться, что до этого пункта вы не доберётесь.

Моди нахмурился.

— Не стоит нас недооценивать, фрейа. Мы тоже сделали всё возможное, чтобы Император вернулся в пределы Империи.

— А я, значит, отдыхала.

В разговор наконец вмешался Эймунд.

— Думаю, теперь не стоит выяснять, кто отдыхал больше.

Он посмотрел сначала на Моди, потом на Элайн.

— Лучше решим, что нам делать дальше.

— Не нам.

Трое Хранителей одновременно посмотрели на неё. Элайн устроилась в кресле поудобнее.

— Вам.

— Вот как? — произнёс Моди.

— Именно. Ничего нового придумывать не требуется. Вам нужно выполнить обещание, которое вы дали мне перед тем, как я отправилась за наслед...

Она осеклась. Моди молча смотрел. Элайн скривилась.

— За Его Величеством.

— Уже лучше.

— Еще бы.

Асвер едва заметно улыбнулся. Элайн продолжила:

— Вы обещали найти способ вернуть меня домой.

Она посмотрела на Асвера.

— Построить переход в мой мир. Открыть дорогу. Мне совершенно всё равно, как именно вы это назовёте. Мне всего лишь нужно попасть обратно.

Асвер медленно кивнул.

— Это далеко не «всего лишь».

— Я почему-то так и подозревала.

— Не стану скрывать: у нас уже появились некоторые предположения о том, как подобное могло произойти.

Элайн мгновенно подалась вперёд.

— Вы уже знаете?

Асвер поднял ладонь.

— У нас есть предположения.

— Но вы знаете, как мне попасть домой?

Моди кашлянул.

— Я ведь только что сказал, что не следует нас недооценивать.

Элайн даже не посмотрела в его сторону.

— Асвер?

— Дело в том...

Он замолчал.

— Что?

— Вы чрезвычайно нетерпеливы, фрейа.

— Посмотрела бы я на вас на моём месте.

Асвер на мгновение задумался.

— Храни меня Лайра от такой возможности.

— Она вас хранит, не сомневайтесь. Что дальше?

Он вздохнул.

— Мы получили определённые сведения о возможной причине вашего появления здесь. Несколько очень любопытных сведений.

Элайн замерла.

— Каких?

— Отрывочных.

— Асвер.

— И пока неподтверждённых.

Она начала хмуриться.

— Мы знаем кое-что о зеркале, через которое вы сюда попали. Знаем, что в эксперименте участвовал лирн. Есть некоторые результаты расследования Рибора. Но между «мы подозреваем, что произошло» и «мы умеем повторить это безопасно и в обратную сторону» лежит весьма большое расстояние.

Элайн медленно откинулась обратно.

— Значит, вы не знаете.

— Я этого не говорил.

— Но вернуть меня сейчас не можете.

— Сейчас — нет.

Её пальцы сжались на подлокотнике. Асвер смотрел на неё почти сочувственно.

— Предстоит серьёзная работа, Элайн. Исследования. Проверки. Возможно, неудачные опыты. Нам придётся понять сам механизм произошедшего.

— Чудесно.

Она развела руками.

— Вот и займитесь. Я хочу домой.

Взгляд Асвера на мгновение стал почти печальным, но отвечать он не стал.

Зато снова заговорил Моди:

— Непременно займёмся.

Он сложил руки на столе.

— А чем в это время намерены заниматься вы?

Элайн удивлённо посмотрела на него.

— Я?

— Вы.

— Отдыхать.

Моди чуть приподнял бровь.

— Некоторое время, — уточнила Элайн. — Если Империя не возражает.

— Нисколько.

— Вот и прекрасно.

— А где?

Она не сразу поняла вопрос.

— Что — где?

— Где вы намерены отдыхать?

Элайн помолчала. Вот теперь разговор подошёл к тому, что ей хотелось решить как можно быстрее.

— Мне нужен отдельный дом.

Моди чуть подался вперёд. Асвер посмотрел на неё внимательнее. Эймунд, до этого спокойно слушавший, тоже поднял глаза.

— Вот как? — спросил Моди. — А чем вас не устраивает дворец?

— Дворец прекрасен.

— Тогда почему?

Элайн несколько секунд выбирала слова.

— Вы ведь знаете, что я замужем.

Эймунд кивнул.

— Разумеется.

— И что у меня есть ребёнок.

— Вы рассказали нам об этом ещё перед поездкой в Нирхалл.

Элайн посмотрела на край стола.

— А Его величество узнал об этом сегодня утром.

Повисла короткая пауза. Асвер нахмурился.

— И каким образом это связано с... — Он осёкся.

Понимание отразилось на лице столь отчётливо, что заканчивать вопрос уже не требовалось.

Моди посмотрел на Элайн совсем иначе.

— Насколько всё серьёзно, фрейа?

Она подняла глаза.

— Настолько, что я очень советую вам загружать его величество делами по самую макушку.

Моди ничего не сказал.

— И, пожалуй, ещё немного сверху, — добавила Элайн.

Теперь молчали все трое.

Она вздохнула.

— Моя мать когда-то говорила: «С глаз долой — из сердца вон». Я с ней полностью согласна.

Асвер медленно провёл пальцем по подбородку. Эймунд посмотрел куда-то в сторону окна.

— Не знаю, насколько хорошо это сработает, — продолжила Элайн, — но проверять придётся.

Она выпрямилась.

— Поэтому мне нужен отдельный дом.

Моди некоторое время смотрел на Элайн, словно надеялся, что она всё-таки уточнит свою просьбу и сделает её хоть немного проще, но так и не дождался.

— Вы хотите, чтобы мы сняли для вас дом?

Элайн пожала плечами.

— Да мне всё равно, снимете вы его, купите или отберёте у разбойников. Мне нужен хороший дом. Такой, который будет мне соответствовать.

Эймунд чуть повернул голову.

— Если я правильно понял, вам нужны роскошные апартаменты.

— Я не прошу построить мне дворец.

— Нет, — согласился Моди. — Вы всего лишь просите найти дом для... королевы.

Он сделал едва заметную паузу.

— Это почти то же самое.

Элайн одарила его неожиданно тёплым взглядом.

— Вот. Вы меня прекрасно понимаете.

Моди вздохнул.

— Понять вас как раз было совсем нетрудно.

Она насупилась. Моди невозмутимо продолжил:

— Дальше становится сложнее.

— Неужели во всей Хорманнской Империи не найдётся одного приличного дома для королевы?

— Найдётся наверняка. Вопрос — где именно вы хотите жить.

— А какая разница?

— Значительная. Например, в Рауссборге?

Элайн задумалась.

До сегодняшнего утра она вообще не представляла себе, что будет выбирать место для постоянного жилья в этом мире.

— Собственно... почему бы и нет.

Моди кивнул.

— Хорошо. Тогда возникает следующий вопрос. Кто будет этот дом оплачивать?

Элайн посмотрела на него.

— А сколько вы готовы были заплатить за то, чтобы Император вернулся живым и здоровым?

На этот раз нахмурился уже Моди. Асвер перестал разглядывать что-то за окном.

Эймунд некоторое время молчал, затем произнёс:

— Пожалуй, придётся послать за Имперским камерарием. Я совершенно не представляю, какая городская недвижимость сейчас находится в распоряжении Короны и есть ли среди неё что-нибудь, соответствующее вашему статусу.

Моди нехотя кивнул.

— Разумно. Я тоже не могу сейчас назвать ни одного подходящего дома.

Он отодвинул кресло и поднялся.

— Придётся выяснить.

До двери Моди не дошёл. Он уже собирался вызвать секретаря Имперской канцелярии, который, казалось, существовал одновременно во всех коридорах дворца, — когда Эймунд вдруг сказал:

— Подождите, Хранитель.

Моди остановился.

— Кажется, я знаю выход.

Элайн подозрительно посмотрела на старика.

— Надеюсь, этот выход не предполагает очередную отправку меня на другой край света?

Эймунд пропустил замечание мимо ушей.

— Расследование зеркал.

Асвер мгновенно оживился.

— А-а.

Он выпрямился в кресле.

— Тот самый дом?

— Именно.

— Откуда Рибор вытащил пятьдесят пять унций лирна?

— Он самый. Дом Феррена Лютрига.

Элайн перевела взгляд с одного на другого.

— Кто такой Феррен Лютриг?

Эймунд слегка нахмурился.

— Владелец дома. Вернее, бывший владелец.

— А что с ним произошло?

— Исчез.

— Куда?

— Если бы мы знали, он бы уже не считался исчезнувшим.

Элайн поморщилась.

— Разумеется.

— Насколько удалось установить, близких родственников у него нет. Во всяком случае, ни один человек до сих пор не предъявил прав на его имущество.

Моди уже вернулся к столу.

— В таком случае дом можно оформить в собственность Короны.

— Скорее всего, — согласился Эймунд. — А если внезапно объявится наследник с безупречными бумагами...

На лице старого Хранителя появилось выражение почти сочувственное.

— ...ему всё равно предстоит очень долгий разговор с дознавателями.

Элайн приподняла бровь.

— Почему?

— Потому что дом фигурирует в расследовании, связанном с покушением на Императора.

— Там кого-то убили?

— Нет, — ответил Асвер.

Он уже совершенно забыл про дом как недвижимость. Теперь перед ним снова была научная задача.

— В подвале нашли осколки огромного зеркала. Рибор показал один из них мастеру, который работал с таким стеклом. Тот утверждает, что при изготовлении в него добавляли лирн и в обычных условиях разбить такое зеркало почти невозможно.

— Но оно разбилось?

— Именно. И это одна из причин, почему нас так заинтересовал дом Феррена.

Элайн замерла.

Асвер продолжил:

— Есть основания полагать, что в этом доме проводились серьёзные магические опыты. Возможно, пытались искать путь за пределы нашего мира. Кроме того, мы подозреваем, что через сходную систему могли воздействовать на покойного Императора. В его личных покоях тоже находилось очень большое зеркало.

Элайн уже почти не слушала последние слова.

— Подождите.

Она подалась вперёд.

— Вы сказали: искали путь за пределы мира?

— Возможно.

— В этом доме?

— Да.

— Переход в мой мир?

Асвер осторожно покачал головой.

— Этого я не сказал. Мы ещё не знаем, куда именно пытался проникнуть Феррен и что ему удалось обнаружить.

Элайн смотрела на него.

И вдруг что-то вспомнила.

— Моё зеркало...

Асвер сразу насторожился.

— Какое зеркало?

— То, возле которого я исчезла.

Он теперь смотрел только на неё.

— Что с ним?

— Оно стояло напротив кровати.

Элайн медленно провела пальцами по подлокотнику кресла, вытаскивая из памяти детали, которые раньше казались совершенно незначительными.

— Когда Малькольм его покупал, он особо подчеркнул, что зеркало очень дорогое. И не бьётся.

Асвер вскочил.

— Что значит «не бьётся»?

— То и значит.

— Кто его изготовил? Где? Каким способом? Было ли оно обработано магически? Из чего сделана рама? Что находилось...

— Расскажите всё, — перебил он самого себя. — Абсолютно всё, что помните. Это чрезвычайно важно.

— Асвер.

Голос Моди заставил его замолчать. Хранитель Мудрости раздражённо повернулся.

— Что?

— При всём моём уважении к вашей науке, мы ещё не закончили разговор.

— Моди, вы понимаете, что она сейчас сказала?

— Прекрасно понимаю.

— Тогда...

— Сначала мы решим вопрос с домом. После этого фрейа Элайн расскажет вам всё о своём зеркале.

Моди подумал и добавил:

— А ещё лучше — запишет.

Элайн посмотрела на него без особого восторга.

— Запишет? Всё?

— Насколько возможно подробно.

— Замечательно.

— Письменное свидетельство будет значительно полезнее разговора, — спокойно продолжил Моди. — Особенно если эти сведения имеют отношение не только к возвращению фрейи Элайн домой, но и к расследованию покушения на Императора.

Асвер всё ещё хмурился.

— Именно поэтому нельзя откладывать.

— Если фрейа всё напишет не сейчас, а позже — мир не рухнет.

Асвер явно собирался возразить.

— Уверяю вас. — подтвердил Моди.

Эймунд кашлянул, скрывая улыбку.

— Прошу не забывать, что наше время не бесконечно, — продолжил Моди. — Фрейа изложит на бумаге всё, что знает о зеркале. Верно?

Элайн кивнула.

— Верно.

Написать несколько страниц? Она спокойно это переживёт. Если это даст хотя бы ничтожный шанс найти дорогу назад, она напишет десять. Сто страниц.

Зеркало. Небьющееся зеркало в Талларе. Небьющееся зеркало здесь.

Дом, в котором кто-то пытался искать путь между мирами.

Впервые за долгое время слова о возвращении перестали звучать как обещание, которое дают человеку, чтобы он не потерял надежду.

Это ещё не была дорога — но, возможно это был её первый камень.

Малькольм. Роланд.

Элайн почувствовала, как сердце забилось чуть быстрее.

Эймунд вернул разговор к первоначальной теме:

— Значит, решено. Дом очень хороший. Большой, добротно построенный. Феррен был человеком состоятельным и на собственном удобстве не экономил.

Он посмотрел на Элайн.

— Для королевы вполне подойдёт.

— Чудесно.

— Есть только одно обстоятельство.

Она снова насторожилась. Ох уж эти обстоятельства!

— Какое?

— Дом находится в Сонсборге.

Элайн неожиданно улыбнулась.

— Прекрасно.

Все трое посмотрели на неё почти одновременно. Моди первым нарушил молчание:

— Вы поняли, что сказал Хранитель?

— Конечно.

— Сонсборг — это не Раусборг.

— Именно поэтому и прекрасно.

Она откинулась в кресле.

— Чем дальше я буду от Тори...

Элайн остановилась. Моди даже не моргнул.

— ...от Его Величества, — поправилась она, — тем лучше для Его Величества.

Асвер посмотрел на Эймунда. Эймунд — на Моди. Никто ничего не сказал.

Моди пригладил ладонью волосы.

— Что ж. Полагаю, на этом наш малый совет можно считать законченным. Остальное — технические подробности.

Элайн поднялась.

— Предупреждаю сразу: если дом мне не понравится, я за себя не отвечаю.

Моди посмотрел на неё почти устало.

— Успокойтесь, фрейа. Империя сделает всё необходимое.

— Главное, чтобы Империя все сделала правильно.

Она расправила складки платья.

— До свидания, господа.

— До свидания, фрейа.

Асвер тоже поднялся.

— Я тоже прошу меня извинить. Высокая Башня все так же не может без меня обойтись.

Элайн посмотрела на него.

— Я помню про зеркало.

Асвер кивнул ей:

— Очень надеюсь.

Он почти сразу вышел вслед за ней. Дверь закрылась.

Несколько мгновений Моди сидел молча.

Потом почесал кончик носа, придвинул к себе исписанный лист и ещё раз просмотрел записи.

— Если бы я не знал, что всё это правда...

Он постучал пальцем по бумаге.

— Всё её путешествие по западным землям. Эта Цуннэс. Плен. Побег. Корабль. Форт Адмар. Ворота Силы. Лирн...

Моди покачал головой.

— Я бы не поверил ни единому слову.

Эймунд чуть приподнял бровь.

— Почему?

— Потому что это какое-то запредельное везение.

— Нет, Хранитель.
— Нет?
— Это опыт. Характер. И её способности.
Моди откинулся на спинку кресла.
— Я стараюсь исходить из самых очевидных предпосылок.
— А я стараюсь исходить из фактов.
Эймунд помолчал.
— Она очень сильный союзник, Моди.
Хранитель Короны снова взглянул на лист.
— Я думаю, нам придётся принять её на службу, Эймунд.
— А я думаю, мы должны принять её на службу, Моди.
Моди несколько секунд разглядывал старика. Потом медленно кивнул.
— Да. Вы тоже правы.
Он постучал пальцем по столу.
— И придётся, и должны.
Некоторое время оба молчали. Потом Моди сказал:
— Честно говоря, я бы не хотел, чтобы она уходила в свой мир.
Эймунд повернул к нему голову.
— Не дай Лайен она узнает о вашем желании, Хранитель.
Моди усмехнулся.
— Почему?
— Тогда Империя окажется в страшной опасности.
Улыбка Моди стала чуть заметнее.
— Что может сделать одна женщина против всей Империи?
Эймунд посмотрел на него.
— Расскажите это Феору, Моди.

Глава 4

Вечером Элайн всё-таки вспомнила об обещании, данном Асверу.

День успел утомить её больше, чем она ожидала. Сначала Торин, потом Совет, затем долгий разговор с Хранителями — и всё это после месяца дорог, в течение которого большинство вопросов решались значительно проще. Если кто-то хотел тебя убить, нужно было не дать ему этого сделать. Если впереди была река — найти переправу. Если кончалась еда — купить, украсть или добыть ещё.

Во дворце всё оказалось гораздо сложнее.

Здесь люди улыбались, соглашались, просили изложить сведения письменно — и каким-то непостижимым образом к вечеру у тебя появлялась работа.

Элайн зажгла вторую свечу, пододвинула её ближе и уселась за небольшой письменный стол у окна.

За стеклом уже темнело. По внутреннему двору время от времени проходили слуги с фонарями, и жёлтые огоньки медленно плыли между каменными стенами. Где-то далеко хлопнула дверь, прозвенело ведро, затем всё снова стихло.

Элайн выдвинула ящик с писчими принадлежностями: несколько листов хорошего пергамента, очиненные перья, маленькая пузатая чернильница и коробочка с мелким песком.

Она достала первый лист, разгладила его ладонью и обмакнула перо.

Несколько мгновений смотрела на пустой пергамент.

Потом написала:

«Сообщаю всё, что мне известно о зеркале, с которым было связано моё исчезновение из Феннивара и появление в этом мире».

Элайн перечитала написанное. Выглядело сухо, разумно и совершенно бессмысленно. Она нахмурилась.

Что именно им нужно знать? Размер зеркала? Кто его купил? Когда? Как выглядела рама?

Что она видела перед тем, как всё исчезло?

Перо застыло над пергаментом. Зеркало.

Она вдруг увидела его так ясно, словно не месяц, а целый мир лежал между ней и той спальней.

* * *

Старое зеркало давно следовало выбросить.

Стекло помутнело, по краям серебрение пошло пятнами, и Элайн каждый раз раздражалась, пытаясь рассмотреть себя целиком. Особенно сильно это злило её в последние месяцы беременности, когда собственное тело менялось чуть ли не каждую неделю и новое платье уже через несколько дней начинало сидеть совсем не так, как прежде.

Она приказала найти другое.

А через некоторое время Малькольм вошёл к ней с таким довольным лицом, словно лично разгромил вражескую армию.

— А я нашёл тебе зеркало.

— Ты?

Элайн подозрительно посмотрела на мужа.

— Сам?

— Именно.

— Без меня?

— Представь себе.

Это достижение, судя по выражению его лица, явно требовало отдельного признания.

Зеркало оказалось огромным — почти во весь человеческий рост. Его закрепили напротив кровати. Чистое стекло без малейших волн и мутных пятен было редкостью даже для королевского дворца, а широкая металлическая рама, покрытая затейливой вязью рун, делала вещь совсем необычной.

Элайн долго разглядывала своё отражение.

— Прекрасно! Я польщена. И сколько это стоило?

Малькольм уклончиво кашлянул.

Она повернула голову.

— Малькольм.

— Дорого.

— Насколько дорого?

— Тебе понравилось зеркало?

— Очень.

— Тогда зачем портить впечатление ненужными подробностями?

Элайн засмеялась. Он подошёл ближе и положил ладонь ей на живот.

— Зато продавец особо подчеркнул, что его невозможно разбить.

— Ты купил мне зеркало или осадный щит?

— С тобой никогда нельзя знать заранее, что окажется полезнее.

Она ткнула его локтем в бок.

Роланд — хотя тогда он ещё был просто будущим Роландом — тут же ответил сильным толчком изнутри.

Элайн схватилась за живот.

— Вот! Чувствуешь?

Малькольм улыбнулся. Тогда всё было просто. Зеркало было всего лишь зеркалом.

Потом пришла та ночь. Отдельные часы распадались на мутные куски: мокрые простыни, горячий воздух спальни, запах травяных настоев и потухших свечей, испуганные лица служанок. Кто-то приносил воду. Кто-то уносил окровавленное бельё. За дверью постоянно слышались шаги.

Роды длились слишком долго.

К тому времени, когда приехала Лойва, Элайн почти перестала понимать, сколько прошло времени.

Она помнила Малькольма. Он сидел рядом и держал её за руку.

Вот это она помнила совершенно отчётливо.

— Я здесь, — говорил он снова и снова. — Я рядом.

Иногда Элайн хотелось ответить, что она прекрасно видит, где он находится, и что повторять одно и то же совершенно необязательно.

Но сил на язвительность уже не оставалось. Потом появился горький эликсир.

Лойва заставила её пить маленькими глотками, хотя Элайн отчаянно хотелось просто закрыть глаза и больше ничего не делать.

— Пей.

— Гадость...

— В нём лириус. Это придаст тебе сил.

— Лойва...

— Потом будешь ругаться.

Элайн глотнула ещё раз. Вкус был резким, почти металлическим.

Потом Лойва смешала эликсир с каким-то лекарственным составом, растёрла его между ладонями и нанесла ей на живот, после чего начала работать магией.

Тогда Элайн было совершенно всё равно, что именно делает целительница.

Главное — силы вернулись. Ненадолго, но вполне явственно.

Она снова услышала голос Малькольма возле самого уха:

— Давай. У тебя получится.

И на этот раз всё получилось.

Первым появился крик. Громкий, возмущённый, пронзительный.

Малькольм радостно засмеялся. Кто-то рядом тоже.

Элайн лежала на подушках, совершенно обессиленная, и пыталась поднять голову.

— Сын?

— Сын.

Больше ей ничего не было нужно. Весь мир мог подождать. Войны, короны, двор, письма, советники — всё это вдруг стало настолько неважным, что казалось почти смешным.

У неё был сын.

Роланд.

Она произнесла это имя вслух, несколько раз.

И увидела его — маленькое завёрнутое тельце в руках Лойвы.

— Дай мне его.

— Сейчас.

— Лойва, дай.

— Уже даю.

Элайн протянула руки. Малькольм стоял рядом.

Она повернула голову — и совершенно случайно посмотрела в зеркало напротив кровати.

Там отражалось всё. Она сама среди смятых подушек. Малькольм возле изголовья. Лойва с ребёнком на руках.

Её собственные протянутые вперёд руки. И руны.

Элайн сначала даже не поняла, что именно изменилось. Потом увидела — знаки на раме начали светиться.

Сначала едва заметно, потом всё сильнее и сильнее.

Алый свет быстро наполнял вырезанные линии, будто кто-то лил раскалённый металл в тонкие борозды.

— Лойва...

Целительница обернулась. Поверхность зеркала дрогнула — не отражение, а само стекло.

Оно пошло волнами, словно на мгновение перестало быть твёрдым.

Элайн успела увидеть, как лицо Лойвы изменилось. Потом зеркало вспыхнуло белым. Не огнём, не молнией. Просто ослепительной белизной, в которой мгновенно исчезли стены спальни.

Элайн открыла рот, но не услышала собственного крика.

Малькольм растворился первым. Потом Лойва. Потом кровать. Комната и весь мир.

Остался только Роланд. Совсем близко. Она тянулась к нему обеими руками.

Ещё немного. Он был так близко...

— Нет!

Она ведь даже не успела его коснуться.

Ничего. Ни голоса. Ни воздуха — белое пространство поглощало всё.

Роланд становился прозрачным. Исчезал. Элайн рванулась к нему из последних сил.

«Нет. Нет! Отдайте! Это мой сын!»

Она увидела собственную руку — пальцы постепенно растворялись в слепящей белизне, начиная с кончиков.

Последнее, что она помнила, — как изо всех сил тянулась вперёд.

Туда, где только что был её ребёнок.

Элайн открыла глаза. Некоторое время она просто смотрела вверх и не понимала, что видит.

Низкий потолок. Закопчённая балка. Побелка, растрескавшаяся возле стены. Пучок каких-то трав под самым окном. Ничего знакомого. Где-то совсем рядом заржала лошадь.

Она повернула голову.

У двери стояла старушка. Не служанка. Не лекарка. И уж точно не Лойва.

— Где я?

Голос вышел хриплым и слабым.

«Где Роланд? Где мой сын?»

А затем пришла вторая мысль, ещё страшнее первой — «Где Малькольм?»

* * *

Капля чернил упала на пергамент. Элайн вздрогнула. Перед ней снова был письменный стол во дворце Рауссборга. Свеча потрескивала всё так же. За окном окончательно стемнело.

Она всё ещё держала перо над первой строкой.

Чернила собрались на кончике тяжёлой каплей и оставили рядом с текстом некрасивое тёмное пятно.

Элайн медленно положила перо. Несколько мгновений смотрела на свои руки.

Потом сжала пальцы. Месяц. Всего месяц — а казалось, что целая жизнь.

Она снова начала писать:

«Зеркало было большим, почти во весь человеческий рост. Его приобрёл мой муж Малькольм Лайрен незадолго до рождения нашего сына. При покупке ему отдельно сообщили, что зеркало отличается исключительной прочностью и не бьётся».

Элайн остановилась и потом добавила:

«Рама была покрыта рунами. До дня моего исчезновения я не видела, чтобы они проявляли какие-либо свойства».

Она немного задумалась. Об этом она раньше Асверу не рассказывала.

«Во время родов Великая Целительница Лойва применяла лечебный состав с лириусом. Часть его я выпила, другую втёрли мне в живот для того, чтобы воздействовать на меня лечебной магией».

Раньше это ей казалось неважным. А теперь — уже нет.

Элайн снова окунула перо.

«Непосредственно перед исчезновением руны на раме начали светиться ярким алым светом. Поверхность зеркала стала подвижной, похожей на воду. После этого произошла ослепительная белая вспышка».

Она долго смотрела на последнюю строчку, а затем написала:

«Следующее, что я помню, — пробуждение уже в этом мире».

Она поставила точку.

Потом посыпала написанное песком и откинулась на спинку кресла.

Перед глазами снова на мгновение возникли маленькие руки, до которых она так и не успела дотянуться.

Она резко встала и подошла к окну. Асвер был прав.

Если между этими зеркалами существовала хоть какая-то связь, её нужно найти.

Если лириус и лирн имели к этому отношение — выяснить какое. Если Феррен сумел однажды проделать дыру между двумя мирами, значит, это было возможно. А всё, что однажды удалось сделать человеку, другой человек мог понять. А значит — и повторить.

Элайн опёрлась ладонями о холодный каменный подоконник.

Где-то далеко, за стенами Рауссборга, лежал Сонсборг. Дом Феррена. След в её мир.

Она должна быть там как можно скорее.

* * *

До Коррилена оставался примерно день пути. Если, конечно, карта Урвега ещё хоть что-нибудь значила в Серых землях, где дороги менялись быстрее, чем их успевали наносить на пергамент, а поселения возникали и исчезали без всякого участия землемеров.

Утром они доели последнее.

Кусок хлеба оказался настолько чёрствым, что Урвег сначала переломил его рукоятью ножа на краю седельной сумки. Корка треснула с сухим деревянным звуком. Одну половину он протянул Цуннэс, вторую оставил себе.

Урвег ел медленно, почти не обращая внимания на вкус. Только раз задержал кусок во рту, старательно размочил и проглотил. Цуннэс справилась хуже.

Она долго жевала последний ломоть, потом заставила себя проглотить и скривилась.

— Даже в том гнусном приюте, где я выросла, нас так не кормили.

Урвег посмотрел на неё и слегка улыбнулся.

— Хотя еда там тоже была отвратительная, — уточнила Цуннэс.

Он ничего не ответил. Снял с седла флягу, сделал несколько глотков и передал дочери.

Она допила остаток уже в седле. Когда последняя капля скользнула на язык, Цуннэс сообразила, что воды ей досталось подозрительно много. Она покосилась на отца.

Урвег уже убирал пустую флягу обратно, словно всё было так, как и должно быть.

Цуннэс промолчала, но решила, что при первой возможности раздобудет нормальной еды и проследит, чтобы отец поел как следует. Не хлебную подошву. Не сушёную дрянь из седельной сумки.

Хорошее мясо. Отличное вино. Обязательно проследит.

Деревню они увидели ближе к полудню. Она лежала немного в стороне от дороги, если две колеи, продавленные колёсами в сухой земле, вообще можно было назвать дорогой.

На карте этого поселения не было. Узнать его название пока тоже весьма затруднительно.

Первые дома стояли почти вплотную к небольшим клочкам полей. Поля выглядели так, словно землю здесь обрабатывали не потому, что надеялись хорошо жить, а потому, что отказывались умирать. Жидкая рожь, редкие полоски овощей, несколько яблонь с обломанными нижними ветвями.

Изгороди встречались лишь местами. Большую часть хорошего дерева давно, похоже, разобрали на топливо.

Крыши были крыты чем придётся: старой соломой, почерневшей дранкой, кое-где кусками серого войлока, придавленного камнями. У одного дома вместо ставни к оконному проёму была прибита часть дверного полотна. Возле другого сидела босая девочка и перебирала что-то в деревянной миске. При виде всадников она мгновенно схватила миску и исчезла за дверью.

Цуннэс медленно оглядывалась.

За всё время, пока они ехали по деревне, она увидела только двух взрослых мужчин.

Один был старик с согнутой спиной. Второй — хромой, волочивший за собой ногу.

Зато женщин и детей было много. Они не подходили к дороге — некоторые смотрели из дверей, а другие — из-за заборов. Стоило встретиться с ними взглядом, как лица исчезали.

— Да уж, богатый край, — тихо заметила Цуннэс.

Урвег ничего не ответил. Ирония была слишком очевидной.

Этот посёлок выглядел именно так, как должно было выглядеть место, из которого год за годом забирали всё, что можно забрать, ничего не давая взамен. Коня отнимут. Урожай — заберут сколько захотят. Вырастет крепкий парень — либо уйдёт к одной из шаек, либо однажды просто не вернётся домой.

Здесь оставались те, кому было некуда идти. И те, кого никто не считал достойной добычей.

Пустая фляга постукивала о седло Цуннэс. Под ней тяжело дышала лошадь. На шее выступила тёмная полоса пота, животное то и дело вытягивало голову и принюхивалось, явно надеясь почуять воду.

— Нам всё равно придётся остановиться — сказала Цуннэс.

— Знаю.

Дорога превратилась в единственную деревенскую улицу. Она была ненамного лучше полевой: ямы, сухие колдобины, старые навозные лепёшки, утоптанная до каменной твёрдости земля. После дождя здесь, вероятно, можно было утопить телегу по ступицы.

Самый большой дом стоял ближе к середине деревни. Большой — это только по местным меркам.

Два этажа, широкое крыльцо, относительно целая крыша. На окнах сохранились ставни, а возле стены стояли две бочки. Дом выглядел значительно крепче остальных и оттого сразу вызывал вопрос: почему именно ему повезло?

Ответ сидел на крыльце. Оборванный мужчина с кувшином между коленями. Он пил прямо из него, лениво наблюдая за улицей. Увидев Урвега и Цуннэс, мужчина сразу перестал пить.

Сначала посмотрел на лошадей, потом на седельные сумки, а уже потом на одежду всадников.

Он встал, и в его взгляде появилось что-то неприятно деловое. Потом сразу исчез в доме.

Цуннэс проводила его глазами и немного ухмыльнулась.

— Кажется, здесь нам очень рады.

Урвег остановил коня.

— Сколько у тебя осталось лирна?

Она даже не задумалась.

— Восемнадцать кристаллов.

— У меня тридцать. Запас тех, кто ехал с нами. — Он похлопал ладонью по тяжёлой сумке возле седла.

Цуннэс поморщилась.

— Всё равно придётся экономить. Пока не доберёмся до людей, которые торгуют лирном, каждый кристалл будет на счету.

Она расстегнула футляр на поясе.

— Разумеется, — сказал Урвег. — Но сейчас...

Договорить он не успел. Дверь дома распахнулась.

Сначала наружу вышел тот самый человек с кувшином, а за ним сразу ещё трое. Потом ещё несколько человек высыпали на крыльцо, загрохотав сапогами по доскам.

Цуннэс насчитала десятерых.

Впереди остановился высокий мужчина лет сорока с небольшим. Худой, жилистый, с тёмной щетиной на щеках. Один глаз закрывала белая повязка из грязноватой холстины, завязанная узлом на затылке. Одет он был лучше остальных, хотя слово «лучше» здесь явно требовало снисхождения.

Кожаный колет когда-то был добротным, но теперь блестел от старого жира и грязи. Под ним виднелась кольчужная рубаха с несколькими плохо заделанными прорехами. Зато сапоги были отличные — мягкая кожа, высокие голенища, крепкие подошвы.

Слишком хорошие для человека, живущего в такой деревне. На поясе висел длинный меч в потёртых ножнах.

Тоже хороший и, вероятнее всего, когда-то принадлежавший кому-то другому.

Остальная шайка была вооружена кто во что горазд.

У двоих — вроде нормальные мечи. Ещё у нескольких топоры и короткие копья. Двое держали косы, насаженные вертикально на древки и превращённые в грубое подобие оружия.

Последний вышел с тяжёлым крестьянским цепом; деревянное било было обмотано железной полосой.

Не армия — но для местных крестьян и этого вполне хватало.

Главарь посмотрел на Урвега, затем задержал взгляд на Цуннэс и как-то очень гадко улыбнулся.

Цуннэс вздохнула.

— Сейчас я их всех разрежу.

— Подожди.

Она повернула голову к отцу.

— Зачем?

Урвег уже доставал из сумки кристалл.

— Главаря нужно оставить.

— Для чего?

— Поговорить.

Цуннэс снова посмотрела на мужчину с повязкой. Тот как раз спустился с крыльца и пошёл к ним, широко расставив руки, словно уже собирался объявить условия.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда подними его повыше.

В её пальцах появились два кристалла лирна.

Главарь остановился в нескольких шагах.

— Ну что, добрые люди...

Урвег чуть шевельнул кистью, и мужчина взметнулся ввысь. Как будто его подхватил невидимый кулак и швырнул вверх. Он успел только коротко вскрикнуть.

Все остальные головы разом задрались.

И именно в этот момент Цуннэс ударила.

Она свела два пальца и повернула кисть своим особым приёмом.

Воздух перед крыльцом едва заметно дрогнул.

По толпе как будто прошёл невидимый огромный клинок. Первым лопнуло древко копья, следом перерезало рукоять косы.

А потом всех стоящих людей.

Всё произошло настолько быстро, что первые несколько мгновений никто даже не успел закричать.

Один из столбиков крыльца вдруг съехал в сторону по идеально гладкому косому срезу. Кусок перил рухнул на ступени. Из рук одного из бандитов выпала половина меча. Потом начали падать люди.

Кто-то осел прямо на крыльце. Кто-то свалился назад в дверной проём. Ещё двое рухнули на землю возле ступеней вместе с обломками оружия. Кто-то даже успел коротко вскрикнуть.

Лошади шарахнулись в сторону, и Цуннэс натянула поводья.

Через мгновение всё закончилось.

Там, где ещё секунду назад стояла вооружённая шайка, теперь лежала ломаная груда тел, обрезанных древков, досок и оружия. А сверху на них падал их главарь.

Он успел вскинуть руки. Увы, это ему не помогло.

Мужчина с тяжёлым шлепком рухнул на землю, выбив облачко пыли. Воздух вышел из него с хриплым стоном.

Несколько секунд он просто лежал, потом попытался вдохнуть.

Получилось не сразу.

Цуннэс посмотрела на оставшийся в пальцах небольшой голубоватый обломок лирна и спешилась.

Ноги после долгой езды отозвались привычной тупой болью, но сейчас она почти не обратила на неё внимания.

Главарь наконец сумел перевернуться на бок. Единственный глаз метался между ней, Урвегом и тем, что осталось от его людей.

Он явно пытался понять, каким образом обычная попытка ограбления двух усталых путников закончилась настолько ужасно неправильно.

Цуннэс подошла. И вдруг вспомнила Хэнгисона. Тогда это было почти шуткой.

Она посмотрела на крошечный остаток кристалла.

— Почему бы и нет...

Главарь услышал и, судя по выражению лица, ему очень не понравилось, что она сказала.

Цуннэс щёлкнула пальцами.

Мужчина резко выгнулся. Из груди вырвался глухой, сорванный звук. Пальцы судорожно впились в землю, лицо исказилось так, будто вся боль, какую человеческое тело способно почувствовать сразу, на несколько мгновений собралась в одном месте.

Он не потерял сознания — Цуннэс этого и не хотела.

Через несколько секунд его отпустило, и он обмяк, тяжело хватая воздух. На лбу выступил липкий пот.

Белая холщовая повязка сбилась набок, но он даже не попытался её поправить.

Цуннэс присела перед ним на корточки и посмотрела на него с весёлыми искорками в глазах.

Её голос стал почти дружелюбным.

— Ну, здравствуй, дружок.

Главарь смотрел на неё единственным глазом.

В нём не осталось ни угрозы, ни жадности — только отчаянный, панический страх.

Цуннэс широко улыбнулась.

— А теперь давай знакомиться.

* * *

Судя по всему, когда-то в этом доме была корчма.

Общая комната занимала почти весь первый этаж. Три грубо сколоченных стола, длинные лавки, широкий прилавок у стены, за которым прежде наверняка стояли бочки и хозяин с полотенцем через плечо. В торце темнел большой каменный камин.

Теперь очаг был холодным. На решётке лежала старая серая зола, между углями белели обгоревшие кости, а от прежней корчмы осталось лишь само помещение да мебель, слишком тяжёлая, чтобы её было удобно утащить.

За прилавком никто не стоял. Посетителей тоже не было.

Зато столы оказались завалены так, словно последние несколько дней здесь ели, пили и спали одновременно. Немытые миски, обглоданные кости, засохшие хлебные корки, луковая шелуха, обгрызенная ложка. Под одной лавкой валялись черепки разбитого кувшина. В углу кто-то бросил грязную тряпку, происхождение и назначение которой Цуннэс никогда бы не стала выяснять.

В воздухе стоял тяжёлый запах кислого вина, старого жира, перегара и давно не мытых человеческих тел.

Цуннэс поморщилась.

Главаря усадили у стены. Руки ему связали за спиной, ноги стянули ремнём у щиколоток. После падения он всё ещё двигался осторожно и время от времени морщился, когда забывался и пытался изменить положение.

Цуннэс прошлась перед ним, сапогом отбрасывая с дороги мусор.

— Отец, может, всё-таки вытащим его во двор?

Урвег, сидевший за ближайшим столом, поднял глаза.

— Зачем?

Она обвела рукой комнату.

— Тут воняет.

Севиид почему-то решил, что это замечание относится к нему. Цуннэс посмотрела вниз.

— От тебя тоже.

Она легонько пнула его носком сапога в бок.

— Что же вы живёте как свиньи?

— Мы... па... ну...

— Слизняк.

Второй раз она ударила уже сильнее. Он охнул и дёрнулся.

— Соберись!

— Ага, — наконец выдавил он.

— Вот так-то.

Урвег тем временем методично освобождал перед собой участок стола. Сдвинул в сторону миску с засохшей кашей, сгреб кости, поднял за горлышко один кувшин, потряс. Внутри что-то плеснулось.

Он осторожно понюхал содержимое.

Цуннэс заинтересованно повернула голову. Урвег сделал совсем маленький глоток, несколько мгновений подержал вино во рту и с некоторым удивлением посмотрел на кувшин.

— Живое.

— Что?

— Вино.

Он отпил уже основательнее. После пустой фляги и утреннего хлеба даже посредственное деревенское вино оказалось неожиданно приятным.

Цуннэс тоже смотрела на кувшин. Урвег заметил и поставил его на стол, не допивая.

— Как, говоришь, тебя зовут?

Связанный мужчина сглотнул.

— Севиид.

— Просто Севиид?

Тот замялся.

— Севиид... Победоносный.

Несколько мгновений было тихо. Потом Цуннэс согнулась от хохота.

Урвег продержался чуть дольше, но тоже рассмеялся. Севиид смотрел на них с обиженным недоумением.

— Что?..

Цуннэс вытерла выступившие слёзы.

— Ничего. Всё прекрасно. Севиид Победоносный — это замечательно.

Она снова прыснула.

— Ты великолепный собеседник. Надеюсь, ты и дальше будешь нас так же радовать?

— Я... Что?

Её лицо изменилось почти мгновенно.

— Хорошо отвечать на вопросы — сказала она уже совершенно другим голосом. — Вот что.

Севиид перестал моргать.

— Надеюсь, объяснять, что произойдёт, если мы будем недовольны, не нужно?

— Ага, — упавшим голосом произнёс Победоносный.

Цуннэс прислонилась бедром к краю стола.

— Где остальные твои люди?

Он покосился куда-то в сторону двери.

— Все тут.

— Тут?

— Ну... там.
Севиид кивнул в сторону улицы.
— Больше никого нет.
Цуннэс долго смотрела на него.
— Врёшь.
— Нет!
Её пальцы сложились щепотью, и Севиид сразу увидел это движение.
— Нет-нет-нет! Клянусь! Все были со мной! Больше никого!
Цуннэс не опустила руку.
— Совсем никого?
— Совсем!
Она ещё секунду подержала его в напряжении и лишь потом разжала пальцы.
Урвег спокойно отпил ещё немного вина.
— Где припасы?
Севиид перевёл взгляд на него.
— Какие?
— Все.
— М-м...
Цуннэс резко повернулась.
— Прекрати мычать!
— В кладовой! — выпалил он. — Тут, в доме. За кухней. Там всё лежит.
Немного подумал и с надеждой добавил:
— Вы меня отпустите, да?
Цуннэс уже открыла рот.
— Это зависит от тебя, — опередил её Урвег. — Пока ты ещё недостаточно полезен.
— Я очень полезный!
— Прекрасно. Тогда где ваша база?
Энтузиазм Севиида заметно поблек.
— Нигде.
Урвег приподнял бровь.
— Что значит — нигде?
— Мы недавно только... собрались. Ну, ходим пока. Ищем.
— Что ищете? — спросила Цуннэс.
Севиид не сразу понял, что вопрос был издевательским.
— Ну... что найдём.
— Берёте.
— Ага.
Она медленно покачала головой.
— Победоносный.
Урвег подавил улыбку.
— Лошади где?
— Нету.
— Совсем?
— Пока нет.
Севиид вдруг посмотрел в сторону улицы, где стояли их кони.
— Ищем вот.
Цуннэс проследила за взглядом.
— Думал, что возьмёшь наших?
— Хорошие лошади, — честно признался он.

— Дурак.

Севиид решил не отвечать.

Урвег отодвинул кувшин в сторону.

— Кого ты знаешь сильнее себя?

Вопрос неожиданно оказался для пленника самым трудным.

Он нахмурился.

— Я...

— Ну? — поторопила Цуннэс.

— Вас знаю.

Она медленно повернулась к отцу.

— Он придурок или специально издевается?

— Пока неясно.

— Папа, давай я его всё-таки отправлю к остальным?

Сказано это было капризным тоном избалованной девицы, которой надоела игрушка.

Она подмигнула Урвегу, и он заметил.

— Впрочем...

Он задумчиво посмотрел на Севиида.

— Если ты так хочешь...

Победоносный окончательно понял, что беседа идёт куда-то не туда.

— Кого назвать? — торопливо спросил он. — Скажите, кого! Я назову!

Урвег чуть наклонился вперёд.

— Вождя. Такого, которого ты сам боишься. Чтобы у него были люди, лошади, оружие.

На лице Севиида наконец появилось понимание.

— А! Люнтис!

— Кто?

— Люнтис Бешеный.

Цуннэс усмехнулась.

— У вас здесь всё население с прозвищами?

Севиид не понял.

— У него люди есть, — продолжил он. — Много.

— Сколько?

— Тридцать.

Он немного подумал.

— Или сорок. — Потом подумал ещё чуть-чуть. — Может, двадцать.

Цуннэс закрыла глаза.

— Тебя учили считать? До ста?

— А зачем?

Она открыла глаза и посмотрела на отца.

Урвег решил не отвлекаться.

— Где искать Люнтиса?

— Около города.

— Коррилена?

— Ну да.

Севиид заёрзал, устраиваясь удобнее у стены.

— Там перед воротами место есть, меняльное. Его люди держат. Он там бывает. А ещё далеко ездит.

— Зачем?

— За добычей.

Севиид понизил голос, словно собирался сообщить государственную тайну.

— Говорят, даже за лирном ездит.

Урвег перестал вертеть в пальцах черепок. Цуннэс тоже выпрямилась.

Вот оно. Пока ещё только слух. Но в нём уже прозвучало нужное слово.

Лирн.

Урвег некоторое время молчал. Формально Высшим Теургом он больше не был.

Ни приказов, ни охраны, ни кабинета, ни людей, которые исполнят распоряжение только потому, что оно исходит от него. Но привычка выстраивать из обрывков сведений цепочку возможностей никуда не исчезла.

Он подвинул пальцем по столу очередной черепок.

— Люнтис умеет колдовать?

Севиид посмотрел на него так, словно вопрос был совершенно безумным.

— Как вы?

— Например.

— Нет!

— Кто-нибудь вообще умеет?

— Не знаю. Может, в городе.

— А кто там самый сильный?

Севиид снова замялся.

— Не знаю.

Цуннэс нахмурилась.

— Ты же бываешь в Коррилене?

— Нет.

— Почему?

— Нас туда не пускают.

— Кого — вас?

— Ну... таких.

— Каких таких?

Севиид посмотрел на себя. Ответ получился достаточно наглядным.

Урвег спросил:

— Что нужно, чтобы войти?

— Знак.

— Какой ещё знак?

— Бумага с печатью! — поспешно добавил Севиид. — От городских.

— И без неё никак?

— Можно.

Цуннэс заинтересовалась.

— Вот как?

— Только дорого.

— Насколько дорого?

— Очень.

Она улыбнулась.

Севиид торопливо уточнил:

— Год назад десять золотых просили.

В комнате стало тихо.

— За вход? — переспросила Цуннэс.

— Ага.

— С человека?

— Ну.

— И находятся желающие?

Севиид пожал плечами, насколько позволяли связанные руки.

— Богатые, наверное.

Он вздохнул.

— Жадные они там все в городе. И натурой не берут. Или знак, или золото.

Помолчал и добавил уже с совершенно искренней печалью:

— А где у меня столько золота?

Урвег и Цуннэс переглянулись.

Система была придумана на редкость удачно. Во всяком случае — для тех, кто её придумал.

Урвег поднялся.

— Думаю, достаточно.

Севиид оживился.

— Всё?

— Пока да.

Урвег посмотрел на дочь.

— Пойдём немного подышим.

Она с облегчением оттолкнулась от стола.

— Наконец-то.

Севиид заёрзал у стены.

— А я?

Цуннэс, проходя мимо, снова пнула его в бок.

— А ты сиди.

— Но...

— И не зли меня.

Он мгновенно затих. На крыльце воздух показался почти свежим.

После густого запаха корчмы даже деревенская улица с навозом, пылью и телами у ступеней воспринималась как улучшение. Урвег прикрыл за собой дверь.

Цуннэс прислонилась плечом к столбу — к тому, который её заклинание не успело срезать.

— Ну?

— Его надо отпустить.

Она подняла брови.

— Зачем?

— Чтобы он о нас рассказывал.

Цуннэс некоторое время смотрела на отца.

— Не понимаю.

Урвег кивнул в сторону двери.

— Он отправится отсюда и расскажет первому встречному, что двое приезжих за несколько мгновений уничтожили всю его шайку.

— И?

— Потом расскажет второму. Второй — третьему.

Урвег спокойно посмотрел на неё.

— Чем больше людей здесь будут заранее знать, что попытка ограбить нас заканчивается плохо, тем реже нам придётся это доказывать.

Цуннэс задумалась.

Раньше всё действительно было проще. Были отдельные люди. Одних следовало заставить подчиниться. Других — напугать. Третьих можно было убить, если они становились помехой. А ещё существовали люди, которым подчинялась она сама.

Отец. Высшие Теурги. Демиург.

Там всё было понятно.

Здесь же не было ни Демиурга, ни закона, ни единой власти. Вместо них — десятки маленьких вождей, шайки, рудники, дороги, какие-то городские печати, люди, которые сегодня служат одному, а завтра другому.

И со всем этим придётся научиться обращаться. Не по одному человеку. Сразу со многими.

— Возможно, ты прав, отец.

Урвег посмотрел на неё с нежной улыбкой.

— Я наверняка прав, дочь моя.

Цуннэс фыркнула. За дверью что-то заскреблось.

Севиид Победоносный, очевидно, решил проверить, нельзя ли отползти куда-нибудь вместе со связанными руками и ногами. Цуннэс посмотрела на дверь.

— Пока не очень похоже.

— Дай ему время.

* * *

Цуннэс улыбалась.

Они медленно ехали по единственной деревенской улице, и люди больше не прятались от них за дверями и покосившимися заборами. Женщины стояли возле домов, дети выглядывали из-за юбок, старик, которого Цуннэс видела ещё при въезде, поднял руку в прощальном жесте. Кто-то махнул им вслед, потом ещё кто-то.

Не все, конечно. Некоторые по-прежнему смотрели настороженно. И правильно делали.

Но теперь в этих взглядах было уже не одно только ожидание беды.

Ощущение оказалось неожиданно приятным. Цуннэс поймала себя на том, что улыбается ещё шире.

Оказывается, искреннее восхищение доставляло ничуть не меньше удовольствия, чем искренний страх.

Просто удовольствие было другим.

Лошади тоже выглядели заметно довольнее жизнью. Их напоили, дали корм и почти час не трогали, пока Урвег разбирался с оставшимися делами. Теперь животные шли неторопливо, без прежней усталой тяжести, иногда опуская головы к обочине и прихватывая губами редкие пучки травы.

Седельные сумки тоже заметно потолстели.

Брать всё, что нашлось в бывшей корчме, Урвег не позволил. Они отобрали провизии примерно на два дня, забрали несколько кувшинов с тем самым вполне терпимым вином и на этом остановились.

Остальное получили жители.

Точнее, получила новая деревенская староста.

При воспоминании об этом Цуннэс снова усмехнулась.

Выбирал Урвег недолго.

Из всех женщин, собравшихся возле корчмы, он остановился на крепкой, дородной женщине средних лет. Не старухе, которую могли слушать лишь из уважения к возрасту, и не молодой и тощей девушке, которой пришлось бы каждый раз доказывать право распоряжаться остальными. Эта выглядела здоровее большинства местных, держалась прямо и, что Урвег заметил почти сразу, не отступила назад, когда он подошёл.

К тому же остальные женщины то и дело поглядывали именно на неё.

Этого ему оказалось достаточно.

— Как тебя зовут?

— Тудда.

— Тудда? Хорошо. Теперь ты здесь староста.

Она несколько мгновений смотрела на него, очевидно пытаясь понять, не ослышалась ли.

— Кто?

— Староста.

— Я?

— Ты.

После этого Урвег велел передать ей всё, что обнаружилось в кладовой и принадлежало шайке, а заодно вернуть жителям то, что они сумели опознать как своё.

Женщина окончательно потеряла способность возражать.

Когда перед ней начали появляться мешки, связки, утварь и прочее добро, которое ещё утром считалось безвозвратно отнятым, она приняла новую должность почти без сопротивления.

Правда, Урвег сильно подозревал, что представление о том, чем именно занимается староста, у неё было весьма приблизительным. Впрочем, это его не беспокоило.

Если научится — хорошо. Если не научится, на её месте рано или поздно окажется кто-нибудь другой.

Гораздо важнее было другое.

Люди видели, **кто**её назначил.

Цуннэс оглянулась. Возле бывшей корчмы по-прежнему лежало то, что осталось от шайки. Убирать тела при них никто особенно не рвался, и Цуннэс это вполне понимала. После её заклинания работа предстояла неприятная.

Новая староста, однако, заверила Урвега, что к завтрашнему утру на улице ничего не останется.

— Да уж — сказала Цуннэс. — Думаю, сегодняшний день они здесь нескоро забудут.

Урвег повернул к ней голову.

— Я на это и рассчитываю.

— И этот... Победоносный тоже не забудет.

Она снова оглянулась, хотя Севиида уже давно не было видно. Его освобождение доставило ей отдельное удовольствие. Сначала с него сняли великолепные сапоги. Севиид воспринял потерю почти тяжелее, чем гибель собственной шайки.

— Мои же... — жалобно начал он.

— Уже нет, — коротко и спокойно объяснила ситуацию Цуннэс.

Сапоги оказались примерно впору новой старосте, что Цуннэс сочла ещё одним доказательством разумного устройства мира. Самого Севиида вывели на крыльцо босиком.

Он стоял там, переминаясь на грязных досках, всё ещё не вполне веря, что его действительно собираются отпустить.

Цуннэс позволила ему насладиться этой мыслью несколько мгновений.

Потом сказала:

— Если через минуту ты не уйдёшь из этой деревни, я очень расстроюсь.

Севиид несколько раз торопливо кивнул.

— Понял.

— Кажется, ты не понял.

Она подошла сзади и помогла ему сойти с крыльца хорошим пинком. Победоносный слетел с последней ступеньки, едва удержался на ногах и оказался прямо возле останков собственной шайки.

Цуннэс указала на дорогу.

— Время пошло.

Больше ему объяснять ничего не понадобилось. Несмотря на побои, падение и отсутствие сапог, Севиид Победоносный развил такую скорость, что Цуннэс на мгновение подумала о Вороне.

Её жеребец, конечно, обязательно выиграл бы. Но беглец всё равно был для него серьёзным соперником.

Цуннэс снова улыбнулась этому воспоминанию.

— Я начинаю понимать, зачем ты его отпустил.

— Вот как?

— Он расскажет и наверняка приврёт.

— Тем лучше для нас.

Она удивлённо посмотрела на отца.

Урвег пожал плечами.

— Люди редко делают хорошие истории короче.

Цуннэс рассмеялась. Дома постепенно оставались позади. Деревенская улица снова превращалась в две сухие колеи, уходящие между бедными полями. За последними избами несколько ребятишек ещё бежали следом, пока одна из женщин не прикрикнула на них.

Цуннэс обернулась.

Новая староста стояла посреди улицы в сапогах Севиида Победоносного. Они были ей немного велики, но выглядела она в них неожиданно внушительно. Рядом уже собрались несколько женщин, и все одновременно что-то ей говорили. Кажется, должность начала приносить первые неприятности.

— Смотри, — сказала Цуннэс. — Она уже командует.

Урвег тоже посмотрел назад.

— Или ей уже жалуются.

— Быстро.

— Власть всегда начинается быстро. Особенно неприятности от неё.

Цуннэс хмыкнула. Несколько минут они ехали молча.

Потом она спросила:

— Значит, нам нужно, чтобы нас боялись?

Урвег покачал головой.

— Только этого мало.

— Почему?

Он снова оглянулся на деревню. На бедные крыши, маленькие поля и людей, которые всё ещё стояли на дороге и смотрели им вслед.

— Того, кого просто боятся, постараются убить, как только представится возможность.

Цуннэс задумалась. Это было разумно.

— А нас тогда кем должны считать?

Урвег посмотрел на неё.

— Сильными. Но вместе с тем — спасителями.

Она подняла бровь.

Урвег улыбнулся ей.

— Дочь моя, нас должны запомнить как сильных спасителей. Люди любят спасителей.

Глава 5.

Линва Мурфорд толкнула дверь бедром — обе руки были заняты корзиной с чистым бельём.

Корзина оказалась тяжёлой, плетёные прутья неприятно впивались в предплечье. Простыни ещё пахли прачечной: щёлоком, влажным полотном и чуть-чуть дымом от огромных котлов, которые топили внизу с рассвета. Линва этот запах почти перестала замечать. Он въелся в волосы, одежду и, казалось, даже в кожу.

Руки после вчерашней стирки снова саднили. На костяшках кожа покраснела и огрубела, возле ногтей остались мелкие трещинки. Зимой было хуже, но и летом щёлок с холодной водой умели напомнить, что жизнь прачки состоит не только из белых простыней.

До обеда Линва убирала господские комнаты, меняла бельё, выносила воду и золу. После обеда спускалась вниз, к корытам.

Так проходил почти каждый день с тех пор, как одна из подружек помогла ей попасть во дворец.

Можно было сказать, ей повезло. После того как в четырнадцать лет она осталась одна, Линва довольно быстро поняла, что слово «повезло» имеет множество значений.

Она шагнула в комнату — и тут же остановилась.

Комната была занята. У окна стояла женщина.

На ней было простое платье без вышивки и украшений, почти домашнее по дворцовым меркам. Зато на рыжих волосах поблёскивала узкая серебряная диадема.

Линва чуть не отступила обратно за дверь.

— Извините, фрейа.

Женщина повернулась.

— Я бельё сменить... и прибраться. Если мешаю, скажите, когда можно.

Она уже приготовилась подхватить корзину и уйти, но женщина не ответила сразу.

Просто посмотрела на неё. Линва привычно опустила глаза.

Она знала такие взгляды. Обычно люди прежде всего замечали её глаза. Правый был карий, левый серый. В прачечной девчонки прозвали её Глазиком, и Линва давно перестала обижаться. Во дворце встречались прозвища куда хуже. Однако сейчас её занимало совсем другое.

Рыжая. Она украдкой снова взглянула на женщину. Совсем рыжая.

И ведь ходит так спокойно. Даже волосы не прячет.

Линва тут же отвела глаза. Не к добру это.

Мать всегда говорила, что рыжий цвет притягивает беду. А когда Линва была совсем маленькой, рассказывала перед сном про лису Неле — рыжую оборотня-убийцу, которая жила в лесу, заманивала путников, а потом плакала над теми, кого убила. Правда, Неле можно было расколдовать поцелуем.

Линва никогда толком не понимала, зачем кому-нибудь целовать женщину, которая только что пыталась его убить, но в сказках люди вообще частенько поступали странно.

— Что такое?

Линва вздрогнула. Женщина всё ещё смотрела на неё.

— Простите, фрейа?

— Ты уже второй раз смотришь на мои волосы.

Линва почувствовала, как начинают гореть щёки.

— Я...

На лице рыжей женщины появилось выражение почти весёлое.

— Ты что, тоже боишься рыжих, девочка?

— Да, фрейа.

Линва запнулась.

— То есть нет, фрейа.

— Так да или нет?

Солгать очень хотелось. Линва рискнула поднять глаза.

Женщина ждала.

— Боюсь, — призналась она.

Несколько мгновений ничего не происходило. А потом рыжая женщина звонко рассмеялась.

Линва растерянно моргнула.

Смех оказался совсем не таким, какого она ожидала. Не обидным, не насмешливым. Женщина смеялась так, будто Линва действительно сказала что-то забавное.

— Вот и хорошо — сказала она наконец. — По крайней мере, врать мне не стала.

Линва не была уверена, что именно в этом хорошего, но на всякий случай сделала маленький книксен.

Женщина подошла ближе.

Теперь Линва смогла рассмотреть её как следует. Она была моложе, чем Линве сперва показалось. Просто держалась так, что возраст было трудно определить. Взгляд женщины скользнул вниз.

К рукам. Линва невольно спрятала пальцы за край корзины.

— Ты горничная или прачка?

Она удивилась.

— И то и другое, фрейа.

— Как это?

— До обеда комнаты убираю. Постели меняю. А после обеда стираю внизу.

Женщина ещё раз посмотрела на её красные, огрубевшие пальцы.

— Понятно.

Она повернулась к креслу, на котором была приготовлена одежда.

— Тогда отложи пока бельё. Сможешь помочь мне переодеться?

Теперь Линва удивилась по-настоящему. Но вслух сказала только:

— Конечно, фрейа.

Корзину она поставила возле кровати, выпрямилась и снова присела в книксене.

— Что фрейа хочет надеть?

— Вон то.

Линва подошла к креслу.

Платье оказалось дорогим даже на ощупь. Ткань была плотной, мягкой и гладкой, совсем не такой, какую приходилось выколачивать и оттирать в прачечной после обычных дворцовых жильцов. Линва осторожно взяла его обеими руками.

Она умела одевать господ. Не потому, что это входило в обязанности прачки, а потому что во дворце быстро учились всему, за что могли заплатить лишнюю монету или хотя бы не накричать.

Рыжая женщина не торопила.

Линва помогла снять простое платье, расправила нижнюю одежду, подала новое. Затянула шнуровку ровно настолько, чтобы платье сидело как следует. Поправила складку у плеча, застегнула крепления и разгладила ткань ладонью. Никакой особенной мудрости.

Главное — не дёргать, не путаться под руками и не заставлять госпожу ждать.

— Готово, фрейа.

Женщина посмотрела на себя, потом на Линву.

— Быстро.

Линва не поняла, похвала это или просто замечание.

— Спасибо, фрейа.

— Как тебя зовут?

— Линва Мурфорд.

— Линва.

Женщина словно примерила имя.

— А кто здесь тобой распоряжается?

— Сенешаль Руфус Миддгел, фрейа.

— Хорошо.

Она поправила рукав.

— Только ещё одно. Не называй меня фрейа.

Линва замерла.

Это уже было опасно. Во дворце неправильное обращение иногда запоминали гораздо дольше, чем хорошо вымытый пол.

— А как?

— Леди.

— Да, леди.

— Вот и договорились.

Женщина снова улыбнулась. Линва немного расслабилась.

Напрасно.

— Я возьму тебя к себе. Фрейлиной.

Линва смотрела на неё. Слова она услышала совершенно отчётливо — но вместе они почему-то не складывались.

— Но, леди... я ведь не дворянка.

Линва машинально посмотрела на свои руки. На красные костяшки, коротко обрезанные ногти и белёсые следы щёлока возле пальцев. Потом снова на женщину.

Та добавила с улыбкой:

— Я заметила.

— Но фрейлины...

— Я прекрасно знаю, кто обычно бывает фрейлинами.

Элайн чуть улыбнулась.

— Справишься?

Линва понятия не имела.

— Да, леди.

Ответ получился быстрее мысли. Рыжая женщина всё так же улыбалась, глядя на неё.

— Вот и хорошо.

Она направилась к двери. На пороге остановилась и оглянулась.

— А пока поменяй бельё и приберись.

— Да, леди.

— Стирать тебе больше не придётся.

Дверь закрылась. Линва осталась посреди комнаты. Несколько секунд она просто смотрела на неё.

Потом перевела взгляд на корзину. На кровать. На свои руки. Когда за дверью стихли шаги, Линва медленно опустилась на край ближайшей скамьи.

— Фрейлина... — шёпотом произнесла она.

Слово прозвучало совершенно нелепо. Особенно рядом с корзиной чистого белья.

Линва посидела ещё немного. Потом вздохнула, поднялась и потянула с кровати простыню.

Фрейлиной она, видимо, станет чуть позже.

Постель сама себя всё равно не перестелет.

* * *

Кабинет сенешаля Руфуса Миддгела был невелик, зато бумаг в нём хватило бы на помещение втрое просторнее.

Шкафы занимали две стены от пола почти до потолка. На полках теснились связки ведомостей, хозяйственные книги в потёртых кожаных переплётах, коробки с печатями, свёрнутые списки дворцовой прислуги. На широком столе лежали ещё несколько раскрытых книг, чернильница, нож для перьев и три стопки документов, назначение которых Руфус различал с одного взгляда и предпочитал, чтобы остальные к ним вообще не прикасались.

Он стоял у стола, склонившись над очередной ведомостью, и медленно вёл пальцем по строчкам.

Числа не сходились. Совсем немного, но именно такие «совсем немного» к концу месяца почему-то превращались в суммы, за которые потом отвечал сенешаль.

Руфус дошёл до конца строки, вернулся к предыдущей и начал считать заново.

В дверь постучали.

— Войдите, — коротко бросил он, не поднимая головы.

Дверь открылась. Руфус продолжил считать.

Три, восемь, двенадцать...

Шаги приближались. Не торопливые шаги служанки и не тяжёлая поступь кладовщика. Кто-то подошёл прямо к столу и остановился.

Руфус всё-таки поднял глаза. Перед ним стояла та самая рыжая женщина, которую несколько дней назад поселили в Зелёных покоях.

Сегодня она была одета уже совсем не как случайная гостья. Дорогое платье хорошо сидело по фигуре, на груди лежала тяжёлая золотая цепь, а держалась женщина с той спокойной уверенностью, которую слуги очень быстро учились отличать от простого желания казаться важным.

Руфус выпрямился.

— Добрый день, фрейа. Чем обязан?

С новой обитательницей дворца всё было чрезвычайно непонятно.

Кусланд.

Такой фамилии среди имперской знати Руфус не знал. А знать приходилось: слишком многое в его работе зависело от того, какого гостя куда поселить, сколько слуг ему предоставить и кому можно без последствий сказать, что горячей воды придётся подождать.

С титулом было ещё хуже.

Император отдельно распорядился оказывать фрейе Кусланд почести, соответствующие королевскому достоинству. Королевскому. В Империи.

Руфус неплохо знал историю. Когда-то королевства здесь действительно существовали, но настолько давно, что теперь их названия чаще встречались в старых хрониках, чем в разговорах живых людей.

По дворцу уже ходил слух, будто рыжая женщина является королевой какого-то Феннивара.

Руфус, впервые услышав это название, полез к картам, и никакого Феннивара там не оказалось.

Зато благосклонность к госпоже Кусланд проявляли вполне реальные люди. Сам Император. Хранитель Войны Эймунд. Великий Хранитель Мудрости Асвер. И, что Руфусу казалось особенно примечательным, Хранитель Короны Моди Густафс.

Последний вообще не имел привычки окружать непонятных женщин почестями ради хорошего настроения.

Одну возможность Руфус исключил почти сразу — фавориткой Императора госпожа Кусланд не была.

Это он знал наверняка. Подобные вещи во дворце скрыть от слуг было практически невозможно. Если мужчина и женщина начинали слишком часто оказываться за одной закрытой дверью, кухонные девки обычно узнавали об этом намного раньше, чем канцлер.

Значит, оставался вопрос: кто она такая и почему вокруг неё столько людей, которым обычно было не до загадочных чужеземок?

Возможно, поручение, которое вчера дал Руфусу Хранитель Войны, со временем хотя бы немного это прояснит.

Рыжая женщина тем временем оглядела его кабинет, потом самого Руфуса.

— Во дворце служит девушка по имени Линва Мурфорд. Верно?

Руфус нахмурился — имя было знакомым. Во дворце служили десятки женщин, и хотя за всех них в конечном счёте отвечал именно он, немедленно вспомнить лицо каждой было невозможно.

Мурфорд...

Он поискал в памяти.

— Линва... — повторил он.

И вспомнил. Невысокая худенькая девчонка из бельевой с разными глазами.

— Да, фрейа. Утром помогает с уборкой комнат, после обеда работает в прачечной.

Он внимательно посмотрел на Элайн. Визиты высокородных господ по поводу прислуги редко предвещали что-либо приятное.

— А что она совершила?

— Совершила?

— Обычно ко мне приходят именно поэтому.

На губах женщины мелькнула улыбка.

— На этот раз она совершила очень правильный поступок.

Руфус невольно заинтересовался. Похвала дворцовой прислуге достигала его кабинета значительно реже жалоб.

— Какой именно?

— Согласилась стать моей фрейлиной.

Руфус несколько секунд молчал.

— Э-э...

Элайн чуть склонила голову.

— Прекрасно, не правда ли?

Совершенно не прекрасно.

— Фрейа... — осторожно начал Руфус. — Здесь, должно быть, произошло недоразумение.

— Какое?

— Линва Мурфорд — служанка и прачка.

— Я заметила.

Руфус начал подозревать, что разговор будет труднее, чем хотелось.

— Фрейлины, фрейа, происходят из дворянских семей, а Линва не дворянка.

— И это я тоже успела заметить.

Она говорила совершенно спокойно. От этого становилось только хуже.

— Значит, вы понимаете, что назначить её фрейлиной...

— Руфус, — перебила Элайн, — я королева Феннивара. Поверьте, мне известно, кто такие фрейлины.

Вот теперь хотя бы одна загадка разрешилась. Она действительно назвала себя королевой.

Не слух. Не пересказ служанки с кухни. Сама.

Руфус мысленно отложил эту новость в ту часть памяти, где хранились вещи, которые следовало хорошенько обдумать позже, а сейчас у него была другая проблема.

— Но, ваше велич...

Он вовремя остановился, не зная, понравится ли ей такое обращение.

— Фрейа, так просто нельзя.

Элайн прищурилась. Руфус вспомнил вчерашний разговор.

Эймунд Хьяртилл вызвал его лично. Поручение с виду было совершенно обыкновенным: подобрать для госпожи Кусланд девушку из дворянской семьи, которая могла бы выполнять обязанности фрейлины.

Но требования Хранителя Войны быстро сделали поручение менее обыкновенным. Семья должна быть достойной, но небогатой. Никакой близости к крупным придворным домам. Никаких слишком влиятельных родственников. Девушка — воспитанная, разумная, способная держать язык за зубами.

После назначения Эймунд намеревался отдельно поговорить с ней сам. Причём всё это должно было быть обставлено так, чтобы фрейа Кусланд ничего об этой беседе не знала.

Руфус не спрашивал, зачем. Человек, который служил во дворце достаточно долго, приобретал полезную привычку не задавать Хранителям вопросов, ответы на которые могли существенно осложнить ему жизнь.

Теперь всё осложнилось и без вопросов.

— Вы напрасно остановили выбор на Линве, — осторожно сказал он. — Она девушка низкого звания. Вам нужна фрейлина хорошего воспитания, из достойной семьи. Я, собственно... уже думал об этом.

Элайн очень внимательно посмотрела на него.

Руфус сразу понял, что сказал что-то не то.

— Вы думали?

В голосе женщины появилось столько откровенного недоверия, что он невольно нахмурился.

— Разумеется.

— Никогда не поверю. Зато я совершенно точно знаю, что вам сказали так подумать.

Руфус насупился. Проклятье. Она была слишком догадлива.

Он, впрочем, счёл благоразумным ничем этого не показать.

— Я лишь исполняю свои обязанности.

— Конечно.

По тому, как она произнесла это слово, Руфус понял, что она ему не поверила ни на мгновение.

Элайн положила ладонь на край стола.

— Собственно, я пришла не советоваться.

Руфус посмотрел на её руку, потом снова на лицо.

— Я сообщаю вам, что уже выбрала себе девушку. Линва Мурфорд будет моей фрейлиной. Менять её я не намерена.

— Но...

Элайн подняла палец.

— «Но» вы будете говорить своей лошади, Руфус.

Он замолчал.

— Возможно, она отнесётся к этому с большим пониманием. Со мной так разговаривать не советую.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Руфус впервые начал понимать, почему Хранитель Войны решил заняться будущей фрейлиной этой женщины лично.

— И ещё одно, — продолжила Элайн. — Передайте тому, кто велел вам обо всём этом «подумать»: если у меня попытаются отобрать Линву, ему придётся иметь дело со мной.

Вот теперь поручение Эймунда окончательно перестало казаться простым. Руфус попытался найти формулировку, которая позволила бы одновременно не спорить с женщиной перед ним и не обещать ничего от имени Хранителя Войны.

Подходящей формулировки не нашлось.

— Я вас понял, фрейа.

— Вот и замечательно.

Она оттолкнулась от стола.

— Тогда я не буду вас задерживать.

Элайн развернулась и пошла к двери. Руфус проводил её взглядом.

У самого порога она на мгновение остановилась, словно что-то вспомнила, но ничего больше не сказала.

Дверь закрылась за ней с отчётливым хлопком.

Руфус несколько секунд стоял, глядя на дверь, потом медленно почесал за ухом.

Яснее ничего не стало. Наоборот.

Хранитель Войны велел найти для загадочной королевы подходящую дворянку и ничего ей не рассказывать. Загадочная королева каким-то образом догадалась об этом почти с первой попытки, нашла вместо дворянки прачку и теперь требовала передать Хранителю Войны, чтобы тот не вмешивался.

А разбираться со всем этим предстояло именно ему.

Он тяжело вздохнул и посмотрел на оставленную ведомость.

Числа по-прежнему не сходились. И почему-то это внезапно показалось самой простой его проблемой.

Руфус уже не видел, как Элайн быстро шла по коридору к своим покоям. И не знал, что сейчас она жалела только об одном: с Линвой следовало поговорить сразу после того, как та согласилась стать её фрейлиной.

* * *

У парадного крыльца дворца уже стоял дорожный возок — просторный, крытый, из гладкого дерева тёплого красноватого оттенка, с резными стойками по углам и начищенными медными накладками. Даже дверца была украшена мелкой прихотливой резьбой, совершенно бесполезной в дороге, но вполне уместной у императорского дворца.

Вокруг возка шли последние приготовления.

Слуги носили из дворца одежду, дорожные сумки, свёртки с бельём, корзины с едой и несколько кувшинов вина, тщательно обёрнутых соломой, чтобы не перебились на ухабах. Всё это постепенно исчезало внутри, укладывалось под сиденьями, привязывалось ремнями и снова перекладывалось, если очередной человек обнаруживал, что предыдущий уложил вещи совершенно неправильно. Сзади к возку была привязана большая клетка с голубями.

Элайн наблюдала за этой суетой с некоторым удовольствием.

Собственного добра у неё в этом мире пока накопилось немного. Зато она сумела набрать немало книг.

Последнюю увесистую стопку как раз устраивали в ящике у задней стенки возка. История Олленхалла, несколько книг об Империи, свод законов, сборник местных баллад и даже толстое «Имперское наставление по фехтованию», которое Элайн прихватила скорее из любопытства, чем из надежды узнать оттуда что-нибудь действительно полезное.

Всё это она попросила у Асвера. Хранитель Мудрости не возражал ни против одной книги.

Его сейчас гораздо больше беспокоил Кермунд.

Утром, когда Элайн зашла к нему за книгами и уже собиралась уходить со стопкой в руках, Асвер некоторое время задумчиво поглаживал подбородок, явно решаясь спросить что-то ещё.

Наконец решился:

— Скажите, фрейа... господин Кермунд. Вы ведь достаточно хорошо его знаете?

— К сожалению.

Асвер не улыбнулся.

— Вы, наверное, знаете, как на него можно... воздействовать?

Элайн ненадолго задумалась.

— Сломайте ему руку.

Асвер застыл. Она рассмеялась.

— Да шучу я. Просто давайте ему расчёты. Чем сложнее, тем лучше. Он их любит.

Хранитель несколько секунд смотрел на неё, словно пытался определить, какая часть совета всё-таки была шуткой.

— Расчёты, — повторил он.

— Побольше.

— Спасибо, фрейа.

— И вам успехов, Хранитель.

У самой двери Элайн задержала его:

— Асвер.

Он обернулся.

— Я на вас очень надеюсь.

На этот раз ни один из них не улыбнулся. Теперь, глядя, как книги исчезают внутри возка, Элайн подумала, что пятнадцать фунтов лирна были, пожалуй, довольно скромной компенсацией за Кермунда. Интересно, успел ли Асвер прийти к тому же выводу.

— Кстати, разрешите поздравить вас.

Она повернулась. Рядом стоял Фрегг Хасслер.

За последние дни он преобразился. Синие тени под глазами исчезли, лицо перестало казаться осунувшимся, и даже привычная суровость теперь выглядела именно суровостью, а не следствием нескольких бессонных ночей подряд.

— С чем? — спросила Элайн.

— С имперским званием.

— Ну да. Вы про этот чин... как его?

— Херсира.

— Вот именно. Херсира.

Накануне Эймунд вручил ей соответствующую грамоту с такой торжественностью, словно Империя наконец исправляла многолетнюю историческую несправедливость. По смыслу новый чин оказался чем-то вроде фенниварского генерала. К нему прилагалась должностная цепь — серебряная, с тёмными железными вставками.

Элайн, впервые увидев её, подумала: фу. Но спорить не стала.

Эймунд тут же сообщил ещё одну подробность: херсиру полагалось жалованье — две марки в месяц.

После этого цепь стала выглядеть несколько привлекательнее. Для королевы две марки были, конечно, суммой почти оскорбительной. Но сейчас у Элайн не было ни собственной казны, ни поместий, ни налогов, ни вообще какого-либо постоянного дохода в этом мире. Так что вопросом денег всё равно предстояло заняться.

Желательно раньше, чем Асвер разберётся, как вернуть её домой.

Некоторые мысли на этот счёт у неё уже были.

Хасслер тем временем улыбнулся.

— Помните нашу первую встречу? Я обещал дать вам роту.

— Как же, прекрасно помню.

— Херсир имеет право командовать полком.

Элайн посмотрела на него и улыбнулась краешком рта.

— Головокружительная карьера.

Она переложила Чёрный Цветок из одной руки в другую. Меч был в ножнах, но даже так его привычная тяжесть успокаивала.

— Я с самого начала был в вас уверен — сказал Хасслер.

— Хасслер, вы сейчас похвалили меня или себя?

Он задумался.

— Возможно, нас обоих.

— Вот теперь я узнаю вас.

Они улыбнулись. Мимо них двое слуг пронесли очередной ящик. Доски коротко скрипнули, когда его втиснули внутрь возка. С крыльца появилась Линва.

Из-за двух больших подушек была видна почти одна её голова. Сверху лежал аккуратно сложенный комплект чистого белья, явно грозивший при первом же неверном движении сползти на каменные ступени.

Увидев Элайн, девушка попыталась сделать книксен.

Одна подушка немедленно выскользнула у неё из-под локтя. Линва поймала её коленом, прижала обратно и покраснела. Элайн сделала вид, что ничего не заметила. Линва благодарно поспешила к возку.

Хасслер проводил её взглядом.

— Быстро вы устроились.

— Пока не знаю. Вот доберусь до дома и посмотрю, что именно вы мне подарили.

— К сожалению, я вам ничего не дарил.

— Хасслер, не будьте занудой.

Некоторое время они молча наблюдали за погрузкой.

Потом Хасслер неожиданно спросил:

— Вы верите в судьбу, Элайн?

Она посмотрела на него.

— Я верю в себя.

Он ничего не сказал. Элайн тоже помолчала, следя, как слуга затягивает кожаный ремень вокруг багажа.

— Хотя нет, — добавила она. — Ещё я верю, что когда-нибудь с ней окончательно расплачусь.

Хасслер нахмурился.

— С кем?

— С судьбой.

Элайн усмехнулась.

— С этой вздорной, но временами удивительно понятливой негодяйкой.

Хасслер открыл рот, явно собираясь что-то сказать, но она сразу покачала головой.

— Не надо.

Он закрыл рот.

— Я не люблю эту тему, Хасслер.

— Я понял.

— Вот и хорошо.

Элайн посмотрела на дворец. До отъезда оставалось ещё одно дело.

Самое неприятное. Она протянула Хасслеру Чёрный Цветок.

— Подержите.

Он машинально принял меч обеими руками и лишь потом удивлённо посмотрел на неё.

— Я должна попрощаться с Императором.

Элайн не стала ничего добавлять. Развернулась и поднялась по широким каменным ступеням.

Хасслер проводил её взглядом.

Потом опустил глаза на лежавший в его руках Чёрный Цветок.

Несколько мгновений он просто стоял неподвижно. Затем осторожнее перехватил ножны.

Элайн скрылась за дверями дворца.

* * *

Когда Элайн постучала, дверь открыл сам Торин. Похоже, она застала его уже на выходе.

Он был одет непривычно тщательно: тёмно-синий бархат, белый воротник, светлые манжеты, ни одной складки не на месте. Волосы были безупречно приглажены, хотя кончики ушей всё равно упрямо торчали наружу и несколько портили всю императорскую строгость.

Элайн задержала на них взгляд и едва не улыбнулась.

Ещё она заметила тёмную полоску над верхней губой.

Торин, кажется, решил отращивать усы. Вот это было уже серьёзно.

Он тоже несколько мгновений смотрел на неё.

— А я как раз собирался выходить. Здравствуй, Элайн.

— Здравствуй, Торин.

Она не вошла сразу, и он отступил, освобождая проход.

— Значит, тебе уже доложили?

— Разумеется.

Торин прикрыл дверь, и на его лице мелькнула слабая тень.

— Эймунд хороший учитель. А я, кажется, оказался хорошим учеником.

Элайн слегка нахмурилась — пожалуй, она и вправду немного его недооценила.

Ещё совсем недавно Торин мог не знать, что происходит за соседней дверью, если никто не счёл нужным ему рассказать. Теперь же Император знал, кто покидает его дворец, куда и когда. Эймунд времени зря не терял.

Элайн вздохнула.

— Я уезжаю в Сонсборг.

— Я знаю.

Ответ прозвучал спокойно. Даже слишком спокойно.

Она немного помолчала.

— Я решила, что должна сама прийти и попрощаться.

Торин отвернулся. Всего на мгновение — будто его внезапно заинтересовало что-то на столе. Потом снова посмотрел на неё, и лицо его уже ничего не выдавало.

— Ты решила.

Элайн поморщилась. Вчерашний разговор был ещё слишком свеж.

— Не все мои решения плохие, Торин.

Он едва заметно усмехнулся.

— Да. Иногда они бывают полезными.

Элайн почувствовала укол.

Можно было сейчас сказать: Ваше Величество. Вернуть всё на положенное расстояние, спрятаться за титулами и закончить разговор за полминуты — но она не стала этого делать.

Торин, словно и сам понял, куда они сейчас свернут, торопливо продолжил:

— Но почему именно Сонсборг? Почему не остаться здесь? В Рауссборге можно найти хороший дом.

— Можно.

— Я могу купить тебе его.

Элайн внимательно посмотрела ему в глаза.

— Если ты действительно хороший ученик Эймунда, то тебе наверняка уже доложили, почему Сонсборг.

На этот раз улыбка Торина была заметнее.

— Доложили.

— Тогда зачем ты спрашиваешь?

— Потому что надеялся услышать другой ответ.

Вот теперь Элайн замолчала надолго. Торин подошёл к окну. За стеклом лежали крыши Раусборга, черепица блестела на солнце, над дальними трубами поднимался редкий дым.

— Дом здесь был бы ничуть не хуже — сказал он, не оборачиваясь.

— Возможно.

— И гораздо ближе.

Элайн поняла, что дальше ходить вокруг слов бессмысленно.

— Сонсборг — хорошее место, Торин. Я хочу жить там.

Он повернулся.

— Из-за меня?

Вопрос прозвучал без упрёка, и от этого ответить оказалось труднее.

Элайн выдержала его взгляд.

— Нет, Торин.

Она помолчала.

— Из-за меня.

Он долго смотрел на неё, потом коротко кивнул. Кажется, этот ответ он понял.

Или хотя бы решил принять.

Торин снова отвернулся к окну. Элайн не торопила его.

В комнате тихо тикали часы. Где-то далеко, за стеной, хлопнула дверь, по коридору прошли люди. Обычная дворцовая жизнь продолжалась с тем неприятным равнодушием, с каким она всегда продолжалась после чужих несчастий.

Наконец Торин отошёл от окна.

— Если тебе там что-нибудь понадобится — скажи.

— Скажу.

Он посмотрел на неё.

— Ты обычно не говоришь.

Элайн чуть подняла бровь. Возразить было трудно.

— В этот раз постараюсь.

— Постарайся.

Он произнёс это уже твёрже и после короткой паузы добавил:

— Есть ещё одно.

— Что?

Торин внезапно стал очень серьёзен.

— По этикету государю при прощании с королевой полагается поцеловать ей руку.

Элайн несколько секунд смотрела на него.

Уголок её рта дрогнул.

Вот, значит, как.

— Неужели?

— Мне объяснили.

— Эймунд?

— Моди.

— Тогда не буду спорить.

Она сама протянула ему руку. Торин принял её осторожно.
— До встречи, Торин.
Он наклонился и лишь на мгновение коснулся губами её пальцев.
Ни дольше, чем позволял этикет.
— До встречи, Элайн.
Она забрала руку. На этот раз никто из них больше ничего не сказал.

Глава 6

В Сонсборг они въехали поздним утром.

День выдался ясным, тёплым, и после Рауссборга город встретил Элайн солнцем на черепичных крышах, запахом нагретого дерева, конского навоза и выпечки из какой-то лавки неподалёку. На перекрёстках было людно, возле открытых дверей мастерских стучали молотки, из переулков тянуло дымом и свежей стружкой.

Элайн всё это почти не замечала.

Главным достоинством Сонсборга сейчас было то, что возок наконец остановился.

Она сидела ещё несколько мгновений, прислушиваясь к собственному телу, и пришла к печальному выводу: подушки не помогли. Совсем.

Надо было ехать верхом.

Королева внутри неё согласилась с этим немедленно и даже с некоторым высокомерием, словно не она сама несколько дней назад решила, что её статусу соответствует именно приличный дорожный возок.

Элайн выбралась наружу, стараясь делать это достойно и, главное, не держаться руками за отбитый зад. Получилось почти убедительно.

Кучер уже отвязывал с крыши дорожные сумки. Линва с неожиданной энергией вытаскивала из возка свёртки и небольшие сундучки. Сзади тихо ворковали потревоженные голуби; клетку пока оставили привязанной, чтобы не носить птиц туда-сюда раньше времени.

Элайн выпрямилась и наконец посмотрела на дом.

— Хм.

Первое впечатление оказалось лучше, чем она ожидала. Не дворец, конечно. И даже не особенно большой особняк. Но дом выглядел крепким, богатым и добротно построенным — именно то, что требовалось от хорошего дома.

Под навесом темнела тяжёлая дверь из толстого дерева, стянутая железными полосами. Замок был такой, что вышибать его пришлось бы вместе с куском стены. Окна смотрели на улицу рядами тусклого стекла; рамы были целы, крыша тоже не вызывала немедленного желания позвать плотников.

После последних месяцев Элайн уже научилась ценить подобные достоинства.

Возле соседних домов начали появляться люди. Пока не толпой — нет. Но одна женщина вдруг решила вытряхнуть тряпку именно у окна. Чуть дальше старик остановился возле ворот и совершенно безуспешно изображал человека, которому понадобилось поправить ремень на башмаке. Двое мальчишек застыли через дорогу, не особенно скрываясь.

Новая хозяйка богатого пустовавшего дома явно обещала стать главным событием дня.

Элайн усмехнулась.

Пока кучер снимал багаж, к Линве подошла девушка примерно её возраста. Одета просто, но чисто: серое платье, белый передник, волосы убраны под чепец. Она сказала что-то негромко, Линва ответила, и незнакомка, ещё раз с любопытством взглянув на Элайн, поспешила обратно к соседнему дому. Элайн это заметила, но ничего пока не сказала.

Ключ в замке сначала не хотел поворачиваться, но после нескольких попыток дверь открылась, и из дома пахнуло прохладой.

Не уличной свежестью — застоявшимся воздухом давно пустовавших комнат, сухим деревом, пылью и едва заметной сыростью.

Элайн шагнула через порог.

— Ну вот я и дома.

В прихожей всё ещё лежала пыль, хотя теперь уже не ровным нетронутым слоем. Здесь явно ходили после исчезновения хозяина: по полу тянулись следы сапог, возле стены виднелись

полосы, оставленные сдвинутой мебелью. Было видно, что расследование прошлось по дому основательно.

Элайн медленно двинулась дальше. Дом действительно был хорош.

Тяжёлая дубовая мебель пережила отсутствие хозяина без особого ущерба. Ковры потускнели от пыли, но под серым налётом угадывались дорогие узоры. На стенах висели гравюры в тёмных рамах, на полках стояли бронзовые подсвечники. В буфете за мутноватым стеклом сохранилась посуда — не роскошная, но явно купленная человеком, который не привык считать каждый сольвер.

А книг было столько, что Элайн невольно замедлила шаг. Книжные шкафы стояли и в общей комнате, и в кабинете. Некоторые полки опустели после расследования, другие всё ещё были забиты трактатами. Она вытащила один том, сдула с корешка пыль и тут же закашлялась.

— Потом посмотрю.

Книга вернулась на место.

В спальне пришлось открыть окно прежде, чем Элайн согласилась задержаться там дольше минуты. Пахло затхлым бельём, старой тканью и пылью. Шкафы всё ещё хранили одежду прежнего хозяина — дорогую, добротную и совершенно ей ненужную.

— Это всё нужно убрать, — решила она.

Линва, стоявшая в дверях с охапкой чистого белья, кивнула. Кухня выглядела лучше, чем Элайн опасалась. Пыльно, пусто, кое-где мыши успели заявить свои права, но печь была цела, шкафы не развалились, стол можно было отмыть, а в кладовых оставалось достаточно места для новых припасов.

Кабинет понравился ей больше всего. Большой стол из тёмного дерева. Хорошее кресло. Книжные шкафы почти до потолка. Окно давало достаточно света, чтобы читать и писать без свечей большую часть дня. Элайн положила ладонь на столешницу.

Под пальцами осталась пыльная дорожка.

— Вот это всё будет моё.

Линва выглянула из-за её плеча.

— Кабинет, леди?

— Стол.

Девушка моргнула. Элайн слегка улыбнулась.

— И кабинет тоже.

После дворца, где каждая комната кому-то принадлежала, каждую дверь кто-то открывал и любой предмет имел хозяина задолго до её появления, ощущение оказалось неожиданно приятным.

Моё.

Пусть пока выданное короной. Пусть с мёртвым или исчезнувшим прежним хозяином, странным подвалом и историей, от которой нормальный человек, вероятно, предпочёл бы держаться подальше. Всё равно — это её дом.

Покидая кабинет, Элайн скользнула взглядом по тяжёлой тёмной занавеси у стены.

Ей рассказали, что за ней находится. Лестница вниз в подвал. То самое место.

— Завтра, — тихо сказала она.

— Что, леди?

— Ничего. Пойдём.

На улице кучер уже поставил возле входа половину их имущества. Элайн увидела ту самую девушку из соседнего дома, теперь стоявшую в дверях напротив, и вспомнила.

— Линва.

— Да, леди?

— О чём она тебя спрашивала?

Линва сразу поняла, о ком речь.

— Это горничная из соседнего дома. Хотела знать, кто мы такие.

— Какая любопытная.

— Да, леди.

— И что ты ей сказала?

Линва немного выпрямилась.

— Что без вашего разрешения ничего говорить не могу.

Элайн посмотрела на неё и широко улыбнулась.

— Умница.

Линва заметно просияла.

— Поговори с ней.

— О чём, леди?

— Разумеется, не обо мне. О работе.

Элайн обернулась к открытому дому.

— Здесь нужно вымыть всё, что можно вымыть. Всё, что нельзя, — вытрясти, выбить или вынести. Мебель придётся двигать, ковры чистить, окна открыть. Ты одна с этим не справишься, я тоже не собираюсь изображать горничную.

Линва кивнула совершенно серьёзно.

— Сходи к своей любопытной знакомой. Скажи, что есть работа за хорошую плату. Если у неё есть ещё люди, которым нужны деньги, пусть приводит.

— Сейчас?

— Чем раньше, тем лучше.

Линва исчезла за воротами соседнего дома. Вернулась она очень быстро.

С той самой девушкой. Потом появилась ещё одна, и сразу за ней третья.

Последним пришёл молодой парень лет семнадцати-восемнадцати, широкоплечий, с таким выражением лица, будто сам не понял, каким образом обычное любопытство соседской горничной превратилось для него в необходимость таскать чужие шкафы.

Элайн оглядела всех четверых.

— Работать умеете?

Они дружно закивали.

— Прекрасно. Больше кивать не надо, давайте за дело.

После этого дом ожил. Распахнули окна. Из кухни вынесли старый мусор. По двору потянулись ковры, из которых при каждом ударе выбивалки поднимались серые облака. Вода быстро стала чёрной, её меняли снова и снова. Скрипела передвигаемая мебель, хлопали дверцы шкафов, кто-то чихал, кто-то ругался, когда тяжёлый дубовый стол оказывался значительно тяжелее, чем выглядел.

Голубей наконец сняли с возка, поставили клетку в тени у стены и дали им воды.

Элайн руководила. Получалось неплохо.

За весь день ей пришлось всего дважды топнуть ногой и один раз повысить голос.

Первый раз — когда парень решил тащить тяжёлый стол прямо по ковру.

— Поднять.

— Да он тяжёлый, леди.

Элайн посмотрела на него.

— Именно поэтому вас здесь четверо.

Стол подняли.

Второй раз она топнула, когда одна из девушек собралась выбросить стопку старых бумаг из кабинета вместе с мусором. После этого все очень быстро усвоили, что в доме можно без спроса трогать пыль, мышиный помёт и грязные тряпки.

Голос Элайн повысила только однажды, когда наверху что-то тяжёлое рухнуло с таким грохотом, что голуби во дворе разом забили крыльями о прутья.

— Если вы сломали кровать, спать сегодня будете на ней сами!

Сверху наступила тишина. Потом раздался виноватый голос Линвы:

— Кровать цела, леди!

— Смотрите мне!

К вечеру дом было уже трудно узнать. Он ещё не стал уютным — для этого требовалось время. Но перестал быть мёртвым. В камине горел огонь. Чистые окна впускали последние полосы вечернего света. Ковры вернулись на пол уже без серого слоя пыли. В спальне лежало свежее бельё, шкафы освободили от большей части чужой одежды. На кухне Линва возилась с ужином, и вместо сырости и мышей по дому постепенно начал расходиться запах горячей еды.

Нанятые помощники получили свои деньги и ушли довольные, хотя девушка из соседнего дома напоследок ещё дважды оглянулась на Элайн.

Любопытство, похоже, оплачивалось неплохо.

За окнами уже сгущались сумерки. Элайн медленно прошлась по кабинету.

Ноги гудели. После дороги и нескольких часов на ногах тело решительно напоминало, что даже королевы иногда устают.

Она остановилась у тёмной занавеси. За ней ждала маленькая дверь. За дверью — лестница.

А внизу когда-то стояло зеркало, которое не должно было разбиться.

Элайн некоторое время смотрела на ткань.

Потом зевнула.

— Нет.

Сегодня она уже достаточно совершила великих дел, так что подвал мог подождать до утра.

Элайн повернулась к двери.

— Линва! Что у нас с ужином?

Из кухни донеслось:

— Почти готово, леди!

— Вот и замечательно.

Остальным она займётся завтра.

* * *

После завтрака Элайн ненадолго задержалась в своём новом кабинете.

Утреннее солнце уже поднялось достаточно высоко и било в окно косыми тёплыми полосами. Вчерашняя уборка пошла комнате на пользу: дубовая столешница больше не оставляла на пальцах серых следов, стекло в окне стало прозрачным, а раскрытый настежь переплёт ещё сохранял запах свежего воздуха с улицы.

На столе лежали привезённые из Рауссборга книги. В углу стоял Чёрный Цветок.

Элайн некоторое время смотрела на всё это, потом перевела взгляд на тяжёлую тёмную занавесь у стены.

Что ж. Теперь можно было посмотреть и подвал.

Она отдёрнула плотную ткань. За ней обнаружилась уже знакомая по рассказу Асвера небольшая дверь. Та открылась без труда, и вниз ушла узкая каменная лестница.

Линва возилась на кухне — звякала посудой, что-то переставляла, один раз даже негромко выругалась, очевидно решив, что хозяйка слишком далеко, чтобы услышать.

Элайн улыбнулась и начала спускаться одна.

После солнечного кабинета темнота внизу показалась особенно густой. Пришлось задержаться на первых ступенях, пока глаза привыкали. Камень под подошвами был прохладным и немного влажным. Чем ниже она спускалась, тем сильнее пахло сыростью, плесенью, старым деревом и чем-то ещё — слабым, металлическим, будто где-то неподалёку долго лежало ржавеющее железо.

Подвал оказался именно таким, каким его описывали. Небольшим.

Сырым и совершенно не впечатляющим — если не считать одной детали.

У стены стоял рабочий стол прежнего хозяина. На нём ещё оставались стеклянные трубки, несколько колб, весы с тонкими металлическими чашечками, ступка и какие-то инструменты, назначение которых Элайн не поняла. Всё покрывал тонкий налёт пыли.

На полу никаких осколков уже не было. Но рама осталась.

Элайн остановилась возле неё.

Большая. Почти в человеческий рост. Теперь пустая, оттого выглядевшая ещё страннее — словно кто-то оставил в стене дверной проём, за которым не было двери.

Она подошла ближе. Значит, здесь был вход в её мир? Наверное.

Элайн нахмурилась.

Асвер раздражающе старательно уточнял каждый раз, когда разговор заходил об этом: мы не знаем. Мы предполагаем. Это пока только возможная связь.

Учёные! Им обязательно требовалось десять раз объяснить человеку, что они ещё ничего не доказали.

Но зеркало здесь было. Огромное. Магическое — если верить тому, что уже удалось выяснить.

И оно разбилось, хотя стеклодув утверждал, что такое стекло вообще не должно было разбиваться.

Элайн медленно провела взглядом по пустой раме. Где-то очень далеко отсюда стояло другое зеркало. Её зеркало.

Малькольм купил его незадолго до рождения Роланда. На раме были руны. Во время родов они загорелись, стекло пошло волнами, словно вода...

А потом она оказалась здесь. В этом мире.

Элайн протянула руку, но до рамы не дотронулась.

— Ну и что мне теперь с тобой делать?

Рама благоразумно промолчала. Оставалось ждать Асвера.

Асвера, Кермунда и всех остальных людей, которые будут измерять, считать, спорить, чертить свои схемы и объяснять друг другу, почему вчерашняя уверенная теория сегодня оказалась полной чепухой.

Сколько это займёт? Несколько дней?

Элайн почти усмехнулась.

Недели? Месяцы? Вот это было уже гораздо менее смешно.

Она ещё немного постояла перед пустой рамой, потом повернулась и поднялась наверх.

В кабинете её уже ждала Линва.

— Что там, леди?

Элайн задвинула дверь и отпустила тяжёлую занавесь.

— Там подвал.

— Большой?

— Достаточный.

Она оглянулась на скрывшуюся дверь.

— Оставим его под кладовую. Пока.

Линва кивнула и спросила:

— А что туда перенести?

Элайн посмотрела на неё.

Что перенести? После этих слов настроение сразу испортилось.

Прекрасный вопрос.

В кладовую полагалось что-нибудь складывать. Запасы муки. Крупы. Солонину. Вино. Масло. Свечи. Всё то скучное и чрезвычайно полезное добро, существование которого человек обычно замечает только тогда, когда оно заканчивается.

Дальше было ещё лучше.

Нужна была одежда. Не несколько дорожных платьев, а нормальный гардероб. Бельё. Обувь. Посуда. Кто-то должен был постоянно топить дом, готовить, убирать, носить воду.

Вчера они наняли людей всего на день — и даже это стоило денег.

Элайн медленно оглядела кабинет.

Одно дело — несколько недель мотаться по дорогам с сумками за плечами, есть то, что удалось добыть, и ночевать где придётся. Совсем другое — жить.

Причём жить она собиралась не как беглая наёмница.

Королева внутри неё немедленно согласилась.

И тут же ехидно напомнила, что приличные королевы обычно имеют хотя бы лошадь.

Элайн поморщилась. Возок утром отправили обратно в Рауссборг.

Значит, нужна хорошая лошадь. С седлом. И желательно не такая, которую продавец торжественно назовёт превосходной, а потом окажется, что превосходно она умеет только есть.

Всё это означало одно — деньги. Серебро и золото. Золото и серебро.

Элайн невесело усмехнулась.

Две марки в месяц — то самое жалованье херсира. Которого она ещё даже не получила.

— Великолепно, — пробормотала она.

— Леди?

— Ничего.

Хватит ныть. Соберись.

На лошадь оставшихся денег хватит. Во всяком случае, должно хватить, если она не станет покупать жеребца, достойного королевской конюшни.

А дальше...

Она задумалась. Где-то в Сонсборге стоял корабль. Её корабль.

Ну хорошо — юридически, вероятно, пока не совсем её. Но Элайн уже однажды совершенно справедливо объяснила Хасслеру, что купила его за две бутылки вина и кусок пирога.

Интересно, что стало с этой «покупкой». И с её прежним владельцем.

Хэнгисон.

Элайн медленно улыбнулась.

— Линва.

— Да, леди?

— Идём в спальню.

Девушка удивилась.

— Сейчас?

— Сейчас. Мне нужно переодеться.

— Леди будет отдыхать?

Элайн посмотрела на неё.

— Леди сейчас пойдёт в ратушу.

Линва кивнула, словно и это было вполне обычным занятием после завтрака.

Элайн направилась к двери, но остановилась.

— И ещё одно.

— Да?

— Пока меня нет, никому не открывай.

Линва моргнула.

— Совсем никому?

— Совсем.

— А если...

— Даже если будут стучать очень вежливо.

— Да, леди.

— Даже если будут говорить, что пришли от важного человека.

Линва стала серьёзнее.

— Поняла.

Элайн посмотрела ей прямо в глаза.

— Даже если будут умолять. Без меня дверь не открывать. Никому. Ясно?

— Ясно, леди.

— Вот и хорошо.

Элайн пошла наверх. Теперь требовалось прилично одеться, купить лошадь и выяснить, куда делся корабль стоимостью в несколько сотен марок.

День наконец начинал приобретать смысл.

* * *

Буланый жеребец шёл по сонсборгской улице лёгкой, ровной рысью, и Элайн всё больше нравилась сделанная утром покупка. Андерс оказался хорош.

Не великолепен, конечно. До жеребцов из королевской конюшни Феннивара ему было далеко, а до Ворона Цуннэс — ещё дальше. Но ноги крепкие, грудь широкая, спина ровная, характер спокойный. На повод отзывался сразу, под седлом не дёргался и не пытался доказать новой хозяйке, что у него существуют собственные представления о направлении движения.

Пока этого было более чем достаточно. Особенно за две марки вместе с седлом, уздечкой и прочей сбруей. Правда, чтобы продавец согласился с этой очевидной истиной, потребовалось не меньше сорока минут.

За это время Элайн трижды уходила, а продавец бежал за ней четыре раза.

Последний раз — кажется, уже просто по привычке. Зато в конце концов Андерс стал её, две марки — его, а обе стороны расстались с твёрдым убеждением, что их только что бессовестно ограбили.

Значит, торговались правильно.

Элайн погладила жеребца по шее.

— Хороший мальчик.

Андерс дёрнул ухом. После возка верховая езда казалась почти подарком судьбы. Никакой тряски внутри деревянного ящика, никакой борьбы с подушками, которые сначала казались мягкими, а через несколько часов каким-то образом превращались в орудия пытки.

Надо было ехать верхом с самого начала.

Теперь после покупки оставалось восемь марок. Элайн вздохнула.

Восемь марок были вполне приличной суммой. Если не требовалось содержать дом.

Покупать одежду, платить людям, кормить себя, Линву и лошадь.

И неизвестно сколько времени ждать, пока Асвер с Кермундом разберутся с зеркалами.

А ещё хотелось вина. Хорошего. Оссорского.

У денег вообще существовало всего два состояния: либо их нет, либо их совсем нет.

Элайн невесело усмехнулась. Две марки в месяц. Ну да, то самое жалованье херсира.

Прекрасная основа благосостояния королевы.

Андерс повернул за угол, и впереди показалась тяжёлая каменная громада городской тюрьмы. Невысокая, приземистая, с узкими окнами и воротами, которые явно строили не для того, чтобы посетителю хотелось войти.

У Элайн под одеждой лежало письмо к местному дознавателю.

Ещё утром она понятия не имела, что оно ей понадобится. Собственно, сначала Элайн собиралась всего лишь выяснить, что стало с Хэнгисоном. И с кораблём.

С её кораблём. Ну хорошо, если уж быть дотошной, то с кораблём, который юридически всё ещё мог считаться собственностью Хэнгисона, но который Элайн уже однажды совершенно справедливо купила за две бутылки вина и кусок пирога.

Хасслер почему-то тогда не оценил безупречность сделки.

Утром Элайн направилась в ратушу. Если капитан всё ещё находился под стражей, кто-нибудь там должен был знать, где именно его держат, кто ведёт дело и что вообще собираются делать дальше. Оказалось, там все прекрасно знали.

И значительно больше, чем она ожидала.

Сонсборгская ратуша располагалась в большом каменном доме на площади. За широкими дверями пахло воском, бумагой, старым деревом и тем особым канцелярским воздухом, который, похоже, одинаково возникал везде, где несколько десятков человек изо дня в день занимались тем, что перекладывали бумаги между столами.

Бургомистр принял её не сразу.

Элайн пришлось подождать, пока служащий исчез за дверью, вернулся, снова посмотрел на неё, потом на золотую цепь и наконец попросил показать документы.

Она молча достала патент херсира. После этого всё заметно ускорилось.

Бургомистр встретил Элайн с выражением человека, который заранее рассчитывал быть важным.

У него было круглое ухоженное лицо, тяжёлая цепь должности на груди и способность занимать кресло так, словно оно само являлось частью городской власти.

— Фрейа Кусланд, — начал он несколько снисходительно. — Разумеется, Сонсборг всегда рад...

Элайн положила перед ним патент. Он взял документ и внимательно его прочитал. Посмотрел на печать, потом зачем-то перевернул лист и снова посмотрел на Элайн.

Изменение произошло почти на глазах. Видимо, он сразу что-то вспомнил.

— Херсир Кусланд, — произнёс он уже совершенно другим тоном. — Разумеется. Чем город может быть вам полезен?

Вот так гораздо лучше.

Элайн села напротив.

— Мне нужен капитан Хэнгисон.

Бургомистр поднял брови.

— Капитан?

— Моряк. «Алквирис».

— Ах да.

Он сразу понял, о ком речь. И тут выяснилось, что Торин ничего не забыл.

Три дня назад в Сонсборг пришло распоряжение от Хранителя Законов: начать следствие по делу о покушении на Императора. Главным обвиняемым проходил Хэнгисон.

Элайн слушала молча. Значит, дело не просто не закрыли. Им занялись всерьёз.

А вчера в город пришло ещё одно послание — уже непосредственно от Императора.

Бургомистр, видимо, долго решал, стоит ли упоминать о нём, но патент херсира окончательно победил осторожность.

— Его Величество распорядился всячески оказывать вам содействие, фрейа.

Элайн подняла голову.

— Мне?

— Именно.

— Во всём?

Бургомистр слегка кашлянул.

— Формулировка была... достаточно широкой.

Это прозвучало захватывающе.

— Расскажите подробнее. Насколько широкой?

Он аккуратно сложил руки на столе.

— «Всячески оказывать содействие Элайн Кусланд, королеве Феннивара, во всех её делах и начинаниях».

Элайн замерла. Потом медленно откинулась на спинку кресла.

Торин. Вот же...

Она отвернулась к окну, чтобы бургомистр не увидел её лица.

«Ты замечательный друг, Торин».

И это было совершенно искренне.

«Спасибо».

Некоторое время ей действительно было тепло. А потом стало немного грустно.

Он всё-таки попытался дотянуться до неё даже сюда. Помочь. Позаботиться.

Положить свою руку ей на плечо, хотя Элайн сама уехала от него в другой город.

А ему сейчас как раз следовало перестать о ней думать. Чем скорее, тем лучше.

Элайн прекрасно знала, что время лечит почти всё. Проблема заключалась только в том, что к этому лекарю обычно стояла чудовищно длинная очередь.

— Фрейа?

Она вернулась к разговору.

— Простите. Задумалась.

Бургомистр улыбнулся с готовностью человека, который теперь был согласен простить ей практически что угодно.

— Если вам что-нибудь требуется... Что угодно. Город в вашем распоряжении. Люди, документы, сопровождение...

Элайн посмотрела на него.

— Мне всего лишь нужно поговорить с человеком, который ведёт дело Хэнгисона.

По его лицу промелькнуло почти облегчение.

— Разумеется.

Он немедленно позвал писаря. Через несколько минут на столе уже лежал лист бумаги. Перо скрипело, бургомистр диктовал распоряжение, потом приложил печать так старательно, будто от глубины оттиска зависела судьба города.

Элайн получила письмо с настоятельной рекомендацией оказывать ей полное содействие в рамках расследования. Для неё этого было вполне достаточно.

Ни о какой второй части императорского письма бургомистр не упомянул.

Элайн поэтому так и не узнала, что Торин счёл необходимым добавить:

«За неисполнение последует гнев Императора».

Наверное, и к лучшему.

Проводив Элайн до двери, бургомистр вернулся в кабинет и вытер лоб.

Он ожидал куда более серьёзной просьбы. Видимо, бывшая фаворитка, решил он. Не захотела перекрасить волосы — вот Император и отправил её подальше, чтобы одумалась.

Объяснение показалось ему вполне убедительным. До более сложного он не додумался.

Сейчас Элайн ехала к тюрьме, письмо лежало при ней, Андерс бодро ступал по мостовой, а впереди постепенно вырастали серые каменные стены.

Хэнгисон.

При воспоминании о капитане настроение снова испортилось.

Он ведь действительно чуть не погубил их всех. Элайн помнила его слишком хорошо. Помнила корабль. Угощение. Навязчивые уговоры. То, как неестественно он старался заставить их есть и пить. И ещё помнила, что сказал Торин.

«Я тоже считаю, что он нам теперь должен».

Да. Он был прав. Капитан им действительно задолжал.

Теперь только оставалось выяснить, сколько именно.
Элайн придержала Андерса перед воротами тюрьмы и спрыгнула на мостовую.

Глава 7

Ворота Коррилена они увидели ещё издали.

Дорога выбралась на пологий подъём, и впереди, за неровной полосой полей и редких домов, показался город. Пока ещё серое нагромождение крыш, труб и стен, в котором трудно было различить отдельные здания. Зато ворота были видны хорошо — тёмный провал там, где дорога упиралась в городскую окраину. Урвег придержал коня.

— Подожди, Цуннэс.

Она остановилась рядом.

— Что такое, отец?

Лошади сразу воспользовались передышкой. Жеребец Цуннэс опустил голову, шумно выдохнул и переступил с ноги на ногу. Под подпругой шерсть давно потемнела от пота. Их собственное состояние было ненамного лучше.

До изнеможения дело не дошло, но последние дни уже чувствовались во всём: в затёкшей спине, в тяжести ног после долгих часов в седле, в раздражении от одного вида очередной дороги.

Цуннэс сняла флягу, сделала несколько глотков и встряхнула её.

Внутри плеснулось совсем немного. Она тут же протянула флягу отцу.

— Освежись.

Урвег посмотрел на неё и улыбнулся.

— Спасибо.

— Пей.

Он не стал спорить. Допил остаток, закрутил пробку и вернул ей пустую флягу.

Несколько мгновений они молча смотрели на Коррилен. Потом Урвег потянулся к дорожной сумке.

— Пока мы ехали, я много думал о том, что делать дальше.

— Наконец-то, — сказала Цуннэс. — А я думала, мы просто будем ехать, пока не кончатся лошади.

— Очень разумный план. А потом закончились бы люди.

Она хмыкнула.

Урвег достал карту. Пергамент уже успел помяться в дороге, один угол загнулся, а по сгибам проступили светлые полосы.

— Мы не можем бесконечно скитаться по Серым землям. Нам нужно место, где можно хотя бы относительно безопасно жить. Такое, откуда мы сможем накапливать лирн, деньги, людей и влияние.

Он развернул лист не полностью, придерживая края пальцами, и показал дочери нужный участок. Цуннэс наклонилась поближе.

Урвег коснулся ногтем отметки чуть южнее Коррилена.

— Вот. Киринс.

— Деревня?

— Если этой карте ещё можно верить. Причём достаточно заметная, раз её вообще удостоились нанести на пергамент.

Цуннэс посмотрела сначала на маленькую отметку, потом на город впереди.

— А почему бы просто не захватить Коррилен?

Урвег рассмеялся.

Она нахмурилась.

— Я же серьёзно.

— В этом я как раз не сомневаюсь.

— Тогда что смешного?

Урвег аккуратно сложил край карты, чтобы ветер не выворачивал его из рук.

— Твоё бесстрашие делает тебе честь, дочь моя. Но допустим, мы попробуем.

— Хорошо.

— Мы выжжем половину города.

— Не обязательно половину.

— Треть?

Цуннэс подумала.

— Посмотрим по обстоятельствам.

Урвег улыбнулся.

— Убьём три четверти тех, кто решит нам помешать. Потратим почти весь лирн. Возможно, даже победим.

— Вот видишь!

— А потом оставшаяся четверть убьёт нас.

Улыбка исчезла.

— Это почему?

— Потому что мы устанем, останемся почти без лирна и окажемся посреди города, полного людей, которые прекрасно поймут, что второй раз мы уже не сможем повторить то, что сделали в первый.

Цуннэс задумалась.

— Но в Коррилене должен быть лирн.

— Должен.

— Значит, мы его найдём.

— Ты уверена, что мы найдём его достаточно? И именно тогда, когда он нам понадобится?

Она открыла рот и снова закрыла. Урвег терпеливо ждал.

Цуннэс ещё раз посмотрела на город.

— Нет.

— Вот и я не уверен.

Она недовольно вздохнула. Отец опять оказался прав, что начинало понемногу раздражать.

— Тогда что ты предлагаешь?

Урвег снова развернул карту.

— Посмотри внимательнее.

Его палец лёг на дорогу, уходившую из Коррилена к югу.

— Киринс стоит здесь. На дороге от Коррилена к Тармору.

Цуннэс проследила линию.

— И?

— Подумай.

Она не любила, когда отец заставлял её угадывать очевидное только потому, что сам уже успел догадаться. Но всё-таки посмотрела.

Коррилен. Вот это — дорога на север. А вот это — дорога на юг. Киринс.

— Лирн можно вывозить из Коррилена в обе стороны.

— Да.

— Северную дорогу и южную одновременно мы не удержим.

— Пока не удержим, — поправил Урвег. На слове «пока» он сделал едва заметное ударение.

Цуннэс посмотрела на него и потом снова на карту.

— Значит, ты хочешь... как бы оседлать южную дорогу?

— Военные обычно говорят это без «как бы».

Она фыркнула.

— Хорошо. Оседлать дорогу.

— Именно.

Урвег провёл пальцем на север.

— Есть ещё одно преимущество. Киринс значительно дальше от Феортана, чем северный путь.

Цуннэс сразу перестала улыбаться. Урвег сложил карту.

— Пока нам следует держаться от Феортана как можно дальше.

Снова это слово — «пока».

Цуннэс заметила и на этот раз ничего не сказала. Она обязательно вернётся к Ворону. Но пока ещё не время. Пока.

Цуннэс добавила, не отрываясь от карты:

— Хорошо. Но до Киринса ещё нужно добраться.

— Разумеется.

— Значит, либо обходить Коррилен по лесам...

Она посмотрела на город.

— ...либо ехать прямо через него.

И Урвег завершил свою мысль:

— И я предпочитаю второй вариант.

— Почему?

— Во-первых, он короче.

— Очень убедительно.

— Во-вторых, наш Победоносный говорил о меняльном месте у ворот.

При воспоминании о Севииде оба невольно улыбнулись.

— Говорил, — согласилась Цуннэс.

— Если там действительно меняют товар, деньги и всё остальное, то по сути это рынок.

Она задумалась.

— Странно.

— Что именно?

— Зачем делать рынок у ворот, если можно устроить его внутри города?

Урвег одобрительно посмотрел на неё.

— Вот это уже правильный вопрос.

Цуннэс прищурилась, рассматривая далёкие ворота.

— Может, потому что внутрь пускают не всех.

— Севиид именно это и утверждал.

— Но тогда зачем вообще подпускать чужаков к городу?

— Чтобы торговать с ними. Не пускать внутрь, а торговать.

Она кивнула.

— То есть не позволять им ходить где они хотят.

— Возможно.

Урвег убрал карту чуть ниже.

— А может быть, причина совсем другая. Мы пока знаем только то, что рассказал человек, который не сумел даже посчитать людей этого Люнтиса.

— Двадцать. Или тридцать. Или сорок, — напомнила Цуннэс.

— Именно.

Она снова посмотрела вперёд. Теперь ворота казались уже не просто входом в город.

Там был рынок. Люди. Деньги. Возможно, даже лирн.

И кто-то, кто решал, кого впускать, а кого оставлять снаружи.

— Хорошо, — сказала она. — И что нам делать?

Урвег не ответил сразу. Вместо этого внимательно посмотрел на дочь.

— А что сделала бы ты?

Цуннэс пожала плечами.

— Ну...

Она ещё раз оценила дорогу, ворота и расстояние до них.

— Наверное, порезала бы стражу на кусочки.

Урвег прикрыл глаза.

— Дальше.

— Остальных заставила бы рассказать всё, что нам нужно. Тех, кто не испугается, заставила бы испугаться.

Потом подумала и добавила:

— Забрала бы всё полезное и поехала дальше.

Урвег вздохнул. Вот в этом и заключалась проблема.

Цуннэс прекрасно умела работать с конкретным человеком. С двумя. С десятком. Найти слабое место, запугать, заставить, уничтожить. Она годами жила именно в такой системе.

Есть цель. Есть человек, который мешает. Есть средство воздействия.

Но город был не человеком. Даже шайка Севиида уже потребовала другого подхода, хотя Цуннэс этого не заметила.

Здесь её придётся учить долго.

— С двумя последними пунктами я полностью согласен, — сказал Урвег.

Она подозрительно посмотрела на него.

— Правда?

— Мы обязательно получим всё, что нам нужно. И обязательно поедем дальше.

— А стража?

— Вот со стражей твой план никуда не годится.

Цуннэс обречённо вздохнула.

— Я так и знала.

Она устроилась удобнее в седле и посмотрела на отца.

— Расскажи, что мы будем делать.

* * *

Торговые ряды начинались задолго до городских ворот. Если, конечно, всё это вообще заслуживало названия торговых рядов.

По обе стороны дороги тянулись навесы, собранные из жердей, старых досок и кусков ткани, выгоревшей от солнца и давно потерявшей первоначальный цвет. Где-то товар лежал на разбитых ящиках, где-то на мешковине, брошенной прямо на землю. Несколько человек торговали с телег. Другие обходились одной доской, положенной на два камня.

Никакого порядка Цуннэс не заметила.

Рядом с оборванным стариком, перед которым лежали кучками морковь, репа и мелкий лук, женщина продавала грубые домотканые рубахи. Следом стояли два мешка соли. Потом железные прутки, глиняные миски, деревянные ложки, зерно, бобы в широких чашах.

Чуть дальше торговали уже люди побогаче.

Под приличным навесом висели отрезы ткани. Хозяин стоял перед ними, широко расставив ноги, и внимательно следил, чтобы покупатели рассматривали товар глазами, а не руками. Возле соседнего прилавка лежали несколько пар добротных сапог и стопки одежды, явно не местной выделки.

Нашлось даже вино. Маленькие бочонки были выставлены прямо на телеге, а пузатый торговец время от времени поднимал один, встряхивал и что-то кричал о его качестве. Пахло пылью, потом, навозом, луком, кожей и жареным мясом.

Последний запах был самым приятным.

Возле двух железных жаровен шипели нанизанные на деревянные палочки кусочки чего-то подрумяненного. Цуннэс посмотрела туда дольше, чем собиралась.

Спрашивать, что именно там жарят и когда это мясо бегало самостоятельно, пожалуй, не стоило.

Покупателей было заметно меньше, чем продавцов. Наверное, вдвое, а может, и втрое.

И среди них хорошо одетые люди попадались значительно реже оборванцев. Большинство ходило между товарами медленно, подолгу щупало ткань, взвешивало на ладони овощи и торговалось так, словно от каждого медяка зависела дальнейшая судьба семьи.

На таких рынках деньги не тратили — с ними расставались.

Городские ворота возвышались впереди, в конце дороги. Большие деревянные створки были закрыты. Над ними темнела стена; возле зубцов иногда мелькали головы.

Слева от дороги, чуть в глубине торговых рядов, была вытоптана большая площадка, огороженная кольями и толстой верёвкой. Внутри стоял военный шатёр из грязно-серой ткани. За ним — телега, запряжённая парой лошадей. Ещё две лошади были привязаны отдельно.

Цуннэс внимательно посмотрела на них. Рёбра не торчали, но до хорошего содержания было далеко. Гривы спутаны, шерсть тусклая, на крупах засохла грязь. Одна лошадь уныло жевала остатки сена, вторая пыталась дотянуться до травы за пределами привязи.

У входа в шатёр стояли двое вооружённых мужчин. Не с тем жалким хозяйственным железом, которое носили люди Севиида — у этих были длинные тяжёлые копья с широкими стальными наконечниками.

Ещё двое караулили проход в ограде. С взведёнными арбалетами.

Цуннэс немного замедлила коня.

На другой стороне дороги стояли ещё двое арбалетчиков, тоже готовых стрелять.

Отец ничего не сказал, но она заметила, что его взгляд задержался на них точно так же.

Из шатра вышел крупный мужчина. Лет сорока, может, немного старше. Высокий, широкоплечий, с тяжёлыми руками. Длинные грязные волосы были стянуты на затылке простой верёвкой. На нём была грубая кожаная безрукавка, широкие штаны и хорошие чёрные сапоги со шпорами.

К сапогам Цуннэс в последнее время начала относиться подозрительно. Особенно если они были значительно лучше остальной одежды владельца.

— Отряд Суртса не приехал? — рявкнул мужчина.

К нему поспешил один из людей.

— Нет, господин Люнтис. Их до сих пор нет.

— Бездельники!

Голос у Люнтиса оказался под стать туловищу.

— Сволочи! Где они шляются?!

Цуннэс повернула голову к отцу. Вот, значит, этот самый Бешеный.

Люнтис как раз заметил приближавшихся всадников. Он замолчал. Посмотрел сначала на одного, а потом на второго.

Цуннэс едва удержалась от улыбки. Увиденное должно было произвести впечатление.

Отец сейчас выглядел как лысый громила с низким лбом, огромной челюстью и шеей толщиной почти с её бедро. По кожаному жилету были нашиты куски старой кольчуги, а у пояса висел топор, покрытый бурыми пятнами.

Цуннэс досталась внешность ещё прекраснее.

Чудовищная сальная грива чёрных волос спадала почти до плеч и была перехвачена несколькими разноцветными тесёмками. Лицо стало широким, звероватым, с разбитым носом и слишком тяжёлой нижней челюстью. Бугры мышц распирали кожаную безрукавку. С пояса свисал щербатый тесак. Красные разводы на щеках и лбу завершали картину.

Цуннэс предлагала изобразить кровь, но отец сказал, что это будет слишком очевидно.

Поэтому они так и не решили, что именно изображают эти пятна.

Но выглядело очень убедительно.

Морок был закреплён заранее. Цена ему была такой, что Цуннэс до сих пор становилось неприятно при одной мысли о потраченном лирне. Зато теперь он не требовал концентрации.

Можно было колдовать или драться. Можно было даже потерять сознание — и пока не истечёт время наложенного заклинания, на дороге всё равно будут лежать два совершенно незнакомых головореза.

Люнтис продолжал их разглядывать. Взгляд его задержался на лошадях, потом на оружии.

Похоже, увиденное ему понравилось. Он даже сделал шаг в их сторону.

— Эй, вы двое...

Урвег тихо сказал:

— Посмотри на арбалеты.

Цуннэс едва повернула голову.

— Вижу.

— Думаю, они здесь именно для магов.

Она снова посмотрела на взведённое оружие. Четыре стрелка. Разнесены по разным сторонам дороги. Чтобы накрыть всех одновременно, пришлось бы ударить по большой площади. А это лирн. Очень много лирна.

Всё стало понятно. Маг-одиночка мог успеть убить одного, может сразу двух.

А потом получить болт в грудь или в глаз.

— Неплохо придумано, — пробормотала она.

— Именно.

Люнтис тем временем сделал к ним ещё несколько шагов.

Урвег остановил коня.

— Спешиваемся.

Цуннэс соскользнула на землю.

— Судя по всему, времени у нас нет, — добавил отец. — Я начинаю.

Он отвёл лошадь немного в сторону и оказался за её боком, скрытый от шатра и большей части рынка. Когда снова появился, пальцы одной руки были сжаты.

Между ними уже находился лирн.

Цуннэс подошла ближе. Всё произошло почти незаметно.

Над головой одного из копейщиков вспыхнул яркий красный нимб.

Не огонь. А свет. Ровный, резкий, совершенно неуместный под дневным небом.

Копейщик ничего не заметил — но зато заметили все остальные вокруг.

Разговоры возле шатра оборвались. Люнтис развернулся и уставился на своего человека.

Тот растерянно посмотрел по сторонам.

— Что?

Несколько человек отступили от него.

— Чего вы?

— Слышь! — взревел Люнтис. — Это что у тебя?!

Копейщик поднял голову, словно мог увидеть собственную макушку.

— Где?

— Ты что, колдовать тут решил?!

— Я?!

Урвег мельком посмотрел на дочь. Цуннэс поняла его без слов и едва заметно шевельнула пальцами. Копьё внезапно вырвалось из его рук. Он даже не успел сжать пальцы.

Древко взлетело на несколько локтей вверх и тоже вспыхнуло красным светом.

По рынку прокатился крик. Теперь все смотрели только туда — на взлетевшее оружие, пылавшее красным.

Цуннэс приблизилась к отцу ещё на шаг. Никто не смотрел на них.

Никому не было дела до двух громил около коней.

А копьё развернулось в воздухе и рухнуло вниз. Арбалетчик возле прохода увидел его слишком поздно. Тяжёлый стальной наконечник ударил его в грудь и вместе с человеком опрокинул на утоптанную землю.

Всё произошло за одно мгновение.

— Бей колдуна! — заорал Люнтис.

Цуннэс услышала почти одновременно три сухих щелчка. Копейщика словно дёрнуло — один болт вошёл в грудь, а два других в голову. Он моментально рухнул на землю.

Красный нимб погас. Копьё тоже перестало светиться и тяжело ударилось о землю рядом с мёртвым арбалетчиком.

Несколько мгновений никто не двигался. Люнтис смотрел то на один труп, то на другой.

— Какого...

Он не успел договорить. Над головой второго копейщика вспыхнул белый свет.

Тот сразу увидел выражение лиц окружающих и побледнел.

— Нет!

Его копьё дёрнулось в руках.

— Нет! Я ничего не...

Древко вырвалось вверх. На этот раз оно сияло холодным белым светом.

— Бей! — снова взревел Люнтис. — Бей его!

Копейщик попытался броситься в сторону и не успел. Его собственное оружие уже летело к оставшемуся у прохода арбалетчику. Наконечник с силой ударил его в грудь, и человек сразу свалился.

Двое стрелков с противоположной стороны дороги выстрелили почти одновременно.

Белый нимб исчез, и второй копейщик рухнул возле шатра.

И вот теперь рынок действительно понял, что происходит что-то ужасное.

Кто-то завизжал. Раздалось несколько воплей. Торговец тканями одним движением сорвал с жерди самый дорогой отрез и прижал к груди. Продавец овощей даже не стал собирать свой товар и исчез, как будто его сдуло. Люди бросились прочь от шатра, врезаясь друг в друга, переворачивая ящики и наступая на разложенные по земле вещи.

Жаровню с мясом кто-то задел плечом. Она накренилась — незадачливый повар с руганью успел подхватить её за край и тут же отпустил, обжёгшись. Из-за дальних рядов к шатру уже бежали люди Люнтиса. Цуннэс насчитала пятерых. Потом ещё одного.

Над головой одного из двух оставшихся арбалетчиков внезапно появился бледно-голубой свет.

Стрелок увидел отражение этого света на стальных плечах своего арбалета.

— Нет!

Он отшатнулся и попытался отбежать в сторону.

— Не я! Не я!

Первый из подбежавших охранников шарахнулся от него. Второй оказался решительнее.

— Хватай колдуна!

На арбалетчика набросились сразу трое. Он ударил одного прикладом. Другой вцепился ему в руку. Через мгновение все четверо уже катались по земле.

Никто не стрелял. Никто не смотрел на двух верзил около лошадей.

Цуннэс вдруг поняла, что отец улыбается. Совсем чуть-чуть. Она тоже улыбнулась.

Всё это смертельное представление начало ей нравиться. Оставшееся копьё снова поднялось.

Уже без света. Его всё равно никто не заметил — потому что высоко в воздухе над шатром вспыхнул большой холодно-белый шар и загудел.

Звук был негромкий. Но в возникшей панике его оказалось достаточно.

Кто-то закричал:

— Маги! Бежим!

Вопль подхватили сразу с нескольких сторон:

— Спасайся!

Все как будто ждали этих слов и... Люди побежали в разные стороны, беспорядочно, переворачивая корзины и обрушая навесы. По земле катились яблоки. Кто-то наступил в миску с бобами и растянулся во весь рост. Две женщины одновременно попытались спрятаться за одной телегой и начали толкать друг друга. Те из охранников, кто ещё секунду назад бежал к шатру, остановились.

Один увидел свет над товарищем. Другой — летающее копьё. Третий решил, что самым разумным решением будет вообще оказаться как можно дальше отсюда. Первые двое подхватили инициативу третьего и развили скорость, достойную полёта арбалетного болта.

Последний свободный арбалетчик оглядел пустеющую площадку, опустил оружие и тоже бросился прочь. Это заметили четверо, всё ещё барахтавшиеся в пыли. Стрелок, на которого все напали, вырвался первым; трое охранников больше не пытались его удержать и разбежались следом — каждый в свою сторону.

Из людей Люнтиса снаружи шатра не осталось никого, кто ещё собирался драться.

Цуннэс стояла возле лошади и смотрела.

Она никогда раньше так не делала. Обычно всё было проще. Есть враг — значит врага надо убить. Если врагов много — значит надо убить много врагов, и это превосходно работало.

Но стоило очень дорого. Здесь же они с отцом сами сделали очень немного. Ударили кремнем и высекли искры. Остальное люди сделали сами.

Тут из шатра выскочил Люнтис с арбалетом наизготовку. Его лицо перекосила дикая ярость.

— Кто?!

Он завертел головой.

— Кто это делает?!

Белый шар гудел над рынком. Люнтис поднял арбалет.

— Выходи! Я тебя порву!

Копьё, до этого кружившее над растоптанной площадкой, остановилось.

Цуннэс чуть повернула кисть. Теперь уже это движение никто не мог увидеть.

Копьё рванулось вниз.

Люнтис успел заметить тень и поднял голову. Больше ничего он сделать не успел.

Тяжёлый наконечник ударил его в грудь и отбросил назад. Арбалет выпал из рук.

Сам Люнтис рухнул возле входа в собственный шатёр.

Белый шар над рынком ещё несколько мгновений гудел.

А потом погас.

Где-то плакал ребёнок. Раздавалась ругань — Не трожь! Это не твоё!

Потом опять тихий вопль — Руки убери, вшивая свинья! Руки убери!

Возле опрокинутой телеги ругался торговец. Лошади Люнтиса рвались на привязи, мотая головами. Но вокруг шатра людей почти не осталось.

Урвег вышел из-за своей лошади и спокойно оглядел разгромленную площадку.

Городские ворота так и не открылись. На стене над ними теперь стояло значительно больше людей, чем несколько минут назад. Они смотрели вниз, но выходить наружу, похоже, никто не собирался.

Цуннэс посмотрела на отца — он как раз убирал остаток лирна.

— Вот, — сказал Урвег. — Теперь можно взять всё полезное.

Цуннэс покосилась на тела, брошенный шатёр и опустевший рынок.

А потом усмехнулась.

— И поехать дальше.

— Именно.

* * *

Люнтиса обыскали быстро. У самого Бешеного нашёлся вполне приличный арбалет, короб с болтами на поясе и ключ на грязной верёвочке, висевший под кожаной безрукавкой. Больше ничего интересного.

Зато в шатре дела обстояли значительно лучше.

Внутри пахло старой кожей, потом и прокисшим вином. Возле походной лежанки стоял стол, заставленный грязной посудой, а перед ним — тяжёлое кресло, одна ножка которого треснула и была кое-как примотана верёвкой к деревянной планке.

Под креслом обнаружился небольшой сундучок. Сверху его предусмотрительно прикрыли мешком. Урвег посмотрел на ключ в руке, потом на замок.

— Думаю, они созданы именно друг для друга.

Сегодняшнее представление оказалось оплачено значительно лучше, чем можно было ожидать. В сундучке поблёскивало золото. Феорские флорины перемешались с имперскими талерами и цехинами Хартии. Не огромное состояние, нет — особенно для двух людей, привыкших распоряжаться совсем другими суммами, — но после последних недель эта кучка позволяла чувствовать себя гораздо увереннее.

На самом дне обнаружились три кристалла лирна. Цуннэс сразу взяла один, покрутила перед глазами.

— Не самые лучшие.

— Зато настоящие.

— Верно.

Она спрятала кристаллы. Остальное содержимое сундучка представляло собой обычную добычу человека, который брал всё, что удавалось отнять: серебряные цепочки, кольца разной работы, несколько медных пластинок, серьги без пары и прочая мелочь, ценность которой ещё предстояло выяснить.

Но интереснее всего оказался лежавший сверху кусок плотного пергамента.

На нём грубо изобразили башню. В углу темнела большая сложная печать, а поперёк листа тянулась размашистая подпись, которую Урвег не сумел разобрать даже со второй попытки.

— Кажется, вот и наш знак.

Он поднёс пергамент ближе к свету. На печати удалось различить слова: «Магистрат Коррилена». Урвег задумчиво хмыкнул.

Существовал ли в нынешнем Коррилене настоящий магистрат или новые хозяева просто пользовались старой печатью, было совершенно непонятно. Последнее казалось даже вероятнее. В городе, где власть переходила из рук в руки быстрее, чем успевали высохнуть чернила на приказах, вряд ли каждый новый хозяин первым делом разыскивал хорошего резчика печатей.

Впрочем, это сейчас не имело значения.

— Проверим.

Урвег спрятал пергамент за пазуху.

Задерживаться тут было нельзя. Люди, разбежавшиеся по рынку, неизбежно должны были вернуться. Сначала самые любопытные. Потом люди Люнтиса, которые не успели к драке. Возможно, ещё кто-нибудь, кому станет интересно, почему Бешеный вдруг лежит мёртвый возле собственного шатра.

Среди перевёрнутых ящиков и брошенного товара нашлись подходящие мешки. В них отправились хлеб, овощи и всё, что можно было взять в дорогу. Цуннэс заметила откатившийся в сторону маленький бочонок вина и потянулась за ним. Хозяин бочонка, до этого прятавшийся за телегой, сделал шаг вперёд.

— Эй...

Урвег повернул голову.

Торговец посмотрел на его лысый череп, зверское лицо, топор у пояса, потом перевёл взгляд на всё ещё лежавшего возле шатра Люнтиса. Рот медленно закрылся.

Урвег уже собирался отвернуться, но передумал. Запустил руку в сундучок Люнтиса, вытащил две золотые монеты и бросил торговцу.

Тот дёрнулся и едва успел поймать одну. Вторая звякнула о колесо телеги и упала в пыль.

Торговец уставился сначала на золото, потом на Урвега.

— За вино, хлеб и овощи, — сказал тот. — С теми, у кого мы взяли остальное, поделишься сам.

— Но это же...

— Я знаю, сколько это стоит.

Цуннэс покосилась на отца, но промолчала.

— Вот и договорились, — сказал Урвег.

В мешки также положили арбалеты самого Бешеного плюс два других — те, что лежали возле площадки. Цуннэс уже собиралась уходить, но вдруг остановилась возле тела Люнтиса.

Посмотрела вниз — и принялась стаскивать с него сапоги.

Урвег некоторое время молча наблюдал.

— Зачем они тебе?

— Нам ведь предстоит выбирать старосту в новой деревне?

— Вполне вероятно.

Цуннэс дёрнула второй сапог.

— Значит, пригодятся.

Урвег улыбнулся. Дочь была хорошей ученицей.

Цуннэс посмотрела на него.

— Ты бросил два золотых за еду. Не слишком ли много?

— За еду — чересчур много. За то, что сегодня будут рассказывать обо всём этом, — недорого.

Всё найденное увязали на одну из лошадей Люнтиса. Животное сначала недовольно переступало под непривычным грузом, но быстро смирилось. Урвег уже собирался садиться в садло, когда заметил, что Цуннэс вернулась к шатру.

— Что ты делаешь?

Она подняла с земли обгоревший уголёк. На грязно-серой ткани появились две большие чёрные буквы:

ВН

Цуннэс отступила на шаг, оценивая результат, потом отряхнула пальцы.

Урвег посмотрел сначала на надпись, потом на дочь.

— Я правильно понимаю, что это Ворон?

— Да, папа.

— Цуннэс...

Она повернулась к нему.

— Я от него не отказалась.

Урвег нахмурился. Такая привязанность могла стать слабостью. Особенно сейчас, когда им следовало как можно тщательнее выбирать, какие следы оставлять за собой.

С другой стороны...

Урвег ещё раз посмотрел на две чёрные буквы. Ворон был достаточно обычным именем и достаточно понятным знаком, чтобы сам по себе ничего не доказывать. А им всё равно требовалось имя. Не сегодня — так завтра. Люди должны были рассказывать не просто о двух неизвестных чудовищах, а о ком-то, кого можно назвать.

Если дочери от этого будет легче...

Почему бы и нет.

— Хорошо.

Цуннэс улыбнулась.

— Пусть знают, что это мы. И другим расскажут.

— Они так и сделают.

Они вывели лошадей на дорогу и подвели к закрытым городским воротам.

Возле них, на толстом вкопанном в землю столбе, висел небольшой колокол. Верёвка свисала почти до человеческого роста — приглашение было достаточно понятным.

Урвег дёрнул её.

Колокол звякнул. Ничего. Он ударил второй раз.

После третьего внутри что-то загремело. Послышались голоса, скрип дерева и лязг железа.

Одна створка ворот медленно приоткрылась — совсем немного, оставив щель, в которую едва мог протиснуться человек. Из неё высунулось небритое лицо в железном шлеме.

Стражник осмотрел Урвега.

Потом Цуннэс.

Потом третью, гружёную лошадь.

— Чего надо?

Урвег в образе лысого громилы умел разговаривать именно так, как тот выглядел.

Он что-то недовольно прорычал и достал пергамент.

Небритое лицо стало внимательнее. И сразу исчезло.

Через несколько секунд створка разошлась чуть шире, и стражник боком выбрался наружу. Кольчуга у него оказалась вполне добротной, а в руке был короткий меч.

Он протянул свободную ладонь.

— Дай сюда.

Урвег убрал бумагу чуть назад.

— Будешь смотреть! В руки не дам!

Цуннэс подъехала ближе и осклабилась, стараясь выглядеть как можно отвратительнее. Судя по тому, как стражник посмотрел на неё, получилось хорошо. Он всё-таки не стал спорить.

Наклонился, рассмотрел башню, печать и подпись.

Потом ткнул пальцем в сторону Цуннэс.

— С тобой?

— Со мной.

— Больше никого?

Урвег медленно оглянулся.

— А ты здесь третьего видишь?

— По знаку разрешён один сопровождающий, — буркнул стражник. — Я предупредил.

— Нас двое!

— Вижу.

— Тогда чего спрашиваешь?! А?

Стражник ещё раз посмотрел на них обоих и, судя по выражению лица, решил, что дальнейшее выяснение отношений не входит в его обязанности.

— Проезжайте.

Он отступил. За воротами загремели засовы, створка поползла шире.

Внутри обнаружилось уже около десятка вооружённых людей. Большинство смотрело не на въезжавших, а наружу — туда, где ещё недавно над рынком висел белый свет.

Когда Урвег проезжал мимо, от стены отделился пожилой стражник. Судя по одежде и тому, как остальные уступили ему дорогу, здесь он был старшим.

— Эй!

Урвег не остановился.

— Что там случилось?

— Где?

— На рынке. Свет какой-то. Крики. Драка.

— Они там с ума посходили.

— Кто?

— Все.

Командир нахмурился.

— Почему?

Урвег повернул к нему страшное лысое лицо.

— Мне плевать.

Цуннэс, проезжая следом, одарила стражника таким взглядом, что тот невольно отступил на полшага. Останавливать их никто не стал. Через несколько мгновений Урвег придержал лошадь и обернулся.

— Южные ворота где?

Командир махнул рукой вдоль улицы.

— Всё время прямо. Не сворачивай.

Урвег сразу отвернулся и тронул коня.

Коррилен начинался почти сразу за воротами. И первое впечатление оказалось достаточно неприятным. Каменная мостовая сохранилась далеко не везде. Между уцелевшими плитами чернела грязь, в выбоинах стояла мутная вода, а вдоль домов тянулись канавы, от которых даже на ходу пахло гнилью и нечистотами. Некоторые дома были просто закрыты, а другие забиты досками.

У одного вместо крыши торчали обугленные стропила, и на бывшем втором этаже уже успела вырасти трава.

Но город не был мёртвым. За ставнями мелькали лица. Стоило всадникам приблизиться, как окна закрывались. Несколько человек, увидев двух страшных вооружённых верзил, без всяких объяснений перешли на другую сторону улицы. Женщина, набиравшая воду у колодца, схватила ведро и поспешила в ближайший двор, оставив второе прямо возле сруба.

Детей почти не было видно. Как и молодых мужчин без оружия.

Возле одного перекрёстка стояло шестеро людей с копьями. Они не носили никаких одинаковых цветов или знаков, но держались вместе и провожали чужаков внимательными взглядами. Чуть дальше обнаружился высокий каменный дом за собственной стеной. Ворота были окованы железом.

Потом снова пошли полуразрушенные дома. Цуннэс некоторое время молчала.

— И за это они требуют десять золотых?

Урвег оглядел заколоченное окно, мимо которого они проезжали.

— Наверняка в Коррилене есть места, которые стоят этих денег.

— А вот это всё?...

— Очевидно, нет.

Цуннэс усмехнулась.

— Может, поищем?

— Сейчас не нужно.

Она посмотрела на него.

— Пока?

Урвег тоже улыбнулся.

— Пока.

Опять это слово. Цуннэс начинало казаться, что вся их новая жизнь состоит именно из него.

Пока нельзя вернуться за Вороном. Пока нельзя захватить Коррилен. Пока приходится жить осторожно и считать кристаллы. Что ж. Время у них было.

А если время со мной — кто против меня?

Цуннэс мысленно повторила фразу, и она ей понравилась.

Надо будет как-нибудь произнести её вслух. Желательно тогда, когда это прозвучит особенно внушительно.

До южных ворот они добрались без приключений. Здесь их даже не попросили показать знак.

Стражники лениво осмотрели трёх лошадей, оружие и двух всадников. Один крикнул что-то людям возле механизма, засовы загремели, и створки начали расходиться.

Из Коррилена, похоже, выпускали значительно охотнее, чем впускали.

Почему — предстояло выяснить позже. За стеной лежала южная дорога. Она уходила между полями, потом терялась среди пологих холмов и далёких полос леса.

Город постепенно остался за спиной. Его стены ещё долго были видны, потом скрылись за очередным подъёмом.

Лошади устали, но шли ровно. Гружёная кобыла Люнтиса покорно тянулась следом, время от времени недовольно потряхивая головой.

Где-то впереди находился Киринс. Если деревня ещё существовала.

Впервые с момента бегства у них была цель, которая означала не просто следующий ночлег.

Оттуда они собирались начать возвращать себе то, что потеряли.

Деньги. Лирн. Влияние. Власть.

Цуннэс погладила жеребца по шее.

— Ну что? Ещё немного.

Конь фыркнул и прибавил шагу.

В тот день проехали столько, сколько позволял оставшийся свет, переночевали у дороги, следующий день провели в седле, а утром после второй ночёвки снова двинулись на юг.

Ближе к полудню впереди, на далёком подъёме, показался частокол.

Глава 8

Служебная часть сонсборгской тюрьмы отличалась от камер главным образом тем, что двери здесь запирались снаружи не всегда.

Те же толстые каменные стены, тёмные от сырости возле пола. Те же низкие своды. Узкие окна под самым потолком были забраны железными решётками, и даже ясный день снаружи превращался здесь в тусклый сероватый свет. Пахло мокрым камнем, старой бумагой, железом и чем-то затхлым, что, наверное, въелось в стены ещё при предыдущем поколении заключённых.

Кабинет главного дознавателя, впрочем, пытался выглядеть прилично.

Стол был большой, дубовый, с гладко затёртым передним краем. Возле него стояли два хороших стула — тяжёлых, с прямыми узкими спинками. На стене висела полка с книгами и связками бумаг, а под окном громоздился ещё один сундук, очевидно тоже набитый бумагами.

Сам дознаватель производил впечатление человека, которому его кабинет подходил значительно лучше, чем хорошая погода.

Мужчина лет сорока с небольшим, жидкие русые волосы уже начали редеть на макушке. Кожа имела серовато-жёлтый оттенок, под глазами лежали тёмные круги. Взгляд был каким-то усталым и поникшим, словно каждый новый посетитель приносил ему ещё одну проблему, которую затем придётся переписать в трёх экземплярах.

Когда Элайн вошла, он как раз заканчивал очередную бумагу.

Перо скрипнуло в последний раз. Дознаватель отложил его, взял щепоть песка и небрежно посыпал свежие строки. Часть песка легла на письмо, а остальное просыпалось на стол.

Судя по тому, сколько его уже хрустело под ногами и забилось в щели между каменными плитами пола, писать здесь приходилось много.

Дознаватель поднял голову.

— Чем обязан, фрейа?

Голос оказался вполне под стать владельцу — тусклый, хрипловатый.

Он отвернулся и закашлялся в кулак.

— Простите.

Кашель прошёл не сразу. Элайн подождала.

— Итак?

Она без лишних слов подошла к столу и положила перед ним письмо бургомистра.

А поверх него — патент херсира.

Дознаватель мельком посмотрел на Элайн, затем опустил глаза.

Прочитал письмо. Потом патент. Снова тщательно перечитал письмо.

Элайн успела рассмотреть трещину на стене справа от окна.

Дознаватель прочёл патент ещё раз, после чего тщательно проверил обе печати, будто всерьёз допускал, что неизвестная женщина специально изготовила фальшивый императорский патент только ради удовольствия посетить сонсборгскую тюрьму.

Наконец он отложил документы.

Элайн решила, что любование сургучом можно считать оконченным.

— Вы ведёте дело капитана Хэнгисона?

— М-м-м... Да. Я.

Он немного помедлил.

— А что случилось?

— Что ожидает капитана?

Дознаватель прищурился.

— А вы, стало быть, и есть главный свидетель по этому делу?

— Насколько я помню, на корабле находилась не только я. Там был господин Кермунд и...

Она чуть замялась перед титулом.

— Его Величество лично.

— Разумеется. Разумеется.

Дознаватель снова подвинул к себе бумаги.

— Показания господина Кермунда мы уже получили.

Элайн едва не подалась вперёд.

— Вот как? Кермунд здесь?

— Письмом из Рауссборга.

Она сразу откинулась обратно. Ну конечно — об этом следовало догадаться.

— И что он написал?

Лицо дознавателя стало ещё печальнее.

— Показания весьма... невнятные.

Элайн представила себе Кермунда, которого заставили подробно излагать на бумаге события той ночи.

— А Император?

— Его Величество ограничился распоряжением лично проследить за тем, чтобы разбирательство было справедливым.

Он слегка развёл руками.

— Вы понимаете...

— Что именно я должна понимать?

Дознаватель кашлянул. На этот раз, кажется, уже не от болезни.

— Что главным свидетелем остаетесь вы. Господин Кермунд почти ничего не помнит. А то, что помнит...

Он бросил взгляд на одну из бумаг.

— В данном случае мало помогает следствию.

Элайн почти услышала Кермунда. Наверняка половина его показаний была посвящена качке.

— Итак, — продолжил дознаватель, — вы готовы дать показания на судебном заседании?

Элайн посмотрела на него внимательнее.

Хорошо. Очень хорошо.

По крайней мере он не собирался немедленно усаживать её напротив себя и задавать вопросы часами.

— Готова. Но с условием.

Кентерс нахмурился.

— Ваш чин херсира разумеется, освобождает вас от предварительного допроса городским следствием. Показания вы дадите под присягой судье.

И тут он поднял палец.

— Но ставить условия следствию — это несколько иное. Такого права вам чин не даёт.

«Ага».

Элайн едва удержалась от улыбки.

«Ну что ж, Эймунд. Иногда ты всё-таки умеешь быть исключительно полезным человеком»

— Я ещё не ставила вам условий.

— Вы только что сказали...

— Сначала ответьте на мой вопрос.

Дознаватель вздохнул.

— Какой именно?

— Что будет с Хэнгисоном?

Он задумался, видимо решая, насколько подробно стоит объяснять очевидное человеку с императорским патентом перед носом. Патент победил.

— Если суд установит, что капитан сознательно участвовал в подготовке покушения на Его Величество, — виселица. Всё имущество будет конфисковано в пользу казны.

Элайн не изменилась в лице и спросила:

— А если он понимал, что участвует в чём-то незаконном. Помогал. Получал деньги. Но о покушении на Императора вообще не знал?

Кентерс почесал за ухом.

— Тогда Нирхалльские рудники.

— На сколько?

— Десять лет. Возможно, пятнадцать. Как решит судья.

— А имущество?

— Если будет доказано участие в преступлении — конфискуют в любом случае.

Он передвинул бумаги на край стола.

— Итак, фрейа?

Вот теперь начиналась сложная часть.

Элайн положила ладони на спинку свободного стула, но садиться не стала.

— Я хочу поговорить с ним сама.

Кентерс моргнул.

— Зачем?

На этот раз он удивился совершенно искренне.

— Мне нужно понять, насколько он был со мной искренен тогда, на палубе.

— Если у вас есть вопросы, напишите их.

На лице дознавателя впервые появилось что-то похожее на улыбку.

Она Элайн не понравилась.

— Мы сами их зададим. В самом лучшем виде.

Элайн некоторое время смотрела на него.

Теперь становилось понятно, почему у людей в тюрьмах иногда удивительно быстро улучшалась память.

— Я хочу поговорить с ним лично, господин...

— Петер Кентерс, фрейа.

— Господин Кентерс.

Она слегка улыбнулась.

— Окажите мне содействие.

— Я...

— В письме бургомистра, которое вы только что трижды прочитали, именно об этом и говорится.

Кентерс посмотрел на письмо. Наверное, мысленно проверил, действительно ли он прочитал его трижды.

— Просьба весьма необычная.

— Согласна.

— Заключённых не принято предоставлять для частных бесед свидетелям.

— Тоже разумно.

Он посмотрел на неё с некоторым подозрением.

— Тогда вы понимаете моё положение.

— Прекрасно понимаю.

Элайн выпрямилась.

— Поэтому поступим следующим образом.

Кентерс насторожился.

— Каким?

— Шагов двести отсюда, вниз по улице и направо, есть трактир. «Дикий Петух».

Он медленно кивнул.

— Знаю.

— Говорят, там неплохое вино.

Кентерс опять кашлянул.

— Простите...

— Ничего. Так вот. Вы пойдёте туда, сядете и выпьете вина.

Дознаватель смотрел на неё уже совершенно непонимающе.

— Я?

— Вы.

— Сейчас?

— Именно.

— А вы?

— А я съезжу к бургомистру.

Элайн забрала со стола свой патент. Но письмо оставила.

— Думаю, минут через сорок вернусь сюда с его письменным решением.

Кентерс перевёл взгляд с неё на письмо.

Потом обратно.

— Фрейа...

— Да?

Он замолчал. Элайн подождала ещё немного.

— Вы предпочитаете красное или белое?

* * *

Хэнгисона ввели в кабинет Кентерса со связанными за спиной руками.

Стражник дождался, пока заключённый пройдёт внутрь, захлопнул тяжёлую дверь и снаружи повернул ключ. Железо сухо лязгнуло в замке.

Элайн сидела на одном из двух стульев.

За хозяйский стол она садиться не стала. Он принадлежал Кентерсу вместе с бумагами, песком, чернильными пятнами и всей остальной унылой властью этого кабинета. Ей вполне хватало стула у стены.

Хэнгисон прошёл до середины комнаты и остановился.

Он смотрел только на неё.

— Вот как — произнёс он глухо.

Элайн ответила не сразу. За две с лишним недели капитан изменился гораздо сильнее, чем она ожидала. Щёки впали, подбородок зарос неровной щетиной. Сальные волосы сбились в пряди и торчали в разные стороны. Рубаха была мятая, грязная, на плече и возле пояса прилипли короткие сухие соломинки — видимо, с той самой подстилки, на которой ему приходилось спать.

Пахло от него соответственно: старым потом, сырой соломой и тюремной камерой.

Когда-то на палубе «Алквириса» Хэнгисон казался вполне представительным капитаном.

Тюрьма удивительно быстро снимала с людей лишнее.

— Вот так, — наконец ответила Элайн.

Хэнгисон вгляделся в неё внимательнее.

— Ты...

Он сглотнул.

— Ты Рыжая Волчица.

Элайн искренне рассмеялась.

— У тебя хорошая память, Хэнгисон.

— Что тебе нужно?

— Для начала — чтобы ты сел.

Он выразительно дёрнул связанными руками.

— Это не проблема, капитан. Я помогу.

На секунду в его глазах мелькнула надежда. Элайн поднялась, взяла свободный стул и подошла к нему сзади.

— Наклонитесь немного вперёд. Так будет удобнее.

Хэнгисон подчинился мгновенно. Ради того, чтобы ему развязали руки, он, кажется, был готов лечь на пол. Элайн подвела узкую спинку стула между его связанными запястьями и спиной.

— Теперь садитесь.

Хэнгисон замер. Потом понял.

Сел.

Руки остались связанными — только теперь ещё и за спинкой стула.

Элайн вернулась на своё место.

— Понимаете, капитан, развязывать вас, потом снова связывать... Столько совершенно лишней работы.

Она улыбнулась.

— А так намного быстрее.

Лицо Хэнгисона перекосилось.

— Сука.

Улыбка с лица Элайн не исчезла.

— Вот. Уже начали разговаривать осмысленными фразами.

— Зачем я тебе?

— Поговорить.

Она слегка наклонила голову.

— Пока — поговорить. Расскажите, капитан, как вам здесь живётся? Хорошо кормят? Высыпаетесь?

Хэнгисон молчал. Только угол рта дёрнулся.

— Господин Кентерс с вами беседовал?

— О чём?

— Например, о вашем светлом будущем.

— Сказал, будет суд. Когда опросят свидетелей.

— А вас сколько раз допрашивали?

Он посмотрел на неё исподлобья.

— Пять.

— Ого. И каждый раз с пристрастием?

Что-то в его лице изменилось.

— Да.

Элайн ждала.

— Да! — выкрикнул Хэнгисон. — Каждый раз! Меня били каждый раз! Сука!

Он дёрнулся на стуле.

— Каждый раз...

Потом опустил голову. Элайн смотрела на него спокойно.

Две бутылки. Кусок пирога. И капитан, который слишком настойчиво убеждал их попробовать угощение. Если бы тогда они не насторожились...

Жалости не получилось.

— Вам не сказали, какой приговор вас ждёт?

Хэнгисон медленно поднял голову.

— Нет.

Значит, Кентерс действительно решил оставить это удовольствие судье.

— Тогда я скажу.

Элайн устроилась поудобнее. Хэнгисон внимательно смотрел на неё.

— Тебя повесят.

Несколько мгновений он просто не понимал услышанного.

Потом лицо дёрнулось.

— За что?!

— За шею.

— Я не виноват!

Он рванулся вперёд, насколько позволял стул.

— Я им говорил! Я ничего не знал! Ничего! Почему?!

— Поздно.

Элайн покачала головой.

— Надо было тогда сказать: «Не ешьте. Там отрава. Мне приказали, я боюсь. Помогите». Мы бы тебя защитили.

— Я не знал!

— Это я уже слышала.

— Я не знал, что они хотят вас убить! Та ведьма... Она меня чуть не прикончила, когда объясняла, что будет, если я их предам! Я думал... Я...

Хэнгисон судорожно втянул воздух.

— Я же никого не убил!

— Не думаю, что суд это оценит по достоинству.

Элайн посмотрела ему прямо в глаза.

— Ты вообще понимаешь, за что тебя судят?

— Они какой-то бред несли! Покушение на Императора! Какое ещё покушение?!

Он почти кричал.

— Лжецы. Сволочи. А теперь меня хотят повесить ни за что!

Элайн закинула ногу на ногу и разгладила складку на платье.

— Помнишь мужчину, который сунул тебе яблоко в рот?

Хэнгисон раздражённо моргнул.

— Ну.

— Это был Император.

Молчание.

— Врёшь.

— Можешь переспросить судью.

Хэнгисон смотрел на неё. У него словно вдруг перестали складываться в голове самые простые вещи.

— Он...

— Его Императорское Величество Торин.

— Значит...

— Значит, за шею.

Краска сошла с лица капитана окончательно. Он зажмурился.

Когда снова открыл глаза, в них уже стояли слёзы.

— И ты пришла ради этого?

Голос сорвался.

— Посмотреть? Поиздеваться? Да? Сука... Будь ты проклята.

Элайн перестала улыбаться.

— Ты слишком часто повторяешься.

Он замолчал.

— Ещё раз услышу слово «сука» — и наша беседа закончится. Позову стражника, и ты вернёшься в камеру.

Она сделала короткую паузу.

— Сам дойдёшь или тебя поволокут — как получится.

Хэнгисон закрыл глаза и начал медленно раскачиваться.

— Прекрати.

Он не отреагировал.

— Хэнгисон.

Тишина.

— Если ты так хочешь быть повешенным, я действительно могу позвать стражу.

Он перестал качаться и поднял голову.

— Есть другой вариант?

Вот. Наконец-то.

— Варианты есть всегда, капитан. Просто не все из них приятны.

Он открыл рот. Элайн подняла палец.

— Молчи и слушай.

Хэнгисон замер.

— Если суд решит, что ты сознательно участвовал в покушении на Императора, тебя повесят.

Она дала ему несколько секунд.

— Если же будет установлено, что ты участвовал в преступлении, но не знал ни о покушении, ни о том, кого именно вёз...

Хэнгисон подался вперёд.

— Тогда?

— Нирхалльские рудники. Лет на десять. Возможно, на пятнадцать.

Его лицо снова вытянулось.

— Пятнадцать...

— Это значительно дольше, чем человек обычно висит на верёвке.

Он не оценил шутки.

— Ах, да. Имущество конфискуют в обоих случаях.

Теперь Хэнгисон насторожился, и Элайн это заметила.

— Включая «Алквирис».

— Нет.

Это прозвучало почти автоматически.

— Да.

— Корабль мой.

— Пока.

Он тяжело дышал.

— И от чего зависит... рудники или виселица?

— Главным образом — от показаний свидетелей.

Элайн специально замолчала. Хэнгисон первым не выдержал.

— И?

— Главный свидетель — я.

Это было сказано очень скучным голосом. Он вытаращил глаза.

— Ты?

— Я. Рыжая Волчица может помочь тебе оказаться на рудниках.

Элайн лениво провела пальцем поперёк горла.

— А может и не помочь.

— Спаси меня!

Хэнгисон попытался вскочить, забыл про связанные руки, стул качнулся.

Элайн даже не пошевелилась.

— Сядь.

Он замер.

— Сядь нормально, пока не разбил мебель.

Хэнгисон тяжело опустился обратно.

— Спаси меня. Прошу.

Теперь Элайн смотрела на него без улыбки.

— Понимаешь, капитан, если бы не одно обстоятельство, я бы и пальцем не пошевелила.

Он молчал.

— Из-за тебя мы все были на краю гибели. И если бы не твой корабль, я отправила бы тебя на виселицу без малейших колебаний.

Она чуть наклонилась вперёд.

— Надеюсь, ты не думаешь, что тогда на палубе я притворялась?

Хэнгисон отвёл глаза. Он всё помнил. Конечно, помнил.

— Но корабль меняет дело, — продолжила Элайн. — Поэтому у тебя есть возможность прожить ещё лет пятнадцать, а потом, если повезёт, выйти на свободу.

— Без корабля.

— Без корабля ты останешься в любом случае.

Она пожала плечами.

— Зато сможешь стать каменщиком.

Хэнгисон посмотрел на неё с ненавистью.

— Я не буду каменщиком.

— Через пятнадцать лет обсудим.

Он помолчал. Потом в его глазах появилось понимание.

— Ага...

Элайн ждала.

— Так вот зачем ты пришла...

— Наконец-то.

— Тебе нужен мой корабль.

Элайн улыбнулась.

— Да. Мне нужен мой корабль.

Хэнгисон побагровел.

— Он мой!

— Уже нет.

— Я на него горбатился! Я! Не ты!

Элайн снова провела пальцем возле шеи. Хэнгисон осёкся.

— Давайте ещё раз, капитан. Медленно. Корабль либо уйдёт в имперскую казну, либо достанется тому, кому вы его передадите до суда. А вы либо будете висеть, либо отправитесь на рудники.

Он смотрел на неё с ужасом и яростью.

— Это же взятка.

— Нет.

— Ты покупаешь мои...

— Я ничего у тебя не покупаю.

Голос Элайн стал холоднее.

— Я спасаю тебе жизнь. Причём, если говорить откровенно, совершенно незаслуженно.

Хэнгисон сник. Некоторое время было слышно только, как за стеной кто-то прошёл по коридору. Звякнули ключи. Потом снова стало тихо.

— Они поймут, — сказал наконец капитан.

— Кто?

Он мотнул головой на дверь.

— Они. Судья. Кентерс. Все. Поймут, что ты за корабль им наврала.

Элайн посмотрела на него с искренним удивлением.

— А зачем мне врать?

Хэнгисон моргнул.

— Ты сам тогда орал, что ничего не знаешь. Говорил, что тебя запугали и заставили.

— Потому что так и было!

— Прекрасно. Именно это я и скажу судье.

Она подалась вперёд.

— Я не знаю, что тебе говорили до нашего появления на корабле. Не присутствовала при том, как тебя нанимали. Не слышала твоих разговоров с теми людьми. И доказательств того, что ты знал о покушении на Императора, у меня нет.

Хэнгисон смотрел на неё, не мигая.

— Я скажу под присягой ровно то, что знаю. Ни слова больше.

Теперь он понял окончательно.

— И за это...

— За это ты сделаешь одно доброе дело перед судом.

— Какое?

— Подаришь корабль.

Он зло усмехнулся.

— Тебе.

— Нет.

Это его очень удивило. Она даже откинулась назад.

— А кому?

— Когда к тебе в камеру придёт легист, у него будет дарственная.

Элайн щёлкнула пальцами.

Хэнгисон неожиданно зажмурился и дёрнул головой.

Элайн на секунду замолчала. Потом поняла. После пяти допросов человек начинал своеобразно реагировать даже на щелчок пальцами.

— Там и увидишь имя.

— Чьё?

— Девушки-сироты.

Он уставился на неё.

— Что?

— Сделай доброе дело перед судом. Подари бедной сироте что-нибудь ценное.

Элайн улыбнулась.

— Например, корабль.

Хэнгисон некоторое время молчал.

— А если я...

Её глаза зажглись ядовито-зелёным огнём.

— Если ты решишь подставить меня второй раз, я лично попрошу Императора заменить верёвку на что-нибудь куда более неприятное.

— Нет!

Он торопливо замотал головой.

— Не это. Я хотел спросить... А если я не успею подписать дарственную?

— Я лично прослежу, чтобы ты успел.

— Хорошо. Хорошо.

Он снова сглотнул.

— А если ты меня обманешь?

Элайн не сразу поняла вопрос.

— Зачем?

— Ну...

И вот тут она действительно разозлилась. До этого Хэнгисон раздражал её. Иногда смешил. Иногда вызывал отвращение. Теперь попал точно туда, куда не следовало.

— Подожди.

Она медленно выпрямилась.

— Ты сейчас судишь меня по себе?

— Нет! Нет!

— То есть на моём месте ты бы обязательно взял корабль, а потом всё равно отправил бы человека на виселицу?

— Я не это хотел сказать! Нет!

— Именно это ты и сказал!

— Нет!!!

Элайн несколько секунд смотрела на него.

— Какое же ты...

Она не договорила. Откинулась на спинку стула.

— Знаешь что? Может, ну его к демонам, твой корабль?

Хэнгисон побледнел.

— Что?

— Очень просто. Я выйду отсюда. На суде расскажу всё, что думаю о тебе, а тебе больше не придётся мучиться вопросом, обману я тебя или нет.

— Не надо.

— Чудесно. Значит, решили.

— Нет!

Он снова дёрнулся.

— Подожди!

Элайн молчала. Хэнгисон тяжело дышал.

Потом опустил глаза.

— Хорошо.

Тяжёлая, плотная тишина.

— Я всё сделаю.

* * *

После этого началась часть дела, которую Элайн любила меньше всего.

Бумаги.

Впрочем, теперь она хотя бы начинала понимать, почему Моди относился к ним с таким почтением. Иногда правильно составленный лист пергамента позволял сделать то, для чего в иных обстоятельствах потребовались бы меч, несколько трупов и очень много объяснений.

Легиста Элайн нашла в той же ратуше.

Пять сольверов пошлины несколько ухудшили её настроение, зато мужчина оказался достаточно расторопным и после короткого объяснения согласился немедленно ехать в тюрьму.

Стражники встретили их с вполне понятным любопытством.

Патент херсира предъявлять больше не понадобилось - её и так уже помнили.

— Заключённый раскаялся в содеянном, — объяснила Элайн. — И теперь очень хочет хоть немного искупить свою вину добрым делом.

Легист посмотрел на неё. Стражник посмотрел на легиста.

Никто ничего не спросил. Наверное, в тюрьме привыкли к самым неожиданным проявлениям раскаяния.

Хэнгисон подписал дарственную без новых споров — только посмотрел на Элайн очень тяжёлым взглядом. Когда перо царапнуло последнюю букву его имени, Элайн даже почувствовала некоторое облегчение. Однако легист сразу его испортил.

— Теперь документ должна принять госпожа Мурфорд.

— Что значит принять?

— Дар нельзя вручить человеку против его воли, фрейа. Нужна её подпись.

Элайн посмотрела на пергамент. Потом на Хэнгисона. Потом опять на легиста.

— Ну конечно же.

Оказалось, что даже получение корабля требует согласия человека, который пока не знает о его существовании. Линву она привела в ратушу в тот же день.

Перед дверями остановила.

— Здесь тебя будут спрашивать, как зовут.

— Линва Мурфорд.

— Именно это и отвечай.

Девушка насторожилась.

— А если спросят ещё что-нибудь?

— Отвечай правду. Но о том, что ты моя фрейлина, говорить не нужно.

Линва несколько секунд смотрела на неё.

— Почему?

— Потому что я очень скоро всё тебе объясню.

— Это не ответ, леди.

Элайн подняла брови.

— Вот как? Ты быстро учишься.

— Вы же сами сказали.

— И всё-таки пока поверь мне.

Линва вздохнула.

— Хорошо, леди.

Легист встретил их за тем же столом, только бумаг на нём стало ещё больше.

Увидев Линву, он едва удостоил её взглядом. Потом развернул дарственную, перечитал имя, описание имущества и ещё раз внимательно посмотрел на девушку.

На этот раз значительно внимательнее.

— Линва Мурфорд?

— Да, господин.

— Вам передаётся в дар морское судно «Алквирис» со всем принадлежащим ему имуществом и правами владения.

Линва моргнула и посмотрела на Элайн. Потом снова на легиста.

— Мне?

— Именно вам.

— Корабль?

— Да.

Линва ещё раз перевела взгляд на Элайн. Та сделала самое невинное лицо, на какое была способна.

Получилось, вероятно, не очень правдоподобно.

Легист тем временем придвинул к девушке документ.

— Ознакомьтесь и поставьте подпись — вот здесь.

Линва не двинулась.

— Господин...

— Да?

Она покраснела.

— Я не умею читать.

Легист замер.

— Совсем?

Линва стала краснее.

— И писать тоже.

Теперь он посмотрел на неё уже с откровенным интересом. Бедная девушка в простом платье. Неграмотная. Без видимого состояния.

И внезапно — владелица хорошего морского корабля.

Что-то в мире легиста явно изменилось.

— В таком случае документ будет прочитан вам вслух, а вместо подписи поставите отпечаток пальца. Это допускается сводом законов Империи.

Он взял дарственную и почему-то опять посмотрел на Линву.

— Кстати, госпожа Мурфорд, я человек холостой.

Линва уставилась на него.

— Поздравляю, — сказала Элайн. — Теперь прочитайте ей дарственную.

Легист кашлянул и занялся делом. Читал он медленно, тщательно, останавливаясь на каждой существенной формулировке. Потом несколько раз спросил Линву, всё ли она поняла и принимает ли дар добровольно.

Судя по выражению её лица, из всего услышанного она до конца понимала пока только одно:

«У неё каким-то образом появился корабль»

Наконец легист поставил рядом с документом маленькую плошку с тёмной краской.

— Палец.

Линва послушно прижала подушечку большого пальца сначала к краске, потом к пергаменту.

На бумаге остался чёткий тёмный след. Легист осмотрел его, удовлетворённо кивнул и поставил собственную отметку.

Теперь «Алквирис» принадлежал Линве Мурфорд.

Когда они вышли на улицу, девушка остановилась.

— Леди.

Элайн уже знала, что сейчас последует.

— Да?

— У меня действительно есть корабль?

— Пока да.

— Откуда?

— Я тебе обязательно всё объясню. Мы ещё не закончили.

Линва ждала.

— Так что попозже.

— Опять?

— Опять. Поверь мне, Линва, так будет намного лучше.

Линва посмотрела на неё так, будто начинала подозревать, что служба у новой госпожи окажется значительно сложнее, чем смена постельного белья. Возражать, однако, не стала.

Через три дня они снова занимались бумагами.

На этот раз Элайн благоразумно нашла другого легиста и встретилась с ним в «Диком Петухе».

Она представила Линву как девушку, которой требуется помощь в распоряжении неожиданно доставшимся ей имуществом. Больше ничего объяснять не стала.

Легист прочёл дарственную, потом посмотрел на Линву, потом на Элайн.

Вопросы у него наверняка возникли. Но хорошо — и даже можно сказать — отлично оплаченная работа имела приятное свойство превращать многие вопросы в исключительно личные.

Документ составляли долго. Элайн особенно настояла, чтобы никаких двусмысленностей не осталось — Линва передавала ей право управлять «Алквирисом», представлять её интересы перед портовыми властями и покупателями, заключить договор продажи, получить деньги, уплатить положенные сборы и самостоятельно распоряжаться выручкой.

Легист прочитал всё вслух.

Линва внимательно выслушала. Потом снова оставила на пергаменте отпечаток пальца.

* * *

Ещё через несколько дней, за день до суда над Хэнгисоном, Элайн добралась до сонсборгского порта. После недолгого общения с начальником порта ей показали «Алквирис». Он оказался на месте.

Судно стояло у дальнего причала, слегка покачиваясь на спокойной воде. Канаты поскрипывали в кнехтах, снасти тихо постукивали о мачты. На палубе было пусто.

Как ей рассказали, команда разбежалась почти сразу после ареста капитана.

Корабль, однако же, не разграбили.

Портовые власти оказались значительно внимательнее к чужой собственности, чем Элайн ожидала. Корпус был цел, мачты стояли, снасти сохранились. Паруса лежали убранными.

Правда, эта забота была совсем не бескорыстна. За стоянку ей уже насчитали десять марок.

Они и дальше были бы рады считать, но оставлять его у причала ещё на несколько месяцев она совершенно не собиралась и сообщила, что этот корабль продаётся.

Покупатели появились не сразу, но появились быстро. Доступных для покупки судов в Сонсборге не было. Каждый корабль строился очень долго, а люди, которые знали и умели его строить — всегда были заняты на верфях.

Так что буквально через день судно уже осматривали со всех сторон. Лазили в трюм, простукивали доски, проверяли мачты, рассматривали снасти, требовали документы и выясняли, нет ли на корабле долгов или иных притязаний.

Всё это пришлось терпеть.

В конце концов за триста марок можно было и подождать, отвечая на одни и те же вопросы: «Нет, за двести марок не отдаю», «В рассрочку не продам». Самый частый вопрос был «А почему вы его продаёте?», на что Элайн отвечала однотипно: «Потому что вы его покупаете»

Самым серьёзным покупателем оказался Ньял Реттиль.

Это был невысокий мужчина с аккуратно подстриженной бородой, носом с заметной горбинкой и одеждой настолько хорошей, что Элайн сразу перестала сомневаться в его способности платить. При нём постоянно находилась папка с бумагами.

Элайн быстро узнала, что он принадлежит к числу самых богатых людей Сонсборга.

Сам Ньял об этом ничего не говорил. Людям, действительно имеющим деньги, вообще редко требовалось объяснять окружающим, что они богаты.

Он осматривал «Алквирис» дважды. Во второй раз привёл с собой корабельного мастера и ещё двух людей, которые почти час ползали по судну, после чего долго совещались на причале.

Потом начался торг.

— Триста марок, — сказала Элайн.

Ньял посмотрел на корабль, а потом на неё.

— Это много.

— Тогда закажите новый.

Он чуть улыбнулся.

— Новый будет намного лучше.

— Разумеется.

Элайн тоже посмотрела на «Алквирис».

— Только его ещё нет.

Улыбка Ньяла исчезла. Она была права.

Новые корабли строили год — и это если всё шло хорошо. Иногда дольше. А заложенные Ньялом суда только недавно начали расти на стапелях. Каждый месяц ожидания нового корабля означал рейсы, которые не состоялись, товары, которые перевёз кто-нибудь другой, и прибыль, полученную чужими руками.

А «Алквирис» можно было загрузить прямо сейчас. Вложенные в него деньги начинали работать сразу же.

Ньял это прекрасно понимал. Элайн — тоже.

Но он всё равно долго и упорно торговался.

По выражению его лица можно было подумать, что триста марок способны полностью разорить его дом и отправить многочисленных детей просить милостыню.

Элайн была абсолютно уверена, что это неправда. В конце концов он согласился на триста марок. Выглядел он при этом так, словно уступал впервые и твёрдо намеревался больше никогда этого не повторять.

Оставалось только оплатить покупку. И тут возникла новая проблема.

Ньял положил перед Элайн аккуратно сложенный лист.

— Обязательство моего дома с большой печатью и моей подписью. Полная сумма.

Элайн посмотрела на печать.

— Нет.

— Фрейа Кусланд...

— Деньги.

— Это деньги.

— Это бумага.

Ньял вздохнул.

— Эту бумагу примет любой крупный торговый дом от Нирхалла до Сундборга.

— Не сомневаюсь.

— Тогда в чём проблема?

Элайн задумчиво провела пальцем по краю документа. Проблема была очень простой.

Она не собиралась жить в Сонсборге всю оставшуюся жизнь. Может быть месяц или два.

Ну пускай три. Возможно, полгода.

А потом? Где именно ей понадобятся эти деньги, Элайн ещё сама не знала.

Бумага Ньяла Реттиля могла стоить триста марок здесь. Или в Рауссборге. Или в Нирхалле.

Золото было золотом везде.

— Мне нужны монеты.

— Триста марок монетами?! Я не ослышался?

— Именно так.

Ньял посмотрел на неё с выражением человека, которому только что предложили перенести городскую стену на несколько шагов влево.

— У серьёзных людей так не принято. Это неудобно.

— Мне удобно.

— Вы понимаете, что столько наличных денег придётся специально собирать?

— Я подожду.

— Так не делается. Берите бумагу. Мы даже можем договориться о годовых процентах на эту сумму.

— Любезный Ньял. Понимаете, если уж я могу позволить себе рыжие волосы, то могу позволить себе каприз иметь столько золота в виде монет.

Ньял издал странный звук — что-то среднее между «гм» и «фу».

— Столько золота в Сонсборге сейчас не собрать. Вам придётся взять часть серебром. Кроме того, это займет три или четыре дня.

— Я думаю, что с кораблём за это время ничего не случится.

Он посмотрел на неё — Элайн спокойно выдержала его взгляд.

Ньял говорил не как человек, у которого нет денег. Скорее как человек, которого заставляли расплатиться самым неудобным и неразумным для него способом.

Он первым отвёл глаза.

— Неслыханно. Тогда через три дня в ратуше, при свидетелях.

* * *

На следующий день состоялся суд над Хэнгисоном. Элайн дала показания под присягой и сказала ровно то, что обещала: ничего сверх того, что знала сама. Поскольку за делом лично следил Император, судья не рискнул проявлять снисхождение — Хэнгисон получил максимальные пятнадцать лет.

Что ж, это всё равно было лучше верёвки.

Через два дня после суда состоялся окончательный расчёт.

Денег оказалось неожиданно много. Не по стоимости. По виду.

Золото было компактным и тяжёлым. Серебро занимало значительно больше места. Монеты звякали в кожаных мешках, скользили между пальцами, тускло поблёскивали на столе.

Элайн несколько раз проверила сумму. Потом её проверил человек Ньяла.

Потом ещё раз легист.

От трёхсот марок сразу пришлось отдать десять за стоянку. Ещё три — положенный сбор с продажи.

Город умел принимать участие в удачной торговле даже тогда, когда ничего для неё не сделал.

Осталось двести восемьдесят семь марок. Элайн некоторое время смотрела на деньги.

Вот теперь корабль стал именно тем, чем и должен был стать. Он перестал быть палубой и мачтами, также полностью исчезла дарственная. Слова Хэнгисона остались в прошлом.

Корабль стал деньгами.

Почти тремя сотнями марок, на которые можно было покупать лошадей, нанимать людей, оплачивать дорогу, снимать дома, доставать сведения и не просить Торина каждый раз, когда понадобится что-нибудь дороже хорошего обеда.

Независимость тоже имела свою наглядную цену.

Сегодня она лежала перед Элайн в мешках.

Она вспомнила Хэнгисона. Связанные за спиной руки. Его страх.

Его слова — «А если ты меня обманешь?». Элайн поморщилась.

Чистой и безупречной эта сделка не была. Она воспользовалась человеком, который боялся виселицы. Воспользовалась тем, что от её слов действительно зависело очень многое. И если бы у Хэнгисона не оказалось корабля, она бы не стала вынимать его из петли.

Это тоже было правдой.

При этом она не лгала. Не сообщала суду того, чего не знала.

И Хэнгисон в любом случае лишился бы «Алквириса».

Элайн провела ладонью по одному из мешков. Решение оказалось полезным.

Очень полезным. Вот в этом, пожалуй, и заключалась самая неприятная его часть.

Полезность вообще имела дурную привычку не интересоваться, насколько красивыми способами её добиваются.

Элайн затянула ремешок на мешке и мысленно одёрнула сама себя. Хватит.

Деньги у неё были. Это уже значительно больше, чем несколько дней назад. С этим она могла чувствовать себя намного, намного увереннее, чем раньше.

Оставалось решить, где их хранить.

После недолгих поисков она наконец нашла вполне приличный ларец в лавке неподалёку от порта. Ничего изящного. Толстые дубовые стенки, железные полосы по углам, тяжёлые петли и сложный замок, которым продавец гордился значительно сильнее, чем всем остальным товаром.

Ключ был длинный, кованый, с причудливо вырезанной бородкой.

Элайн дважды заставила хозяина открыть и закрыть замок. Потом попробовала сама.

Механизм работал туго, но вполне уверенно.

— Хорошая работа?

— Лучшая, фрейа.

Плохих вещей торговцы почему-то никогда не продавали.

Элайн заплатила, сколько требуется.

Теперь у неё был дом. Фрейлина. Лошадь.

Корабля, правда, больше не было. Зато был тяжёлый кованый ларец и сумма, с которой уже можно было делать что-нибудь серьёзное.

Элайн взялась за ручку на крышке.

Сегодня она совершенно заслужила право ничего больше не решать.

Теперь домой.

Глава 9

По меркам обычного виртвальского горожанина Вегга устроилась совсем неплохо.

Дом стоял на окраине, в стороне от шумных улиц и торговых дворов. Одноэтажный, крепкий, аккуратно выбеленный, с тяжёлой дверью и ставнями, которые плотно входили в рамы. Крыша не текла, половицы не прогибались под ногами, из печи не тянуло дымом. Уже одно это позволяло хозяину требовать за жильё больше, чем оно того заслуживало.

В родном доме Вегги такая постройка сошла бы разве что за жилище старшего слуги. Здесь же пришлось признать: сойдёт.

Деньги у неё ещё были, но впервые в жизни приходилось думать, сколько именно. Поэтому от шёлковых занавесей, ковров и резной мебели она отказалась. Купила прочную кровать, стол, два кресла, сундук и велела Эрку отыскать хорошую перину. На остальном можно было сэкономить. На перине — нет.

Зато на лаборатории Вегга экономить не стала.

Самую большую из дальних комнат заняли два рабочих стола. Вдоль стены Эрк прибил полки, и теперь на них теснились склянки из зелёного и синего стекла, реторты, тигли, ступки и банки с сушёными растениями. Возле печи стоял медный котёл, под окном — весы с набором маленьких гирек. Инструменты были не такими хорошими, как оставшиеся в отцовском доме, некоторые щипцы плохо сходились, а одна реторта уже при покупке имела мутное пятно в стекле. Но здесь снова можно было работать.

Не ради одного только удовольствия.

Вегга решила, что она должна отомстить за отца.

Все эти Хозяева — Хлеба, Железа, Моря, Золота — должны были поплатиться. Она пока не знала, кто из них приказал убить Вебранда. Зато точно знала другое: каждый из них либо участвовал, либо промолчал, либо решил, что смерть бургомистра — всего лишь допустимый расход.

Для неё этого было достаточно.

Ядов у неё имелось немало. Быстрые, почти милосердные. Медленные, заставлявшие человека несколько дней молить о смерти. Одни растворялись в вине, другие не меняли вкуса мяса, третьи лучше всего соединялись с густыми соусами. Некоторые рецепты она вычитала из свитков, купленных из-под полы за большие деньги, но лучшими были те, которые разработала сама.

Беда заключалась не в ядах.

Беда заключалась в Хозяевах.

К каждому из них просто так не войдёшь. На кухню не проберёшься, чашу не подменишь, повара на раз-два не подкупишь. Всё это таило в себе огромный риск получить нож под рёбра раньше, чем она и подкупленный слуга успеют пересчитать деньги. Но даже если удастся добраться до одного Хозяина, остальные немедленно насторожатся.

А Вегга хотела прихлопнуть всех.

Долгими вечерами она сидела в лаборатории над книгами. За ставнями темнело, в доме становилось тихо, только потрескивали дрова в печи да из соседней комнаты время от времени доносились шаги Эрка. Свечи одна за другой оплывали, воск собирался на подсвечниках толстыми белыми наплывами. Фитили обрастали чёрными шапочками нагара, и Вегга снимала их узкими щипцами, чтобы свет не коптил страницы.

Обычно она работала до тех пор, пока буквы не начинали расплываться перед глазами. После этого звала своего котика и переходила к ночным забавам. Эрк научился являться сразу, чистым и с выражением предусмотрительной радости на лице.

Но однажды она не позвала его.

Вегга прикрыла книгу ладонью и посмотрела на свечу.

Та горела ровно и совершенно невинно. Пламя чуть колебалось, когда от окна тянуло холодом. Тонкая струйка дыма поднималась от фитиля, касалась края подсвечника и растворялась в комнате.

Вегга медленно отложила щипцы.

Свеча.

Кубок могут заставить отпить слугу. Еду попробует повар. Письмо осмотрят, подарок проверят, а незнакомого человека не пустят дальше ворот.

Но свечу поставят на стол своими руками.

Она наклонилась ближе. Пламя обожгло кончик носа, и Вегга отпрянула, сердито потёрла его пальцем.

— Свеча, — произнесла она вслух.

Мысль была настолько простой, что хотелось немедленно кого-нибудь ударить за то, что она не пришла раньше.

Если пропитать фитиль ядом, тот начнёт выделяться вместе с дымом. Медленно наполнит комнату. Человек будет читать, ужинать, беседовать с гостями — и вдыхать смерть, не подозревая, что она стоит перед ним в обыкновенном бронзовом подсвечнике.

Оставалось выяснить, какой состав выдержит огонь, как заставить его подниматься с дымом и сколько времени должна гореть свеча.

То есть оставалось совсем немного.

Следующие вечера Вегга провела за опытами.

Начала она с цветочных вытяжек. Запах позволял понять, уходит ли вещество в воздух вместе с дымом, не рискуя по неосторожности отравить себя или Эрка. Розовое масло почти исчезало в расплавленном воске. Лаванда горчила и заставляла фитиль чадить. Фиалковая вытяжка дала резкий, неприятно сладкий запах, но свеча погасла прежде, чем успела наполнить им даже небольшую комнату.

Вегга меняла пропитку, сушила фитили, снова опускала их в растворы. Одни сгорали слишком быстро, другие трещали и разбрызгивали горячий воск, третьи упрямо не желали гореть вовсе.

Селитра заставила пламя быстрее бежать по волокнам, однако оставшаяся смесь тлела лениво и неохотно. Вегга попробовала добавить серу — старые трактаты приписывали ей способность связывать огненные составы. Стало лучше, но недостаточно.

Она ненавидела слово «недостаточно».

Прошла ещё неделя. На столах накопились огарки, обожжённые нити и чашечки с пронумерованными остатками составов. Пальцы Вегги пахли серой, волосы — дымом, а на рукаве нового платья появилось пятно, которое уже ничем нельзя было вывести.

Эрк однажды осторожно заметил, что госпоже стоило бы надевать передник.

После этого пятно появилось и на переднике.

В тот вечер очередная смесь снова горела слишком медленно. Вегга просидела над ней почти до полуночи, наблюдая, как тусклый красноватый огонёк ползёт по поверхности, будто издевался над ней.

— Чтоб ты сдохло, — сообщила она веществу.

Оно не возразило и продолжило тлеть.

Вегга оттолкнула стул, подошла к печи и взяла несколько кусков древесного угля. Один рассыпался в пальцах, оставив на коже чёрную пыль. Она вернулась к столу, бросила уголь в ступку и принялась растирать тяжёлым пестиком.

Глухой каменный стук разносился по притихшему дому.

Она добавила уголь к прежним веществам, смешала небольшие порции и высыпала получившийся тёмный порошок на лист пергамента. Рядом лежала свеча, которую предстояло разрезать вдоль, вынуть фитиль, пропитать новым составом и снова залить воском.

Вегга взяла нож. Потом остановилась.

Порошок лежал перед ней рыхлой горкой. Среди чёрных крупинок тускло поблёскивали светлые. Чтобы проверить его действие, вовсе не обязательно было тратить ещё одну свечу.

Вегга положила нож, взяла длинную лучину и поднесла её к огню.

Кончик занялся. Она задула пламя, дождалась ровного красного тления и коснулась лучиной края порошка.

Горка не загорелась.

Она исчезла.

Белое с жёлтым пламя одним прыжком охватило весь порошок. Воздух сухо толкнул Веггу в лицо. Пергамент вздёрнулся на столе, словно кто-то дёрнул его за край, и сразу почернел. Лучина выпала из пальцев и покатилась по доскам.

Вегга отшатнулась. Зацепила бедром табурет, тот опрокинулся с таким грохотом, будто именно он был виноват во всём.

Комнату заволокло густым едким дымом. В нос ударило серой. Вегга закашлялась, распахнула ставни и несколько мгновений жадно глотала холодный ночной воздух.

Потом обернулась.

На пергаменте остался чёрный след. Несколько крупинок продолжали светиться по краям, но самой горки больше не было.

Она подошла ближе.

Так быстро не горел ни один известный ей состав.

Вегга осторожно коснулась обугленного пергамента щипцами. Затем перевела взгляд на ступку, чашечки с остатками веществ и рассыпанную по столу угольную пыль.

Отравленная свеча была на время забыта.

* * *

В следующие дни лаборатория окончательно перестала походить на жилую комнату.

На столах лежали десятки листков с заметками. Возле каждой чашечки стояла восковая табличка с номером. Весы почти не остывали от прикосновений, а каменный пестик покрылся чёрным налётом, который въелся в поры так глубоко, что отмывать его было бессмысленно.

Вегга меняла соотношение веществ, отбрасывала слабые образцы и снова возвращалась к тем, которые прежде сочла неудачными. Иногда порошок едва тлел. Иногда вспыхивал и тут же гас. Дважды пламя добралось до лежавших рядом записей, и Вегге пришлось тушить их мокрой тряпкой.

Лучший из составов сгорал почти мгновенно. Не расползался огнём от края к краю, а вспыхивал весь разом, будто каждая крупинка только и ждала сигнала.

Но Вегге этого было мало.

Если щепоть исчезает во вспышке, что произойдёт с большей порцией?

Она сшила маленький мешочек из тонкого холста, насыпала туда лучший из образцов и завязала горловину нитью. Мешочек положила на каменную плиту у печи. Весы на всякий случай переставила подальше. Склянки тоже убрала — не все, но самые дорогие.

Затем открыла окно, взяла длинную тлеющую лучину и вытянула руку.

Кончик едва коснулся ткани.

На этот раз Вегга успела увидеть, как мешочек вздулся.

Хлопок ударил по комнате коротко и тяжело. Холст разорвало, вспышка на мгновение залила стены бело-жёлтым светом. С каменной плиты сорвало пустой тигель. Он стукнулся о край стола и закрутился по полу. Крышки чашечек подпрыгнули, записи разлетелись, одна из склянок опрокинулась и покатилась к стене, чудом не разбившись.

Вегга отшатнулась и налетела спиной на стол.

В ушах звенело. Перед глазами плавало яркое пятно. Комнату быстро заполнял густой серый дым, пахнущий гарью и серой.

Несколько мгновений Вегга стояла неподвижно.

Потом медленно улыбнулась.

Она ещё не понимала, что именно получила. Не знала, зачем это нужно и до какой силы можно довести внезапный хлопок. Но вещество только что сделало то, чего не должен был делать ни один из взятых по отдельности порошков.

Наука начиналась именно с таких невозможностей.

Дверь распахнулась и с грохотом ударилась о стену.

В комнату ворвался Эрк. Рубаха на нём была застёгнута не на все пуговицы, волосы растрёпаны. Он остановился на пороге, увидел дым, опрокинутый табурет, разлетевшиеся записи и Веггу с чёрными полосами на лице.

— Госпожа! Что случилось?

Он подскочил к ней, схватил за плечи и быстро осмотрел, словно ожидал найти кровь или ожоги.

Вегга рассмеялась.

Эрк застыл. Он слышал её смех и прежде, но обычно после него кому-нибудь становилось очень плохо.

На этот раз она сама шагнула к нему и обхватила руками за шею.

— Котик, — выдохнула Вегга ему в ухо. — Если у меня всё получится, мы с тобой будем править Империей.

Эрк осторожно положил ладони ей на спину. Потом, осмелев, провёл рукой по спутанным волосам. От Вегги пахло дымом, воском и серой.

Она позволила.

Слово «мы» оглушило его сильнее недавнего хлопка. За всё время, проведённое рядом с Веггой, Эрк успел побывать котиком, дуралеем, слугой и почти кроликом. Но частью её будущего — никогда.

Вегга отстранилась. Её глаза блестели лихорадочно и радостно. На щеке чернела полоса угольной пыли, ещё одна пересекала лоб.

— Мне понадобится твоя помощь.

Эрк выпрямился.

— Всё, что пожелаете, госпожа.

— Найди за городом укромное место. Лучше в лесу, чтобы поблизости не было дорог и чужих глаз.

— Найду.

— И приведи ко мне троих человек. Бродяг, нищих — кого угодно, кого не станут искать.

Улыбка медленно исчезла с лица Эрка.

Он понял.

— Но…

Вегга посмотрела на него. Обычно одного такого взгляда хватало, чтобы он замолчал. Сейчас, однако, она не позвала его дуралеем и не напомнила об ошейнике.

— Постарайся, котик, — сказала она почти ласково. — И ты не пожалеешь.

Сегодня Вегга разговаривала с ним не как с рабом. Не как с красивой вещью, которую можно поставить у кровати и позвать, когда захочется.

Как с ближайшим помощником.

В груди у Эрка разлилось горячее, почти забытое ликование. Ошейник всё так же охватывал шею, но на несколько мгновений перестал казаться таким тесным.

— Я всё сделаю, госпожа.

— Бегом.

Эрк бросился к двери.

До конца Вегга всё-таки не переменилась.

* * *

Эрк, Вегга и трое новых слуг добрались до поляны, когда солнце уже далеко перевалило за полдень.

Виртваль остался позади. Его стены ещё виднелись над полями тусклой серой полосой, но ни городского шума, ни скрипа портовых кранов сюда уже не доносилось. Дорога сузилась, превратилась в две колеи с высокой травой между ними, а затем и вовсе потерялась среди деревьев.

Место Эрк выбрал удачное. Небольшая овальная поляна лежала в стороне от дороги, окружённая старыми дубами и густым подлеском. Случайному путнику сюда было незачем сворачивать. Даже дым, если его не окажется слишком много, должен был рассеяться между кронами раньше, чем его заметят с городских башен.

Вегга ехала верхом. Лошадь ступала осторожно, переставляя копыта через корни, а Эрк вёл её под уздцы. Другой рукой он придерживал тяжёлую корзину, бившуюся о его бедро при каждом шаге.

Эту корзину Вегга никому, кроме него, не доверила.

Внутри лежали увесистый мешочек, пузатая бутыль с толстыми стенками и деревянный ларец грубой работы. Из каждой заготовки торчал приготовленный Веггой фитиль. Всё было переложено тряпками, чтобы стекло не разбилось, а содержимое не перемешалось раньше времени.

Позади брели трое найденных Эрком нищих.

Он пообещал им работу, еду, вино и место в хозяйском доме. Для людей, ночевавших под навесами у портовых складов, предложение прозвучало почти сказочно. Один теперь нёс корзину с хлебом и мясом, другой — с сыром и посудой. Третий обеими руками тащил небольшой ушат с водой и с каждым десятком шагов всё заметнее проклинал внезапно обретённую службу.

Добравшись до середины поляны, Вегга протянула Эрку руку. Тот поставил корзину на траву, подхватил госпожу под локоть и помог сойти.

После долгой езды ноги затекли. Вегга сделала несколько осторожных шагов, расправляя юбки, потянулась и оглядела деревья. Эрк ждал приговора выбранному месту.

— Годится, — решила она. — А теперь поедим.

Он отвёл лошадь в тень, привязал к низкой ветке и расстелил на траве плотную холстину. На неё легли хлеб, круг сыра, завёрнутое в листья холодное мясо и маленькая фляга, предназначенная для Вегги. Ушат поставили неподалёку, чтобы вода оставалась под рукой.

Трое новых слуг сгрузили корзины, но уходить не спешили. Они топтались в нескольких шагах, украдкой наблюдая, как Эрк режет мясо, а Вегга выбирает себе кусок хлеба помягче.

По их лицам было видно, что обещанную еду они уже считают своей и только не понимают, почему её до сих пор не предложили.

Вегга медленно прожевала кусочек сыра и посмотрела на Эрка.

— Кажется, наши слуги не прочь к нам присоединиться.

Она сказала это достаточно громко, чтобы услышали все трое.

— Эй, вы! — позвал Эрк. — Горло промочить хотите?

Нищие оживились и наперебой закивали.

Когда они подошли ближе, Вегга наморщила нос. Одежда на них засалилась до блеска, волосы свалялись, а запах был такой, словно всех троих несколько лет хранили в одной гниющей канаве.

К счастью, терпеть его предстояло недолго.

Эрк вынул из корзины приготовленную для них бутыль вина и уже размахнулся, собираясь бросить её ближайшему мужчине.

— Не кидай! — зашипела Вегга. — Не поймает — и что тогда? Второй у меня нет.

Эрк остановился, понимающе кивнул и подошёл к нищим сам.

Бутыль быстро пошла по рукам. Первый сделал несколько жадных глотков и нехотя отдал её второму. Тот пил дольше, запрокинув голову и придерживая горлышко обеими руками. Третий вырвал вино у него почти силой и вытряхнул в рот остатки.

Меньше чем через минуту первый нищий сел прямо на траву.

— Хорошее… — пробормотал он, но закончить не успел.

Голова свесилась на грудь. Второй ещё посмотрел на него с пьяным удивлением, затем сам качнулся и повалился набок. Последний продержался дольше всех: сделал два неуверенных шага, попытался ухватиться за плечо Эрка и медленно сполз на землю.

Вегга доела хлеб.

— Начинай.

Эрк взял первого мужчину под мышки и потащил к деревьям. Каблуки спящего цеплялись за кочки, голова болталась, оставляя в траве примятую полосу. Нищий оказался тяжелее, чем выглядел. Пока Эрк привязывал его к стволу так, чтобы тот оставался стоять, на лбу уже выступил пот.

Двух остальных пришлось тащить дальше — к деревьям на противоположных краях поляны. Вегга следила, чтобы расстояния между ними хватало для трёх отдельных опытов. Один раз велела перевязать верёвку заново, потому что тело слишком сильно заваливалось набок.

Закончив, Эрк вытер ладони о штаны и тяжело перевёл дух.

Вегга тем временем открыла главную корзину.

Возле первого пленника она положила мешочек, возле второго поставила бутыль, возле третьего — деревянный ларец. Затем прошла от дерева к дереву, проверяя подготовленные фитили. Работала сама, не позволяя Эрку прикасаться ни к одному из образцов.

Он стоял рядом и молча наблюдал.

Вегга объяснила только, что от него потребуется. Зачем всё это делается, Эрк по-прежнему не понимал. Но госпожа знала, что надо делать. И если удача от них не отвернётся, возможно, скоро она станет видеть в нём не одного лишь котика.

Партнёра.

Эрк прикрыл глаза, позволяя себе несколько мгновений представить, как это будет. Вегга советуется с ним. Доверяет важные дела. Говорит не «я», а «мы». Серебряный ошейник никуда в этих мечтах не исчезал, но становился почти знаком особого положения.

— Ну что же ты? — окликнула Вегга. — Зажигай свечу.

Эрк встрепенулся.

— Да, госпожа.

Он достал из кармана короткую свечу, присел и несколько раз ударил огнивом. Искры вспыхивали и гасли на труте. Наконец поднялся слабый дымок, затем показалось пламя.

Вегга смотрела на него не отрываясь.

Сегодня должно было случиться то, чего прежде не делал никто во всём Олленхале.

Возможно.

Она взяла лошадь под уздцы и указала на толстый дуб по ту сторону поляны.

— Я отойду вон туда. Когда окажусь за деревом, поджигай фитили и сразу беги ко мне. Не задерживайся ни на мгновение. Здесь может быть очень опасно.

Эрк покосился на мешочек у ног первого пленника.

— Насколько опасно?

— Вот это мы сейчас и выясним. Не задерживайся!

Вегга повела лошадь через поляну. Та неохотно двинулась следом, вскидывая голову и косясь на привязанных людей. Возле дуба Вегга спряталась за широким стволом и жестом велела Эрку начинать.

Он подошёл к первому образцу. Пламя свечи задрожало у фитиля, затем по нему побежала красная точка. Эрк перебрался ко второму дереву, потом к третьему. Последний фитиль долго не хотел заниматься. Пришлось поднести свечу ближе.

— Эрк! — крикнула Вегга.

— Уже!

Он бросил свечу на землю и помчался через поляну.

До дуба оставалось несколько шагов, когда он споткнулся о корень, взмахнул руками, удержался и почти врезался в Веггу. Она устояла и втянула его за дерево.

— А что теперь будет, госпожа?

Ответом стал глухой удар.

Воздух вздрогнул. Лошадь шарахнулась, дёрнула повод и едва не сбила их с ног. Вегга вцепилась в Эрка, Эрк — одновременно в неё и в уздечку. Оба пригнули головы.

Над краем поляны поднялось серое облако. Там, где лежал мешочек, трава почернела. Ткань исчезла, словно её никогда не было. Привязанный к дереву мужчина ещё оставался на ногах, но одна рука безжизненно висела вдоль тела, а разорванный рукав быстро темнел.

Не успел дым подняться к ветвям, как ударило во второй раз.

Бутыль разлетелась с резким стеклянным треском. Что-то просвистело между деревьями и щёлкнуло по дубовому стволу. Лошадь захрипела и попятилась, волоча Веггу за собой. Эрк перехватил уздечку обеими руками.

Куски стекла ещё сыпались на траву, поблёскивая в солнечном свете. Мужчина возле дерева обмяк на верёвках. Голова упала набок. В коре вокруг него торчали длинные прозрачные осколки.

Третий фитиль всё ещё горел.

Вегга осторожно выглянула из-за дуба.

— Почему ничего не…

Последний взрыв оказался самым тяжёлым.

Деревянный ларец разнесло в щепки. Одна из них с сухим стуком вонзилась в соседний ствол, другая пролетела над травой и опрокинула пустую корзину. Ушат с водой дёрнувшаяся лошадь задела задним копытом. Он перевернулся, несколько раз прокатился по земле и замер возле кустов, оставив после себя широкую мокрую полосу.

На мгновение вся поляна исчезла в плотном дыму.

Пахло гарью, серой и расколотым деревом. С ветвей срывались потревоженные листья. Где-то в чаще с криком взлетели птицы.

Вегга всё ещё держалась за Эрка. Он прижимал её к стволу одной рукой, другой удерживал лошадь. Никто из них не торопился выходить.

Постепенно дым поредел. Сначала проступили ближайшие деревья, затем почерневшая трава и опрокинутые корзины.

От мешочка ничего не осталось. Первый пленник был жив, хотя его рука оказалась раздроблена ударом.

Возле второго дерева среди травы блестело стекло. Мужчина не двигался.

Деревянный ларец превратился в россыпь обломков. Несколько крупных щепок застряли в стволе, к которому был привязан третий нищий. Одна вошла в дерево на высоте его головы. Сам он безвольно висел на верёвках.

Вегга медленно вышла из-за дуба.

— Госпожа… — произнёс Эрк.

Она обернулась.

Он смотрел на неё широко раскрытыми глазами. Страх в них ещё оставался, но теперь к нему примешивалось нечто совсем другое.

— Вы же придумали…

Вегга с откровенным удовольствием склонила голову.

— Ну? Что я придумала?

— Новую силу. — Эрк перевёл взгляд на изуродованные деревья. — Она мощнее лирна!

— Не совсем так, котик. Лирн умеет гораздо больше.

Она подошла к нему и взяла за обе руки.

— Но я придумала не только силу. Я придумала власть.

Вегга сделала шаг в сторону, потянула Эрка за собой и неожиданно закружилась с ним по вытоптанной траве. Танцевать здесь было неудобно: каблуки проваливались в мягкую землю, юбка цеплялась за стебли, а после опрокинутого ушата под ногами расползалась грязь. Это её нисколько не смущало.

Эрк послушно повторил несколько па. Он ещё никогда не видел Веггу такой — с растрёпанными волосами, раскрасневшимися щеками и совершенно открытой радостью на лице.

— Нам предстоит ещё много работы — сказала она. — Очень много. Но скоро все эти Хозяева будут стоять передо мной на коленях и целовать мои туфли.

От дальнего дерева донёсся протяжный стон.

Вегга остановилась.

Первый мужчина пришёл в себя. Он слабо дёрнулся в верёвках и снова застонал.

Вегга надула губы.

— Мужичьё. Вечно мешают радоваться.

Она отпустила руки Эрка и кивнула в сторону дерева.

— Возьми нож и приберись.

Эрк посмотрел на пленника.

Прежде ему потребовалось бы больше времени. Он бы замер, попытался что-нибудь спросить, принялся объяснять, почему не может. Теперь колебание продлилось всего несколько ударов сердца.

Потом он достал нож.

— Да, госпожа.

И пошёл через поляну.

Глава 10

Они разошлись по разные стороны дороги.

Цуннэс заняла место в неглубокой канаве, заросшей сухой травой. Отсюда хорошо просматривалась правая башня: грубые доски ограждения доходили часовому до пояса, шея оставалась открытой между краем кожаного панциря и лёгким шлемом. Урвег укрылся левее, за толстым пнём у самой границы расчищенной полосы.

Он поднял руку.

Стражники на башнях ничего не замечали. Один лениво прохаживался от края до края, поглядывая то на дорогу, то на крыши Киринса. Второй снял шлем и провёл ладонью по потному лбу.

Урвег загнул первый палец.

Цуннэс вынула из сумки кристалл лирна и зажала в ладони. Холод мгновенно проник в пальцы.

Он загнул второй.

Часовой на правой башне снова надел шлем и наклонился, рассматривая что-то у подножия стены.

Третий палец.

Кисть Цуннэс коротко дрогнула.

Невидимое лезвие понеслось вперёд. Голова стражника отделилась от тела и ударилась шлемом о доски. Почти одновременно на другой башне раздался глухой хлопок. Металлический шлем часового дёрнулся, будто по нему изнутри ударили молотом. Человек осел на настил, исчезнув за ограждением.

Цуннэс подняла голову над травой и огляделась.

Ни крика, ни сигнала тревоги.

Только на левой башне арбалет медленно выскользнул из разжавшейся руки, перевалился через край площадки и с тяжёлым стуком упал возле ворот.

Урвег вышел из-за пня.

Он поднял обе руки и резко толкнул воздух перед собой.

Ворота сразу содрогнулись. Толстые створки выгнулись наружу, железные скобы загудели, а из-за стены донёсся треск внутреннего засова. Над башнями взлетела стая мелких птиц.

Урвег ударил ещё раз.

Теперь створки качнулись сильнее. Между брёвнами посыпалась труха, одна из поперечин жалобно заскрипела.

За воротами вразнобой что-то закричали.

Цуннэс различила тяжёлый топот, звон оружия и несколько голосов, одновременно отдававших разные приказы. Кто-то бросился к башням. По лестницам загремели сапоги.

Над правым ограждением осторожно показался шлем. Новый часовой не стал выпрямляться во весь рост — поднялся лишь настолько, чтобы взглянуть на дорогу.

Этого хватило.

Цуннэс взмахнула кистью. Шлем исчез вместе с головой, а тело повалилось назад, сбив кого-то на лестнице. Послышались удар, ругань и испуганный вопль.

На левой башне показался второй стражник. Он выставил вперёд арбалет, прячась за его ложем, и начал медленно подниматься.

Урвег сжал протянутую ладонь.

Арбалетчик застыл. Его шлем лопнул с коротким металлическим хрустом, а сам он рухнул на край ограждения. Тело перевесилось наружу, несколько мгновений покачивалось и наконец сорвалось вниз. Ударилось о землю у ворот и осталось лежать ничком.

Больше на башни никто не полез.

Урвег подошёл к середине дороги.

— Открывайте! — крикнул он. — Откроете ворота — останетесь живы! Не откроете — умрёте все!

Его голос ударился о бревенчатую стену и вернулся слабым эхом.

Было слышно, что за воротами продолжали бегать люди. Створки несколько раз дрогнули, словно кто-то трогал засов, но не открылись.

Цуннэс выбралась из канавы и пригнулась за Урвегом.

— Кажется, они не выйдут.

— Значит, придётся помочь им принять решение.

Урвег достал ещё один кристалл. Голубоватый камень блеснул между пальцами, начал мутнеть и стремительно потемнел.

Огненный шар сорвался с его ладони и ударил в середину ворот.

Пламя растеклось по брёвнам ослепительно-жёлтым пятном. Дерево почернело, из щелей повалил дым. Огонь пополз вверх по створке, цепляясь за сухие волокна и старую смолу.

— Открывайте! — снова проревел Урвег. — Или я сожгу ворота вместе с теми, кто за ними прячется!

На этот раз ответ последовал сразу.

За стеной что-то тяжело застучало. Люди взялись за внутренний брус. Створки заходили ходуном, между ними появилась узкая чёрная щель.

Урвег отступил к Цуннэс.

Они быстро переместились на середину дороги, чтобы видеть проход прямо перед собой, а не сбоку. Дым тянуло наружу. Он стлался над землёй, щипал глаза и скрывал нижнюю часть ворот.

Щель расширилась.

Сначала показались наконечники копий.

Четверо воинов стояли сразу за воротами, плечом к плечу. Большие щиты прикрывали их от подбородка почти до колен, копья были выставлены вперёд. Позади угадывались ещё люди, но сквозь дым и тесный строй разобрать их было невозможно.

Створки распахнулись ровно настолько, чтобы копейщики могли двинуться вперёд.

— Отец! Начали! — крикнула Цуннэс.

Она резко присела и провела рукой над самой землёй.

Воздушное лезвие прошло ниже щитов.

Передний строй рухнул разом. Копья ударились древками о землю, щиты налетели один на другой. Из-за них донеслись крики — сначала яростные, затем пронзительные. Кто-то из стоявших сзади отшатнулся и закричал от ужаса.

Вокруг Урвега дрогнул воздух.

Сперва едва заметно, словно над нагретым камнем. Затем дрожь усилилась, сомкнулась вокруг него прозрачной колеблющейся оболочкой. Дальний частокол за его плечом поплыл, прямые брёвна стали кривыми.

Дрожащий Щит был готов.

Урвег медленно пошёл к воротам.

— Я пришёл освободить Киринс! — крикнул он.

Ему пришлось переступать через упавшие копья и обходить людей, корчившихся между тяжёлыми щитами. Один из них попытался схватить Урвега за сапог, но пальцы скользнули по коже и разжались.

Цуннэс задержалась возле крайнего стражника.

Он лежал на спине, придавленный собственным щитом, и с трудом пытался отползти, истекая кровью из обрубков ног. Цуннэс перевернула его лицом к себе. Несколько мгнове-

ний внимательно рассматривала широкие скулы, сломанный нос, кожаный панцирь, ремни, застёжки и металлический шлем.

Стражник смотрел на неё, ничего не понимая.

По телу Цуннэс прошла лёгкая рябь.

Лицо дрогнуло и стало другим. Волосы исчезли под чужим шлемом, одежда сменилась кожаным панцирем, на поясе появился короткий меч. Через несколько мгновений над поверженным воином стоял его точный двойник.

Стражник увидел собственное лицо и перестал отползать.

Цуннэс приложила палец к губам.

Затем поднялась и вошла в ворота следом за отцом.

Урвег успел пройти совсем недалеко. Сразу за воротами дорога расширялась. По обе стороны стояли первые дома — приземистые, деревянные, с закрытыми ставнями и широкими дворами. Возле стены валялись бочки, связки дров и перевёрнутые корзины.

Из-за ближайшего сарая выбежали двое стражников. Один держал копьё, другой — тяжёлый тесак. Увидев Урвега, они замедлили шаг.

Он указал на них рукой.

Цуннэс, шедшая сбоку и чуть позади, сделала короткий взмах кистью.

Обе головы слетели почти одновременно. Тела пробежали ещё шаг и рухнули поперёк дороги.

Где-то хлопнула ставня. Урвег не обернулся. Слева сухо щёлкнула тетива.

Арбалетный болт стремительно пересёк улицу и вошёл в дрожащий воздух перед его грудью. Сразу потерял скорость, задрожал, словно увяз в густой воде, и упал на дорогу в нескольких шагах от Урвега.

Стрелок лежал на крыше одноэтажного дома, прячась за коньком. Он торопливо натягивал тетиву второго арбалета, приготовленного заранее.

Урвег повернул голову и указал на крышу.

Цуннэс увидела цель.

Арбалетчик успел выстрелить ещё раз. Второй болт вошёл в Щит сбоку, проплыл в дрожащем воздухе и бессильно стукнулся о землю позади Урвега.

В тот же миг невидимое лезвие скользнуло над крышей. Голова стрелка покатилась по черепице, подпрыгнула у края и исчезла во дворе. Тело осталось лежать возле конька.

Из распахнутой двери впереди выскочил ещё один человек. Меч он держал обеими руками, низко опустив остриё. На Щит не обратил внимания — или не понял, что стрелять в Урвега бесполезно.

— Стой! — крикнул ему Урвег.

Воин не остановился. Урвег указал пальцем ему в лицо.

Кисть Цуннэс снова дрогнула.

Мечник сделал ещё два шага. На третьем голова отделилась от плеч. Меч вырвался из рук и проехал по утоптанной земле, оставив длинную борозду.

Урвег перешагнул через оружие.

Деревня впереди казалась вымершей.

Широкая, плотно укатанная дорога шла почти прямо между домами. Она была достаточно ровной для тяжёлых возов, хотя в старых колеях после недавнего дождя ещё стояла мутная вода. На мокрой земле отпечатались сотни следов, и почти все вели в одну сторону — к площади.

Справа тянулись ремесленные дворы. Под навесом кузницы остывал горн, на колоде возле сапожной мастерской лежал недошитый башмак. Чуть дальше виднелись опустевшие дома с провалившимися крышами. От некоторых остались только фундаменты и почерневшие

балки. На расчищенных участках теперь зеленели огороды: ровные гряды картофеля, капуста, лук, высокие жерди с вьющимися стеблями.

Внутри частокола свободного места было слишком много для нынешней деревни. Киринс словно продолжал носить одежду, из которой давно выросло всё его население.

Людей возле домов не оказалось. Из труб тянулся дым, на верёвках сохло бельё, где-то за плетнём надрывалась собака, но улицы оставались пустыми.

Вся деревня собралась впереди.

Дорога вывела их к большой площади.

С южной стороны над остальными зданиями поднималась двухэтажная гостиница-трактир. Широкая, с тяжёлой крышей и галереей второго этажа, она закрывала значительную часть дороги и не позволяла видеть южные ворота. По другим сторонам площади стояли несколько богатых домов, ратуша или похожее на неё здание с высокой лестницей, торговые навесы и запертые лавки.

Посередине возвышалась виселица.

Перед ней теснилась толпа. Несколько сотен человек стояли плечом к плечу: ремесленники в кожаных передниках, женщины с детьми, старики, подростки. Люди глухо переговаривались, но никто не решался выступить вперёд. По краям толпы прохаживались вооружённые стражники.

На помосте под перекладиной стоял пожилой мужчина со связанными руками. Петля пока висела рядом. Один из людей Шенгеса готовился надеть её ему на шею.

Неподалёку двое стражников удерживали молодую девушку. Один заломил ей руки за спину, другой с гаденькой улыбкой то и дело проводил ладонью по груди и боку. Девушка пыталась вырваться, но каждый раз получала встряску и короткий удар в спину.

— Отпустите её! — крикнула из толпы женщина.

— Одной загубленной вам мало? — поддержал чей-то голос.

К толпе сразу повернулись несколько копейщиков. Возмущение стихло, превратившись в тяжёлый ропот.

Люди Шенгеса собрались почти в полном составе. Десяток стоял возле своего предводителя у края помоста. Ещё около дюжины копейщиков отделяли виселицу от жителей. Трое арбалетчиков заняли крыши вокруг площади.

Сам Шенгес Кабан оказался ниже большинства своих людей, но почти вдвое шире любого из них. Коренастое тело, короткая шея, тяжёлая голова, посаженная между могучими плечами. На нём был кожаный панцирь с металлическими накладками, а на поясе висел широкий меч.

Церемония остановилась.

Все смотрели на северную улицу, откуда доносились крики и треск горящих ворот.

Первым на площадь вышел Урвег.

Воздух вокруг него дрожал. По дороге за его спиной в пыли валялись болты, потерявшие силу в Щите. Поодаль, прижимаясь к заборам, следовал один из стражников, молчаливый и ничем не примечательный.

Люди начали расступаться.

— Я пришёл спасти вас от рабства! — крикнул Урвег.

Три арбалета щёлкнули почти одновременно.

Болты ударили в дрожащий воздух с разных сторон. Один остановился перед грудью Урвега, второй потерял скорость возле плеча, третий пролетел немного дальше и упал у него за спиной.

Урвег указал на первого стрелка.

Цуннэс нашла его взглядом и взмахнула кистью. Голова арбалетчика ударилась о край крыши. Тело сползло вниз, ломая ногами тонкие жерди навеса.

Второй уже натягивал следующую тетиву.

— Вы больше не обязаны кормить тех, кто вас грабит! — продолжал Урвег.

Стрелок выпустил болт.

Тот замедлился перед лицом Урвега, повернулся в воздухе и упал наконечником в грязь.

Палец Урвега переместился.

Второй арбалетчик тоже погиб. Третий не стал торопиться с выстрелом.

Он лежал на крыше гостиницы и смотрел не на Урвега, а на стражника, двигавшегося позади него. Несколько мгновений следил за рукой Цуннэс. Затем резко вскинул арбалет и выстрелил прямо в неё.

Болт не долетел.

В этот момент Цуннэс находилась внутри дрожащей границы Щита. Стрела вошла в неё, замедлилась и упала между сапогами.

Арбалетчик вскочил.

— Это не наш! — закричал он, указывая на Цуннэс. — Бейте его! Там! Позади!

Несколько человек возле Шенгеса обернулись.

Цуннэс поняла: ещё немного — и на неё посмотрят все.

Она сунула руку в сумку и сжала новый кристалл.

Лирна оставалось немного. Но проиграть этот бой из жадности было бы ещё глупее, чем потратить лишнее.

Сила хлынула в мышцы.

Шум площади растянулся. Крики стали низкими и долгими, движения людей — медленными, почти ленивыми. Цуннэс увидела, как третий стрелок тянется за следующим арбалетом, как один из воинов Шенгеса поворачивает голову вслед его пальцу, как Урвег делает вдох для нового крика.

Её кисть взмахнула.

Арбалетчик на крыше гостиницы умолк.

Большинство людей так и не поняли, что именно он пытался сообщить. Его предупреждение утонуло в ропоте толпы, криках стражников и голосе Урвега.

— Вы, кого обманом заставили служить ему! — Урвег указал на людей Шенгеса. — Бросайте оружие — и я вас помилую!

Трое копейщиков у края площади переглянулись. Их одежда и доспехи сидели хуже, чем на остальных, а лица были знакомы многим в толпе. Это были местные — те немногие, кого Шенгес набрал в деревне.

Один опустил копьё.

Второй начал пятиться.

Третий смотрел на мёртвых арбалетчиков, выпучив глаза, и словно забыл, что держит оружие.

Паника медленно расползалась среди людей Кабана. Кто-то отступил к гостинице, кто-то оглянулся на южную дорогу. Строй возле виселицы потерял ровность.

Шенгес наконец пришёл в себя.

— Бейте их! — заревел он. — Все разом! В атаку!

Никто не двинулся.

Кабан повернулся к помосту и ткнул рукой в пожилого пленника:

— Да убейте уже этого недоумка!

Стражник возле виселицы схватил мужчину за плечо, толкнул на колени и занёс копьё.

Урвег даже не успел указать, как Цуннэс уже взмахнула рукой.

Воздушное лезвие пересекло помост. Голова палача слетела с плеч. Край удара прошёл дальше и срезал верхнюю часть шлема стражника, державшего девушку.

Металлическая макушка звякнула о доски.

Стражник выпустил пленницу и сел прямо на помост, обеими руками ощупывая уцелевшую голову.

Его напарник посмотрел на обезглавленного палача, на срезанный шлем, затем на Урвега, всё ещё стоявшего посреди площади в дрожащем воздухе.

— Спасайтесь! — заорал он.

И бросился бежать.

— Спасайтесь! — заорал другой стражник и бросился с помоста.

Далеко уйти ему не удалось. Он зацепился сапогом за край доски, едва не упал, врезался в людей у виселицы и скрылся за их спинами. Девушка осталась стоять одна. Несколько мгновений она ошеломлённо смотрела вслед мучителю, затем сорвалась с места и нырнула в толпу.

Шенгес повернулся к десятку воинов, державшихся возле него.

— Один — будить тех, кто дрыхнет! Всех сюда!

Крайний солдат сразу побежал к гостинице.

— Остальные, прекратить стоять столбом! Копья вперёд, щиты поднять! Убейте этого ублюдка!

Люди зашевелились, но без прежней уверенности. Они видели тела на крышах, видели, как болты падали перед Урвегом, и уже не слишком верили, что девять копий исправят положение.

Один из воинов переступил с ноги на ногу.

— Так он же… неуязвимый.

Шенгес медленно повернул к нему тяжёлую голову.

— И ты тоже, ублюдок?

Он особым образом сжал кулак.

Солдата вырвало из строя. Он пролетел несколько шагов, размахивая руками, ударился о землю и пропахал лицом влажную грязь. Копьё отлетело к ногам толпы.

По площади прокатился глухой шум.

Люди ещё теснились возле домов и торговых навесов, но теперь уже не отступали. Напротив, передние ряды понемногу придвигались к виселице. Кто-то поднял потерянное копьё и передал назад, подальше от людей Шенгеса.

Урвег увидел, как Кабан сжал руку, и сразу понял: маг.

Слабый, необученный — движение получилось слишком грубым, а удар ушёл целиком в одного человека. Но слабость мало утешала. Дрожащий Щит останавливал стрелы и камни. Прямой толчок силы он мог пропустить.

— В атаку! — взревел Шенгес. — Все!

Его люди продолжали медлить. Тогда Кабан развернулся к жителям:

— А вы чего стоите? Бейте его! Он один! Или я вас всех на этой виселице перевешаю!

Он снова сжал кулак.

Из толпы вылетел мужчина в засаленном кожаном переднике. Люди попытались его удержать, но пальцы сорвались с рубахи. Мужчину протащило над головами первых рядов и швырнуло к помосту. Он тяжело ударился о доски и остался лежать возле ступеней.

Толпа загудела громче, но двигаться не стала.

Девять воинов Шенгеса наконец сомкнули щиты. Дерево ударилось о дерево, железные обода со скрежетом сошлись. Копья легли на края щитов, образовав перед строем частую стену наконечников.

О судьбе людей у северных ворот они ещё не знали.

Строй двинулся на Урвега.

— Теперь вы свободны от своих палачей! — крикнул он жителям.

Он провёл рукой перед собой, будто перечеркнул наступавших.

Цуннэс поняла приказ.

Люди Шенгеса шли почти вплотную к толпе. Слева за их спинами стояли женщины и подростки, справа несколько стариков прижимались к стене торгового навеса. Широкое лезвие достало бы всех сразу — и заодно тех, ради кого Урвег разыгрывал освобождение.

Эти люди были не помехой.

Они могли стать первой опорой. Первым местом, где их с отцом не просто боялись, а ждали защиты. Первым камнем под тем троном, о котором Урвег наконец заговорил вслух.

Цуннэс опустилась ниже и осторожно повела кистью.

Невидимое лезвие прошло у самой земли, захватив середину строя.

Шестеро воинов рухнули разом. Щиты с грохотом навалились друг на друга, копья задрали наконечники к небу. Строй, ещё мгновение назад казавшийся плотной стеной, рассыпался в кучу людей, дерева и железа.

Трое, шедшие по краям, уцелели.

Первый бросил копьё сразу. Второй продержался на один удар сердца дольше, затем отшвырнул щит и побежал следом. Третий даже не стал искать дорогу: перескочил через низкий плетень, рухнул в картофельную ботву, поднялся и исчез между сараями.

Посланный будить спящих остановился возле гостиницы. Посмотрел на развалившийся строй, на неподвижные тела у виселицы и нырнул в ближайший переулок.

Шенгес налился багровым цветом.

— Трусы! — заревел он. — Падаль!

Он двинулся к Урвегу, тяжело ступая по площади и сжимая кулаки. Дрожащий воздух вокруг Командора его не пугал. Кабан уже понял, что перед ним не непобедимый бог, а маг с защитным заклинанием.

А всякое заклинание можно было обойти.

Шенгес резко выбросил обе руки вперёд.

Урвег увидел движение, но уклоняться было поздно.

Невидимый таран ударил в грудь. Дрожащий Щит пропустил его беспрепятственно. Урвега оторвало от земли и швырнуло назад. Он рухнул на спину, скользнул по грязи и тяжело ударился плечом о брошенный щит.

Концентрация рассыпалась.

Дрожащий воздух вокруг него пропал. Щит исчез.

Шенгес оскалился.

— Что, получил? Не ожидал, урод? Ну, погоди у меня!

Он выхватил меч, подбросил перед собой — и оружие не упало. Тяжёлый клинок завис в воздухе, покачиваясь над площадью.

Шенгес медленно повернул кулак.

Меч послушно развернулся остриём к Урвегу.

Цуннэс увидела всё сразу: исчезнувший Щит, отца на земле, людей возле Шенгеса и клинок, который вот-вот полетит вперёд.

Она вытянула руку.

Кабан заметил движение. Его взгляд остановился на неприметном стражнике, стоявшем за спиной Урвега.

— А ты кто такой? — вызверился он. — Почему не бьёшь врага? Я тебя…

Цуннэс ничего не ответила. Она сложила пальцы щепотью, словно ухватила невидимую нить. Подняла руку и резко опустила.

Меч дёрнулся.

Шенгес попытался удержать оружие. Кулак напрягся, лицо перекосилось. Несколько мгновений клинок дрожал между двумя силами.

Потом вырвался из власти Кабана.

Меч взлетел выше, перевернулся остриём вниз и рухнул.

Шенгес успел только поднять голову.

Клинок пробил ему правый глаз и вошёл до самой рукояти. Кабан осел на колени, ещё мгновение простоял так, нелепо раскинув руки, затем повалился набок.

Над площадью разнёсся женский визг.

Урвег уже поднялся. Плечо отозвалось болью, во рту чувствовался привкус крови, но кости, кажется, остались целы. Он перешагнул через брошенный щит и посмотрел на людей Шенгеса.

Дюжина копейщиков возле толпы начала опускаться на колени.

Оружие падало в грязь. Один бросил копьё так поспешно, что древко ударило соседа по сапогу. Никто не возмутился.

Урвег подошёл к Шенгесу, носком сапога отодвинул его руку и прошёл к помосту.

Толпа затихла.

Несколько сотен людей смотрели на него так пристально, что тишина казалась тяжелее прежнего шума. Где-то плакал ребёнок. На крыше гостиницы скрипела незакрытая ставня. От северной улицы тянуло дымом горящих ворот.

Урвег повернулся к Цуннэс.

— Покажи им себя.

Она отпустила морок.

Чужое лицо поплыло, кожаный панцирь поблек и растаял вместе с поясом и привидевшимся мечом. Через несколько мгновений на месте коренастого киринсского стражника стояла молодая красивая женщина.

По толпе прошёл тихий вздох.

Цуннэс направилась к виселице.

Стражник со срезанной верхушкой шлема всё ещё сидел на помосте и обеими руками ощупывал голову. Его напарник, первым закричавший о бегстве, успел добраться до края площади, но застрял среди людей. Жители его не пропускали, а сам он не решался прокладывать дорогу.

Цуннэс догнала беглеца, схватила за ворот и потащила обратно. Тот увидел её настоящее лицо, открыл рот, но спорить не стал. Второй поднялся с помоста сам, едва она протянула к нему руку.

Взяв обоих за шивороты, Цуннэс подвела их к стоявшим на коленях и толкнула вниз.

— Руки на затылок. Глаза в землю.

Со стороны южной улицы показались двое арбалетчиков.

Они выбежали из-за гостиницы, на ходу вскидывая оружие. Щит Урвега уже исчез. Расстояние было небольшим, а тетивы — натянуты.

Цуннэс резко обернулась.

Но раньше неё двинулась толпа. Несколько рук одновременно толкнули ближайшего стрелка в спину. Тот налетел на напарника. Оба арбалета выстрелили: один болт ушёл над крышей гостиницы, второй вонзился в деревянную вывеску.

Перезарядить им не дали.

— Бей тварей!

— Мало они нас били!

— За девок! За всех!

Люди навалились разом. Арбалетчики исчезли под множеством тел, кулаков и сапог. Кто-то бил обломком доски, кто-то вырванным из ограды колом. Ярость, годами не находившая выхода, наконец получила две подходящие цели.

Когда толпа расступилась, оба стрелка остались лежать на земле.

Больше они не двигались.

Люди повернулись к пленным.

Глухое ворчание снова прокатилось над площадью. Первые ряды начали приближаться к тем, кто стоял на коленях. Кто-то уже поднял камень. Мужчина с кузнечным молотом проталкивался вперёд, не сводя глаз с людей Шенгеса.

Урвег поднял руку.

— Подождите!

Толпа остановилась не сразу, но остановилась.

— Хотите справедливого суда — он будет. Каждый ответит за то, что сделал. Но сначала нужно собрать остальных ваших мучителей, которые ещё прячутся в нашей деревне.

Слово «нашей» услышали все. Никто не возразил.

Урвег указал на оружие, брошенное людьми Шенгеса.

— Берите копья. Обыщите дома, сараи и гостиницу. Всех оставшихся стражников привести сюда живыми!

Из толпы раздался голос:

— А потом что?

Люди обернулись, пытаясь увидеть спросившего.

Урвег поднялся на первую ступень помоста.

— А потом я, Командор-Вершитель, дам вам то, чего у вас никогда не было. Возможность жить сытно и свободно — так, как здесь прежде жили только богатые!

Несколько мгновений площадь молчала.

Затем кто-то поднял копьё. Другой подхватил щит. По толпе прокатился одобрительный гул.

* * *

Часть жителей сразу разошлась по деревне. Одни направились к гостинице, другие — к пустующим домам и ремесленным дворам. Уходили группами, вооружившись копьями, дубинами и всем, что удалось подобрать на площади.

Урвег проводил их взглядом.

— Не спускай глаз с пленных, — тихо сказал он Цуннэс. — Мы ещё не закончили.

— Не спущу.

Возле неё стояли на коленях четырнадцать человек: двенадцать копейщиков и двое стражников, державших девушку у виселицы. Оружие давно оттащили в сторону, однако даже без него такая группа оставалась опасной.

— Не оглядываться! — приказала Цуннэс. — Глаза вниз!

Один из пленных медленно поднял голову.

Она пнула его в бок.

— Я невнятно сказала?

Тот согнулся и уставился в землю.

К Урвегу подошёл пожилой мужчина, которого собирались казнить. Кто-то уже перерезал верёвки на его запястьях. На коже остались тёмные полосы. Его дочь исчезла — вероятно, её увели женщины из толпы.

— Командор?

— Я слушаю тебя.

Мужчина помедлил.

— Можно спросить?

— Сначала спрошу я. Как тебя зовут?

— Молон Таркис. Я здешний знахарь.

— Отлично, Молон. Такие люди всегда нужны.

Урвег протянул руку, собираясь ободряюще похлопать его по плечу. Молон отстранился.

Движение получилось почти незаметным, но Урвег всё равно его увидел.

Сзади раздался голос Цуннэс:

— Глаза вниз!

Урвег оглянулся. Один из пленных снова попытался поднять голову и теперь получил носком сапога под рёбра. Остальные сразу нашли на земле что-то необычайно интересное.

— Скажи, Молон, у вас есть большой сарай? Такой, чтобы запереть всех этих людей?

Знахарь указал на серое приземистое здание за торговыми навесами. Широкие ворота были обращены к площади, крыша поросла мхом.

— Там хранили караванный товар. Сейчас там пусто.

— Подойдёт.

Молон не уходил.

— А зачем вы всё это делаете, Командор? Что вам с Киринса?

— Мы хотим жить спокойно и сытно. Как и вы.

Знахарь внимательно посмотрел на него.

— Но вы маги.

— Разумеется.

— Тогда вы можете спокойно и сытно жить где угодно. Зачем вам наша деревня?

Урвег выдержал его взгляд.

— Это не так, Молон. Иначе мы сюда не пришли бы. Ты достаточно умён, раз задаёшь такие вопросы. Значит, должен понимать: одной силы мало. Даже магу нужно место, где его люди выращивают хлеб, куют железо, принимают караваны и не ждут каждую ночь, что их ограбят собственные защитники.

Позади раздался испуганный крик:

— Нет!

Молон и Урвег одновременно обернулись.

Один из пленных попытался подняться и пополз к куче сложенного оружия. Копьё само собой взлетело с земли. Повисло над ним наконечником вниз и медленно опустилось почти к самой голове.

Человек замер, прижавшись лбом к грязи.

— Назад, — велела Цуннэс.

Он торопливо пополз на прежнее место.

Копьё поднялось, перелетело через головы пленных и легло в ладонь Цуннэс.

Урвег снова повернулся к знахарю.

— Так вот. Мы хотим жить среди вас, защищать вас и не позволять чужим людям забирать последнее.

Молон прищурился.

— А за это?

— А за это вы будете нас слушаться, богатеть и чувствовать себя в безопасности.

Урвег посмотрел на виселицу.

Верёвка ещё покачивалась под перекладиной.

— Первым делом вы вот это и спилите.

Молон проследил за его взглядом.

— Пока рано.

— Почему?

— У очень многих здесь есть зуб на этих.

Он кивнул в сторону пленных.

Урвег рассмеялся и хлопнул знахаря по плечу. На этот раз Молон не отстранился.

— Ты отлично начал. Назначаю тебя моим Капитаном.

Молон удивлённо посмотрел на него.

— Кем?

— Капитаном.

— И что это значит?

— Ты будешь говорить мне, что нужно Киринсу, и советовать, как распределить между жителями то, что мы с моей дочерью заработаем своим трудом.

На слове «трудом» Урвег едва заметно улыбнулся.

Молон посмотрел на Цуннэс, затем снова на него.

— А зачем это мне?

— Чтобы ты мог ещё лучше помогать вашей деревне быть богатой и безопасной.

— Гм.

— Ты согласен?

Молон поскрёб пальцами седую щетину.

— А что скажут остальные? Кузнец, например. Или старшие ремесленники.

— Остальным скажу я, Молон.

Со стороны гостиницы донёсся шум.

На площадь вышли первые поисковые группы. Жители тащили за собой пленных стражников — полуодетых, растерянных, некоторых ещё не до конца проснувшихся.

Урвег повернулся к ним.

У нового Капитана появилась первая работа.

* * *

Цуннэс отпила из серебряного кубка и недовольно поморщилась. Вино оказалось молодым, кисловатым и оставляло на языке терпкую сухость, но жажду утоляло исправно. Местный трактирщик клялся, что пиво у него гораздо лучше. Проверять его слова они не стали: открытий на сегодня и без того хватало.

Она поставила кубок на добротный дубовый стол. Посередине, на широком медном блюде, лежала разломанная жареная курица; рядом громоздились ломти ещё мягкого хлеба, нарезанная ветчина и миска с печёными кореньями. Два больших глиняных кувшина с вином завершали ужин, который ещё утром показался бы им почти праздничным, а теперь воспринимался как нечто необходимое и потому не заслуживающее особого внимания.

Верхняя горница дома Шенгеса была обставлена богато, хотя и без всякого порядка. Тяжёлый стол, мягкие кресла, шкафы тёмного дерева и широкая кровать явно попадали сюда в разное время и от разных хозяев. На кровати вместо белья были навалены шкуры — медвежья, две волчьи и несколько овечьих. У стены стоял огромный сундук, окованный железными полосами; в нём обнаружились дорогая одежда, снова какие-то шкуры и несколько свёртков ткани, которой Кабан, судя по всему, не придумал иного применения.

Окна были затянуты мутноватой слюдой. Сквозь неё вечерний свет проникал неровными жёлтыми пятнами, и лица казались то бледными, то бронзовыми, стоило пламени свечей качнуться от сквозняка. В давно не чищенном камине лежала старая зола, а над его чёрной пастью по штукатурке расползался широкий копчёный след. Полы перед их приходом вымели, но до потолочных балок никто не добирался, должно быть, много лет: копоть висела на них густым тёмным мехом.

Цуннэс отломила кусок хлеба, положила сверху ветчину и съела почти не разжёвывая. После дневного боя всё тело налилось тяжестью. Даже поднять кубок стоило усилий, а мягкая спинка кресла всякий раз словно уговаривала закрыть глаза и больше ни о чём не думать.

Отец устал не меньше, но старательно этого не показывал. Он сидел прямо, неторопливо доедая куриную ножку, только движения его сделались чуть медленнее обычного.

— Очень странно, — сказала Цуннэс. — Когда начался бой, я была уверена, что мы не можем проиграть. А теперь всё равно не верится, что мы это сделали.

Урвег с улыбкой посмотрел на неё, обглодал последние кусочки мяса и бросил кость на край блюда.

— Так и должно быть. Если бы мы не верили в победу, то не решились бы войти в ворота вдвоём. Но это не значит, что мы не понимали, по какому лезвию идём.

Он запил курицу большим глотком вина.

— Помнишь стрелка, который тебя обнаружил?

Цуннэс провела пальцем по ободу кубка.

— Помню. И помню, как эта свинья опрокинула тебя на землю и сбила щит.

— Мы не могли знать, что здесь окажется маг.

— Нам повезло, что магом он был весьма средним, — покачала она головой.

— Нет. Как маг он был слаб и почти ничему не обучен. Это разные вещи.

Урвег некоторое время молчал, глядя в кубок, словно надеялся отыскать на тёмной поверхности вина что-нибудь полезное.

— Но сегодняшний случай должен нам напомнить: запас везения тоже можно исчерпать. В следующий раз его может не хватить.

— А пятьдесят кристаллов лирна, которые мы нашли у этого… как его…

— Шенгеса.

— Вот именно. Эти пятьдесят кристаллов — тоже везение?

— Отчасти. Хотя чего-то подобного я ожидал.

Цуннэс снова вцепилась зубами в хлеб с ветчиной и заговорила, только проглотив кусок:

— Потому что он, как ты сказал, оседлал главную торговую дорогу Коррилена?

— Именно. Как сказал мне Молон, каждый купец оставлял здесь десятину, а если не знал местных порядков — то и больше. Потом с него брали за постой, корм для лошадей, охрану товара и, полагаю, за право уйти отсюда в собственных сапогах.

Урвег наконец позволил себе откинуться на спинку кресла. Дерево тихо скрипнуло под его весом.

— Отсюда и ларец, набитый серебром пополам с золотом. Там не меньше сотни флоринов, если считать всё по стоимости. Возможно, и больше: я пока только взглянул.

— Неприлично много.

— У Серых Земель есть одна большая беда. Здесь мало богатых людей, способных потратить деньги с толком, и ещё меньше тех, кто может предложить им хорошие услуги. Достойное вино. Отличную одежду. Великолепных коней…

Он осёкся.

Цуннэс отвернулась к окну. Пальцы, сжимавшие хлеб, замерли.

— Мы обязательно заберём Ворона, дочь моя, — тихо сказал Урвег. — Поверь мне.

Она быстро провела пальцем под глазом и заставила себя улыбнуться.

— Верю.

Урвег не стал продолжать. Ей нужен был хороший муж, подумал он. Не сейчас, разумеется, и даже не скоро, но когда-нибудь рядом с ней должен появиться человек, к которому она сумеет привязаться не слабее, чем к своему коню. Лошади живут меньше людей, а жизнь и без того слишком охотно отнимает то, что становится незаменимым.

Впрочем, эту задачу можно было оставить будущему. Нынешний день и без неё принёс достаточно забот.

Он снова наполнил кубок.

— Так вот, здесь не Феортан. Тратить деньги человеку вроде Шенгеса почти не на что. Поэтому у этого дурака и скопилось столько золота.

— Почему ты называешь его дураком? — Цуннэс повернулась к отцу. — Ты сам учил меня, что нельзя презирать врага. Презрение мешает правильно оценить его силу.

— Всё верно. Но Шенгес уже не враг, а пример дурного управления.

— Это большая разница?

— Огромная. Если бы он не насиловал девушек и не бил кнутом их отцов, а понемногу делился добычей, давал деревне спокойно торговать и наказывал только тех, кого жители сами считали виновными, мы бы сегодня могли легко проиграть. Представь, что против нас поднялись не три десятка его людей, а весь Киринс.

Цуннэс перестала жевать.

— С такой толпой мы бы не справились.

— Не справились бы, — спокойно согласился Урвег. — Шенгес сам сделал большую часть нашей работы. Заставил жителей ненавидеть себя, собрал их на площади, показал им виселицу, а потом ещё потребовал, чтобы они за него умирали. Нам осталось лишь вовремя войти в ворота.

— И потратить безумное количество лирна.

Она опустила руку к поясной сумочке и слегка её сжала. Внутри одиноко стукнул о пряжку последний кристалл.

— Из прежнего запаса у меня остался один.

— У меня пять.

Они замолчали. Снизу донёсся грохот передвигаемой скамьи, затем чей-то окрик и торопливые шаги по двору. Дом больше не принадлежал Шенгесу, но пока ещё не привык к новым хозяевам и отзывался на каждый звук долгим деревянным поскрипыванием.

— Зато в его сундуке лежат ещё пятьдесят, — наконец сказала Цуннэс.

— Лежат. Завтра взвесим их и узнаем, сколько лирна нам действительно досталось. Кристаллы удобнее считать, чем сравнивать на глаз.

Цуннэс отломила новый кусок хлеба.

— Значит, золото мы потратим на жителей?

— Часть золота. Большую, но не всю.

— Я так и знала.

— Если мы раздадим всё за один день, нас станут любить ровно до того утра, когда понадобится раздать ещё. Деньги должны работать. Купим то, чего здесь не хватает, приведём в порядок деревню, восстановим торговлю. Запасы из подпола тоже можно раздать — но не все. Нам ещё придётся кормить стражу и пережить зиму.

— Стражу в первую очередь нужно создать. Те, кто сегодня похватал оружие, — не бойцы.

— Возьмёшься их обучать?

Урвег посмотрел на неё с неподдельным интересом.

— Если бы они были магами — взялась бы. Но строевую службу я знаю поверхностно. А приёмы копейщиков и мечников — ещё хуже.

— Значит, нужно найти того, кто знает лучше. До тех пор всё равно проследи, чтобы на башнях регулярно менялись часовые, а ворота не открывались без приказа под страхом смерти.

Цуннэс медленно наклонила голову.

— Под страхом смерти?

Урвег поперхнулся вином и несколько раз кашлянул в кулак.

— Я слишком сильно выразился.

— То есть никого убивать нельзя?

— Нет! И не вздумай причинять им боль.

— Даже если плохо стоят на башне?

— Даже если заснут на ней и упадут вниз. Научись их пугать. Разнеси воздушным лезвием ящик, бочку или старую дверь.

Цуннэс потянулась к кубку.

— Ты должна казаться сильной, — продолжил Урвег. — Они могут тебя бояться, но не должны ненавидеть. Страх заставляет повиноваться, пока ты рядом. Ненависть заставляет искать твою спину.

— Ага. А они сами тоже хороши. Двух стрелков толпа растоптала на наших глазах. И теперь, насколько я слышала, все рвутся перевешать тех восемнадцать, что сидят в сарае.

— Поэтому ты и должна быть умнее их.

Цуннэс расстегнула верхнюю пуговицу воротника. От еды и вина ей стало жарко, хотя в горнице огня не разводили.

Урвег задумчиво потёр подбородок.

— Интересно, сколько людей Шенгеса успело убежать?

— Какая разница?

— С одной стороны, чем больше ужасов и небылиц они разнесут о нас, тем лучше. О двух магах, захвативших Киринс вдвоём, станут говорить охотнее, чем о сотне обычных солдат. С другой — беглецы могут собраться вместе или привести сюда помощь.

— Теперь у нас больше пятидесяти кристаллов. Что они смогут нам сделать?

— Выстрелить тебе в спину из темноты, например.

Цуннэс перестала улыбаться.

— После того как завтра Молон и те, кого он выберет, разберутся с пленными, я займусь обыском окрестностей.

— Сначала мы допросим тех, кто может что-нибудь знать. Потом пусть жители судят остальных. И не забудь объявить: за каждого найденного беглеца — один серебряк.

Цуннэс тихо хохотнула.

— Начнём свободную и богатую жизнь с платы за чужие головы?

— Не за головы. За людей, приведённых живыми, или за место, где они скрываются.

— Тогда это уже не так щедро.

— Зато разумно.

Урвег упёрся ладонями в подлокотники и поднялся. На одно короткое мгновение его лицо исказилось от боли, но он сразу расправил плечи и прошёлся по комнате. За мутными слюдяными окнами сгущался вечер. Где-то на площади звали Молона, хлопнула дверь, и снова заговорило сразу несколько человек.

— Работы у нас будет очень много, — сказал Урвег. — И прежде всего нам нужны бойцы. Такие, которые смогут защищать Киринс, но в первую очередь — нас с тобой. Защищать по-настоящему, а не разбегаться при первом отрубленном шлеме.

— Поэтому ты хочешь утром допросить самых знающих из заключённых?

— Да. Кто-то из них мог служить раньше. Кто-то знает окрестные дороги, людей Вейда или торговцев. Возможно, среди них найдётся человек, который окажется нам полезен.

Цуннэс внимательно посмотрела на отца.

— Ты хочешь оставить кого-то из них в живых?

Урвег остановился возле окна. Его отражение едва различалось в неровной слюде — тёмное, расплывчатое, словно за ней стоял другой человек.

— Я хочу, чтобы у нас было как можно меньше проблем, дочь моя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ИСТИННЫЕ ОТРАЖЕНИЯ

Шейх блуднищу стыдил: "Ты,
беспутная, пьёшь,
Всем желающим тело своё продаёшь!"
"Я, - сказала блудница, - и
вправду такая,
Тот ли ты, за кого мне себя
выдаёшь?"

Омар Хайям

Глава 11

Следующие несколько дней после получения денег Элайн и Линва приводили дом в порядок — не перестраивали и не пытались переделать по своему вкусу, а понемногу добавляли то, без чего даже самые просторные комнаты оставались всего лишь чужим жильём. Благо, средства теперь у них были.

Элайн начала с посуды. Старые блюда, потемневшие ложки и разномастные кубки исчезли из буфета, уступив место новому серебряному прибору. Тарелки были тяжёлые, с ровными краями и мягким матовым блеском; кувшины приятно холодили ладони, а ложки хотя бы не выглядели так, словно ими до Элайн успели поесть несколько поколений прежних владельцев.

Потом появились дорогие полотенца — большие, плотные и такие мягкие, что Линва сперва складывала их с почти благоговейной осторожностью. Следом привезли новую дубовую лохань, широкую и достаточно глубокую, чтобы в ней можно было не только сидеть, поджав колени, но и вытянуть ноги. От свежих клёпок пахло распаренным деревом, железные обручи ещё не успели потемнеть, а вода долго сохраняла лёгкий дубовый запах.

В тот же вечер Элайн велела наполнить лохань горячей водой, погрузилась в неё по плечи и с таким наслаждением закрыла глаза, будто наконец вернулась из своего бесконечного путешествия. Тёплую воду несколько раз приходилось доливать, потому что вылезать она решительно не желала. Она отмокала несколько часов, пока усталость, казалось, не вышла из тела вместе с паром, а мысли не сделались ленивыми и безвредными.

Линва тоже не осталась обойдённой. Ей купили два новых платья, достаточно дорогих и добротных, чтобы они приличествовали королевской фрейлине, несколько свежих чепчиков и красивый передник с аккуратной вышивкой. Теперь рядом с Элайн находилась не дорожная спутница, утомлённая долгим переездом, а молодая женщина из достойного дома — именно так, по мнению Элайн, фрейлина королевы и должна была выглядеть.

Королева внутри неё была в восторге.

Она немедленно напомнила, что к новой посуде, полотенцам, платьям и лохани совершенно необходимы новые украшения. Элайн не стала спорить. Они быстро договорились, что украшения непременно будут куплены — но несколько позже. Внутренняя королева приняла отсрочку с достоинством особы, согласившейся временно не разорять собственную казну.

Всё было бы почти прекрасно, будь рядом Малькольм и Роланд.

Об их отсутствии особенно трудно становилось не думать по вечерам, когда дневная суета стихала и в большом доме делалось непривычно тихо. Тогда свободные комнаты казались ещё просторнее, а купленные вещи — всего лишь вещами, сколько бы серебра за них ни заплатили.

Чтобы отогнать эти мысли, Элайн взялась за книги, привезённые из Рауссборга. Начала она со Свода законов, решив, что королеве полагается знать хотя бы те правила, которые она намеревалась нарушать. Однако составители Свода явно считали понятность опасным излишеством. Предложения тянулись через половину страницы, каждое второе положение ссылалось на три предыдущих, а смысл некоторых статей приходилось извлекать из канцелярских оборотов с большим трудом, чем когда-то вытаскивать застрявшие в грязи телеги.

После нескольких таких статей Элайн откладывала Свод и бралась за сборник старинных баллад и преданий. Читать его было значительно легче и интереснее, хотя пользы для управления государством в нём обнаруживалось заметно меньше.

Именно там она нашла полный текст легенды о Рыжей Неле — той самой, о которой не раз слышала во время своего путешествия и которой ей неоднократно тыкали в лицо.

Элайн устроилась поудобнее в кресле, перелистнула страницу и начала читать.

«Давным-давно жил знатный и богатый владыка, и была у него единственная дочь по имени Неле.

Девушка была прекрасна — настолько прекрасна, что такую красоту Хозяйка Судьбы дарует лишь особо избранным. Ради одного взгляда на неё юноши были готовы неделями и месяцами ждать у ворот отцовского замка.

Но Неле не замечала их. Никому не дарила она своего гордого сердца, никогда не теплели её льдистые глаза, и лишь немногие могли похвастаться тем, что видели её улыбку.

Одно только радовало Неле — охота.

На быстрых, словно ветер, конях она носилась по лесным тропам, загоняя зверя. Когда Неле, распустив копну русых волос, мчалась на огненно-рыжем жеребце впереди всей свиты, её голубые глаза вспыхивали яростным весельем.

Она не боялась никого. Свирепые волки и могучие вепри падали перед ней, пронзённые позолоченной рогатиной. И не было для Неле мгновения слаще того, когда затравленный зверь испускал дух у её ног.

За это люди прозвали её Неле Зверегубительницей.

Хранительница Леса была разгневана жестокостью девушки и не раз посылала ей предостережения. Кони падали во время погони и ломали хребты. Деревья рушились поперёк тропы перед самым её лицом. Собаки скулили и отказывались идти по следу.

Но ничто не могло остановить Зверегубительницу.

Однажды Неле выследила матёрую лису возле её логова. Как водится, лисица стала уводить охотников прочь от норы, где прятались её детёныши. Она путала следы, кружила между деревьями и снова показывалась собакам, стараясь увлечь их за собой.

Но Неле разгадала её хитрость.

— Эта тварь сейчас сама придёт к своим детям! — звонко рассмеялась она.

Неле отыскала нору и принялась рогатиной вытаскивать из неё лисят, одного за другим убивая беспомощных зверьков.

Услышав их крики, лиса-мать забыла об осторожности и бросилась на Зверегубительницу. Неле встретила её одним ударом, насадила на широкое остриё и подняла рогатину высоко над головой в знак победы.

Кровь умирающей лисы закапала на распущенные волосы охотницы.

И тогда лисица обратилась к Хранительнице Леса:

— Посмотри, что делает этот человек! Посмотри же и дай ей то, чего она так желает!

Хранительница увидела, что жестокость Неле к детям Леса перешла всякую меру, и исполнила последнюю просьбу лисы.

В тот же миг Неле превратилась в огромную лисицу. Её русые волосы порыжели от пролитой крови, глаза стали зелёными, как листва дерева, под которым она навлекла на себя гнев Хранительницы, а длинные клыки заблестели золотом, точно позолоченное остриё её рогатины.

Обезумевший оборотень тут же набросился на охотников. Прежде чем кто-либо успел опомниться, Неле перегрызла им глотки и осталась одна среди мёртвых людей и разбежавшихся собак.

А Хранительница Леса произнесла:

— Отныне не знать тебе покоя, Неле Зверегубительница! Теперь ты будешь убивать не зверей, а людей — всех, кто войдёт в этот лес: мужчин и женщин, стариков и детей. После каждого убийства ты будешь тосковать по себе прежней и ненавидеть людей за то, во что превратилась. Ты станешь плакать и страдать, но жажда крови будет глодать тебя сильнее всего на свете.

Не возьмёт тебя ни сталь, ни дерево, ни камень, чтобы никто не смог прежде срока прекратить твои мучения. Люди станут бояться и ненавидеть тебя, проклинать твоё имя и бесчестить твою память — как ты того заслужила.

Лишь один раз в году, в день летнего солнцеворота, ровно в полдень, на поляне с тысячью цветов ты снова сможешь стать прекрасной девушкой. Но только на один час. Если за этот час найдётся юноша, который признается тебе в любви, ты навсегда вернёшь себе человеческий облик.

С тех пор и бесчинствует в лесах лиса-оборотень, прозванная Рыжей Неле. Не берёт её ни меч, ни стрела, ни копьё, ни палица. Нет от неё спасения и нет пощады. Она рвёт горло каждому, кто пересекает ей дорогу, а после долго скулит и плачет над телами убитых, пока жажда крови снова не погонит её на поиски новой жертвы.

До сих пор не нашлось юноши, который отважился бы войти в тот лес и в полдень летнего солнцеворота выйти на поляну с тысячью цветов.

Но это лишь часть страшной легенды.

Если ты заблудился в лесу Рыжей Неле и хочешь остаться целым и невредимым, скорее ищи поляну, покрытую цветами. На такие поляны Рыжая Неле не заходит никогда — даже в день летнего солнцеворота».

Элайн медленно закрыла книгу и положила её на колени.

Легенда была тяжёлая и мрачная. Хуже того — она зацепила Элайн за что-то глубоко спрятанное, к чему та старалась без нужды не прикасаться.

Слишком многое в этой истории напоминало её саму.

Не всё, конечно. Она не убивала ради удовольствия и не губила беззащитных, чтобы выманить их мать. У неё не было иного способа выжить и победить Мор, кроме как стать Рыжей Волчицей.

Но это не отменяло остального.

Её любили — преданно, иногда беззаветно. И точно так же искренне ненавидели, и боялись. За каждую победу она платила немалую, порой страшную цену, и с каждой новой победой эта цена почему-то не становилась ни меньше, ни привычнее.

Элайн невесело усмехнулась и спросила себя:

«А разве у тебя был другой выбор?»

Не тот выбор, о котором приятно рассуждать потом, сидя в тёплой комнате, а настоящий: поступить иначе и всё равно спасти тех, кого ты спасла. Победить Мор. Вернуть Торина. Вытащить из гибели себя и остальных.

Можно ли было сделать всё это по-другому?

— Нет, — тихо ответила она самой себе.

«Ну так и перестань судить себя так, словно ты это могла!»

Элайн ухватилась за подлокотники, собираясь подняться, когда дверь кабинета распахнулась и внутрь вбежала Линва. Новый чепчик сбился у неё набок, ленты развязались, а красивый передник уже успел немного смяться.

— Леди! — выпалила она, едва переводя дыхание. — Там возок! Тот же самый, из Раусборга!

* * *

Когда Элайн вышла из дома, возок уже остановился перед крыльцом. Лошади тяжело поводили боками, сбруя поскрипывала, а колёса и нижние доски кузова покрывал толстый слой дорожной пыли. Кучер соскочил с козел и принялся распутывать вожжи, зацепившиеся за железный поручень.

Следом за возком остановились два всадника. Оба были хорошо вооружены: кольчуги прикрывали стёганые кафтаны, стальные шлемы висели у сёдел, а поверх дорожных плащей

угадывались перевязи с мечами. Они спешились один за другим, и тот, что был старше и заметно рослее своего спутника, поправил пояс и направился к Элайн.

— Нам нужен херсир Кусланд, фрейа.

— Это я, — ответила Элайн с улыбкой, разглядывая возок и сопровождавших его стражников.

Воин остановился.

— Э-э… — протянул он. — Но херсир…

Он осёкся, так и не договорив, чем именно настоящий херсир должен отличаться от стоявшей перед ним женщины.

— Уверяю вас, это я.

Элайн с удовольствием наблюдала за его замешательством. Стражник оглянулся на товарища, словно надеялся получить от него объяснение, но тот лишь едва заметно пожал плечами.

В этот момент дверца возка несколько раз дёрнулась изнутри. Кто-то наваливался на неё всем телом, доски скрипели, железная щеколда звякала, однако дверь не поддавалась.

Второй стражник тяжело вздохнул, подошёл к возку и сильно потянул за ручку. Дверца распахнулась так внезапно, что он едва успел отступить.

Из тёмного нутра возка спиной вперёд выбрался Кермунд. Одной рукой он держался за дверной косяк, другой растирал зад, явно отбитый о жёсткую лавку на бесчисленных дорожных ухабах.

— Элайн! — восторженно заорал он, едва коснувшись земли. — Наконец-то!

— Кермунд! — Элайн улыбнулась ещё шире. — Какими судьбами?

Первый стражник шагнул между ними:

— Господин Кермунд, эта дама действительно является херсиром Элайн Кусланд?

Кермунд с нескрываемым раздражением уставился на него.

— Конечно, идиот! Разве не видно? Это Элайн Кусланд, клянусь всем моим лирном!

— Господин Кермунд, я попросил бы вас выбирать выражения! — рявкнул стражник.

Кермунд отступил на шаг, задрал подбородок и громко объявил:

— А вот и не буду! Я здесь главный, а ты должен меня охранять!

— Должен был, — уточнил второй стражник себе под нос.

Кермунд повернулся к Линве. Та стояла возле крыльца, прикрыв рот ладонью, но глаза выдавали её с головой. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, после чего Линва всё-таки не выдержала и тихо рассмеялась.

— Послушайте, — вмешалась Элайн, пока встреча окончательно не превратилась в ярмарочное представление. — Давайте перейдём к делу. Вам достаточно слова Кермунда или мне принести патент, а вы пока постоите здесь?

Начальник охраны ещё раз оглядел её, затем примирительно пожал плечами.

— Вообще-то его слова достаточно. Теперь нам нужно пройти туда, где вы сможете написать подтверждение о получении…

— Кого? Кермунда?

Элайн даже подмигнула ему.

Стражник побагровел.

— И его тоже!

Он резко повернулся к своему спутнику:

— Доставай из возка тот самый ларец.

* * *

В кабинете быстро выяснилось, что, несмотря на Кермунда и не слишком торжественную встречу, поручение стражникам дали вполне серьёзное.

На стол поставили небольшой тяжёлый ларец из тёмного дерева, окованный по углам железом. Начальник охраны передал Элайн связку ключей, а затем положил рядом туго набитый кожаный мешочек. Монеты внутри глухо звякнули о столешницу.

— Прошу всё пересчитать, фрейа Кусланд. Деньги отдельно, кристаллы отдельно. Количество следует указать в расписке.

Ключ с усилием повернулся в замке. Под крышкой обнаружились кристаллы лирна, тщательно переложенные тканью, чтобы они не бились друг о друга во время долгой дороги.

Элайн пересчитала их дважды.

Ровно пятьдесят.

Затем развязала очень увесистый мешочек и высыпала на стол часть монет. Серебро звонко раскатилось по дереву, несколько марок легли одна на другую, остальные пришлось собирать возле чернильницы. Всего оказалось сто семьдесят марок.

Элайн долго смотрела на лежавшее перед ней богатство.

Торин сделался слишком щедрым — даже с учётом того, что лирн предназначался Кермунду. Деньги ей были не нужны: после продажи «Алквириса» у неё и без того осталось более чем достаточно. Если выяснится, что эти сто семьдесят марок присланы ей просто так, она отправит их обратно.

Элайн пододвинула к себе бумагу и подробно перечислила всё полученное: ларец, ключи, пятьдесят кристаллов лирна, мешочек со ста семьюдесятью марками и самого Кермунда — последнего, впрочем, в расписку включать всё-таки не стала.

Начальник охраны внимательно прочитал написанное, дождался подписи и лишь после этого заметно расслабился. Он несколько раз сложил лист, спрятал его во внутренний карман и с явным облегчением подкрутил усы.

— Благодарю, фрейа Кусланд. Мы немедленно отправимся обратно.

— Может быть, сначала перекусите с дороги? Вместе с господином Кермундом.

Стражник слегка отшатнулся.

— Благодарю, но я уже заметил неподалёку отличный трактир. Там и поедим.

— А я его не заметил, — обиженно сказал Кермунд.

— Вы были заняты, господин Кермунд. Вы что-то кричали про баранов, которые слишком быстро едут.

— Именно! Я теперь сидеть не могу!

Стражник и Элайн фыркнули одновременно.

Когда они снова вышли во двор, вещи Кермунда уже выгрузили из возка и сложили под навесом у крыльца: дорожный сундук, две сумки, свёрнутый плащ и несколько перевязанных ремнями книг. Сам Кермунд стоял рядом и что-то оживлённо рассказывал Линве. Судя по её лицу, слушала она не столько из интереса, сколько из вежливости. Но взгляда не отводила.

Стражники задерживаться действительно не стали. Они вскочили в сёдла, кучер щёлкнул вожжами, и меньше чем через минуту возок с грохотом покатился по улице. Сопровождавшие его всадники двинулись следом, и вскоре за ними осталась только медленно оседающая дорожная пыль.

Кермунд проводил их взглядом, затем повернулся к Элайн и широко развёл руки.

— Леди Элайн! Вот я и приехал!

Она прищурилась.

— Ты приехал? Кермунд, ты не приехал. Тебя выперли из Высокой Башни.

— Чего это сразу выперли?

— Сколько раз ты называл их там тупыми баранами?

Кермунд задумался и принялся считать, загибая пальцы.

— Всего три. Или четыре… Нет, точно четыре.

— И это только баранами.

— А почему они несут какую-то ахинею, когда в Своде практической магии Свендэхса приведены точные расчёты?

— Кермунд!

— Что?

— Лучше подробно расскажи, чем ты собираешься заниматься в Сонсборге.

Он ответил сразу, словно речь шла о чём-то совершенно обыденном:

— Строить портал между мирами.

Элайн не удержалась и всплеснула руками:

— Ты уже знаешь, как?

— Пока нет.

Руки медленно опустились. Элайн сникла так заметно, что даже Линва сочувственно взглянула на неё.

— Но я изучил все материалы, которые мне дали, — поспешно продолжил Кермунд, — и думаю, что сумею выяснить.

Элайн чуть было не обняла его. Кермунд этого не заметил: он уже разглядывал собственную ладонь и снова загибал пальцы.

— Нужно вот что. Первое: купить новое небьющееся зеркало и установить там, где стояло разбитое. Второе: смонтировать рядом управляемую Быструю Дверь. Третье: понять, как они могут воздействовать друг на друга.

Он поднял три согнутых пальца, проверил их и удовлетворённо кивнул.

Теперь стало понятно, зачем Торин прислал столько денег. Возврат отменялся.

— Линва, вещи Кермунда уже отнесли в комнаты?

— Да, леди.

Линва присела в аккуратном книксене.

— Тогда распорядись насчёт ужина. Идёмте в дом. Если уж мы собираемся строить проход между мирами, начинать лучше не на пустой желудок.

Кермунд немедленно согласился и первым направился к крыльцу.

* * *

Через несколько дней подвал под домом было уже не узнать.

Из него вынесли мусор, выскребли грязь из углов и смыли со стен многолетнюю серую пыль. Каменный пол застелили плотно пригнанными струганными досками; такими же досками обшили стены, и подвал сразу перестал напоминать сырую могилу. Теперь в нём пахло свежей стружкой, нагретой смолой и железом.

В потолке, возле наружной стены, пробили наклонный канал и вывели через него на улицу широкую железную трубу. Работа оказалась тяжёлой: камень долго не поддавался, удары молотов гулко разносились по всему дому, а вылетавшая из-под зубил крошка покрывала рабочих с головы до ног. Зато теперь в подвале гулял воздух, а из трубы доносился слабый гул всякий раз, когда снаружи усиливался ветер.

Старые колбы и реторты убрали со стола, тщательно перебрали и расставили на новых полках. Их место заняли книги Кермунда, стопки пергамента, чернильницы и несколько деревянных футляров с чертёжными инструментами. Возле вентиляционной трубы установили массивную жаровню на широком железном листе, чтобы случайный уголёк не упал на новые доски. Рядом поставили добротное кресло с высокой спинкой, в котором можно было читать, греться и спорить с книгой, если написанное в ней оказывалось недостаточно разумным.

В дальнем углу появилась широкая кровать с пологом. Плотная ткань отгораживала её от света ламп, сквозняков и лабораторной пыли. Между кроватью, столом и полками оставили достаточно места, чтобы Кермунд мог передвигаться, не сбивая локтями посуду и не наступая на собственные записи, хотя Элайн подозревала, что рано или поздно он всё равно добьётся и первого, и второго.

Сначала она предложила снять для него небольшой дом неподалёку.

— Здесь сыро, темно и неудобно, — терпеливо объясняла Элайн. — Ты можешь работать в подвале днём, а спать в нормальной комнате.

Кермунд едва не закричал.

— Я никуда не уйду от своих инструментов! Ты не понимаешь, насколько это важно!

— Объясни — и, возможно, пойму.

— Если я ночью что-нибудь придумаю, мне придётся одеваться, идти по улице, открывать двери… А за это время мысль может исчезнуть!

По выражению его лица было ясно: возможная утрата мысли представлялась Кермунду бедствием куда более страшным, чем сырость, холод и сон рядом с жаровней.

Элайн сдалась.

Так подвал окончательно превратился в кермундовскую комнату-лабораторию.

Несколько дней дом был наводнён рабочими и мастерами. Они ходили по лестницам, тащили доски, железо и связки инструментов, пилили, строгали, сверлили камень и время от времени ругались — иногда даже громче Кермунда. В коридорах стоял запах древесной пыли, масла и пота. Во дворе громыхали телеги, под окнами валялись обрезки досок, а на крыльце постоянно обнаруживался кто-нибудь, кому требовалось немедленно узнать, куда нести очередной ящик.

Соседи получили бесплатное представление и неисчерпаемый повод для пересудов. За эти дни мимо дома стало проходить подозрительно много людей, которым прежде совершенно не требовалось бывать на этой улице.

Элайн переносила всё стоически.

Грохот молотов будил её по утрам. Скрежет пил не давал читать днём. Один из плотников дважды перепутал двери и пытался занести длинную доску сначала в столовую, а потом в её спальню. Но каждый удар, каждый новый шкаф и каждый запах свежей стружки означали одно: работа началась.

Это был ещё один шаг домой — к Малькольму и Роланду.

Ради этого стоило потерпеть и рабочих, и шум, и даже Кермунда, который успевал одновременно торопить мастеров и объяснять им, что они всё делают неправильно.

Нетронутой в подвале осталась только одна стена — та, к которой крепилась пустая рама.

Кермунд лично распорядился не обшивать её досками, не выравнивать раствор и вообще ничего вокруг не менять. Даже рабочий стол отодвинули так, чтобы никто случайно не задел раму плечом или краем доски.

— Новое зеркало должно висеть точно там же, где находилось старое, — объявил он. — На той же высоте и в том же положении. И размеры должны совпадать в точности!

Он долго возился возле стены с мерным шнуром и деревянной линейкой. Измерил раму по высоте и ширине, проверил расстояние от пола, затем повторил всё сначала. Полученные числа Кермунд занёс на отдельный лист пергамента, перепроверил и спрятал его между страницами одной из книг.

Именно тогда обнаружилась первая серьёзная проблема.

Управляемую Быструю Дверь Кермунд обещал соорудить сам. Ему требовались кузнецы, латунь, медь, лирн и время, но в собственных знаниях он не сомневался ни на мгновение.

А вот где в Сонсборге раздобыть большое небьющееся зеркало, он не представлял совершенно.

Элайн некоторое время смотрела на пустую раму. За её спиной Кермунд перебирал свои записи и негромко ворчал, словно отсутствие подходящего зеркала было личным оскорблением, нанесённым ему всем городом.

Значит, дорогой до дома снова придётся заниматься ей самой.

Что ж, подумала Элайн, поднимаясь по лестнице, было бы даже удивительно, если бы всё получилось без моих усилий.

* * *

Элайн всё ещё не решила, какое платье надеть для поездки в порт Сонсборга. Поиски привозных товаров она собиралась начать именно там: если большое небьющееся зеркало вообще можно было найти в городе, то спрашивать о нём следовало у купцов, торговавших с дальними землями.

Одно платье уже лежало на кровати, расправленное поверх покрывала. Второе Элайн держала за плечи, пытаясь понять, достаточно ли оно удобно для поездки и не слишком ли нарядно для хождения по портовым лавкам.

В дверях возник Кермунд.

Глаза у него были выпучены, волосы торчали во все стороны, а в поднятой руке он потрясал куском пергамента, словно только что обнаружил письменное свидетельство чудовищного преступления. За его плечом виднелась перепуганная Линва.

— Что это такое?! — заорал Кермунд прямо с порога. — Как такое может быть? Ты вообще из ума выжила?

Элайн медленно опустила платье.

— Что случилось?

— Как ты позволила, чтобы… чтобы… — От возмущения Кермунд едва не задыхался. Он снова потряс пергаментом. — Это же бред! Дикий бред!

Элайн с такой силой топнула каблуком, что стоявший рядом лёгкий стул подпрыгнул на деревянном полу.

— Молчать!

Стёкла в окне тихо звякнули. Кермунд захлопнул рот.

— А теперь, — совершенно спокойным голосом продолжила Элайн, — расскажи с самого начала, что случилось. Спокойно. Не забудь — спокойно.

Кермунд сглотнул и оглянулся на Линву, будто только сейчас вспомнил о её присутствии.

— Линва, — позвала Элайн. — Подойди сюда. Что произошло?

Девушка нерешительно вошла в комнату. Лицо у неё пылало, а платочек в руках она успела скрутить в тугой жгут.

— Господин Кермунд дал мне бумагу, — прошептала она, не поднимая глаз. — И попросил купить то, что там написано…

Она замолчала и ещё сильнее стиснула платочек.

— Ну?

— Я сказала, что не умею читать. А господин Кермунд как закричит…

— Как ты могла нанять неграмотную фрейлину?! — немедленно перебил её Кермунд. — Как? Фрейлину, которая не умеет читать!

— Так и могла! — отрезала Элайн. — И она лучшая фрейлина, какую я могла бы себе пожелать.

Она шагнула к нему и упёрлась пальцем ему в грудь.

Кермунд отстранился, но Элайн наступала, заставляя его пятиться обратно к двери.

— А ты, вместо того чтобы орать как резаный, мог бы хоть раз употребить свой ум на что-нибудь действительно полезное.

— Как? — искренне удивился Кермунд. — Она же не умеет…

— Знаешь, чем мужчины отличаются от маленьких мальчиков?

Он настороженно посмотрел на неё.

— Мальчики кричат, что всё плохо. А мужчины делают так, чтобы плохо больше не было.

Кермунд нахмурился. Было видно, что он лихорадочно ищет решение, достойное его учёности, но ничего подходящего ему в голову не приходит.

— И что я должен сделать?

— Научить её читать и писать.

Линва вскинула голову и с такой благодарностью посмотрела на Элайн, что та едва заметно ей улыбнулась.

— Я?! — Кермунд даже ткнул себя пальцем в грудь.

— Ты. Ты же у нас великий учёный, который знает больше всех?

Элайн упёрла руки в бока.

— Вот и покажи свои способности по-настоящему.

— Но мой портал!

— Линва тоже занята с утра до вечера. Однако один час в день вы оба сможете найти.

Кермунд оглянулся на стул, словно только сейчас заметил его, и тяжело опустился на сиденье. Пергамент бессильно повис в его руке.

— Я никогда никого не учил.

— Портал между мирами ты тоже никогда не строил. Однако это тебя почему-то не останавливает.

Кермунд хотел возразить, но не нашёлся что сказать. Он посмотрел на Линву. Та всё ещё стояла, прижимая к груди измятый платочек, и теперь уже почти умоляюще смотрела на него.

Кермунд испустил долгий, полный страдания вздох.

— Хорошо.

— Прекрасно. — Элайн подобрала платье и положила его рядом с первым. — Кстати, что ты хотел поручить Линве?

Он недовольно протянул ей пергамент.

— Купить пинту фундучного масла.

— Зачем тебе столько?

Разговор о работе сразу немного его оживил.

— В зеркало нельзя вставить кристалл лирна. Значит, остаётся нанести лирн на его поверхность. Для этого он должен быть жидким, вот я и подумал, что понадобится масло.

— Та самая жёлтая бутылка? — улыбнулась Элайн.

Кермунд снова помрачнел.

— Она самая.

— Значит, ты согласен каждый день учить Линву чтению и письму?

— Ну, если вы обе так настаиваете…

— Настаиваем.

Элайн посмотрела на Линву. Девушка поспешно закивала.

— Вот и чудесно, Кермунд.

Он тяжело поднялся со стула и направился к двери с выражением человека, на которого только что возложили непосильное бремя. У самого порога Кермунд ещё раз посмотрел на Линву, затем на пергамент и, видимо осознав, что теперь ему придётся начать с объяснения букв, застонал.

Когда за ним закрылась дверь, Элайн повернулась к девушке:

— А теперь помоги мне переодеться. Если мы задержимся ещё немного, портовые торговцы успеют продать все небьющиеся зеркала исключительно из желания мне досадить.

Линва улыбнулась и наконец расправила измятый платочек.

— Да, леди.

Глава 12

В порту довольно быстро выяснилось, что больших небьющихся зеркал в Сонсборге не продают.

Элайн обошла несколько лавок возле складских рядов, поговорила с торговцами и в конце концов добралась до портовой торговой канцелярии. Там пахло мокрым деревом и чернилами; за длинными столами сидели писцы, вокруг толпились приказчики, а из раскрытых дверей доносились скрип блоков, удары по бочарным обручам и крики грузчиков.

Зеркала нужного размера привозили только из городов Хартии. Лучшие, как ей объяснили, делали в Виртвале, а поставками этих зеркал в Сонсборг занимался торговый дом «Белая чайка».

В той же канцелярии Элайн без особого труда получила адрес главы торгового дома — Претира Орвальда. Правда, писец сразу предупредил, что «Белая чайка» уже довольно давно не проводила никаких операций в порту и, кажется, вообще свернула дела. По слухам, Орвальд тяжело заболел.

Разумеется, Элайн спросила, кто ещё способен доставить из Виртваля большое ростовое зеркало. Ей назвали несколько имен, но ни одного из этих купцов сейчас не было в Сонсборге. Один находился в плавании, другой уехал на юг, третий сопровождал караван и должен был вернуться не раньше, чем через две или три недели.

Ждать столько времени Элайн не собиралась.

Болен Орвальд или уже выздоровел, он наверняка знал о виртвальских зеркалах больше портовых писцов. Поэтому из канцелярии она отправилась прямо по полученному адресу.

Дом главы «Белой чайки» оказался раза в два больше её собственного. Широкий фасад, тяжёлая дверь, высокие окна — торговля зеркалами явно приносила неплохой доход, по крайней мере до болезни хозяина.

Элайн поднялась на крыльцо и постучала.

Никто не ответил.

Она подождала, затем постучала ещё раз, сильнее. За дверью по-прежнему стояла тишина.

На третий раз Элайн уже не постучала, а загрохотала кулаком так, что тяжёлая створка заходила в проёме, а из шва между камнями посыпалась мелкая известковая крошка.

Из глубины дома будто бы донеслись тихие шаги.

— Открывайте! — крикнула Элайн. — Иначе я позову стражу, чтобы проверить, все ли в этом доме живы!

Шаги приблизились и остановились с другой стороны двери.

Элайн снова забарабанила кулаком.

— Открывайте! Если в доме все умерли, мы со стражей выломаем дверь. Вы что, этого хотите?

Наконец щёлкнул засов. Створка приоткрылась на ширину ладони.

Наконец-то.

В узкой щели показался чей-то глаз. Остальное лицо скрывала темнота прихожей.

— Вы откроете или нет? — повысила голос Элайн.

— Кто вы? — спокойно спросили из-за двери.

— Херсир Империи Элайн Кусланд. Открывайте.

— Что вам нужно?

Голос оставался совершенно бесстрастным. Элайн уже начинало казаться, что за дверью стоит не человек, а одно из тех устройств, которые отвечают на каждый вопрос заранее приготовленной фразой.

— Мне нужен хозяин дома, Претир Орвальд.

— Хозяин болен и никого не принимает.

Возможно, при любых других обстоятельствах Элайн развернулась бы и ушла. Но от того, как скоро у Кермунда появится зеркало, зависело, как скоро она снова увидит Малькольма и Роланда.

И отступать она не собиралась.

Дверь начала закрываться. Элайн тут же вставила носок туфли в проём.

— Уберите ногу, — всё тем же ровным голосом потребовал человек за дверью. — Хозяин никого не принимает.

— Нет, откройте. Мне необходимо его увидеть.

— Я уже сказал: хозяин болен.

— Зато я здорова и пройду туда, куда мне необходимо!

Элайн упёрлась ладонью в створку и толкнула. Человек с другой стороны явно не ожидал такой силы. Он попытался удержать дверь, но подошвы скользнули по каменным плитам. Через мгновение створка распахнулась настежь, а сам он отступил на несколько шагов.

Элайн вошла в тёмный коридор.

Перед ней стоял невысокий сухощавый мужчина в строгой тёмной одежде. Он смотрел на неё снизу-вверх с явным осуждением, к которому теперь примешивалась осторожность. Вероятно, до этой минуты ему не приходилось сталкиваться с женщинами, способными одним движением распахнуть дверь вместе с державшим её слугой.

— Госпожа, я уже объяснил, что хозяин болен. Зачем вы нарушаете его покой?

— А я объяснила, что должна с ним поговорить. Именем императора!

Из глубины дома послышался слабый раздражённый голос:

— Джарвис! Где ты ходишь? Принеси мне воды!

Слуга повернул голову на голос, затем снова посмотрел на Элайн.

— Видите? Меня зовут. Уходите, пожалуйста.

— Ты меня не слышал? Именем императора веди меня к своему хозяину!

Несколько мгновений Джарвис молча разглядывал её. Затем пожал плечами.

— Пойдёмте.

Он развернулся и повёл Элайн по сумрачному коридору. В доме было тихо и душно. Закрытые двери, задёрнутые занавеси, слабый запах воска и горьких лекарств — всё говорило о болезни хозяина и почти полном отсутствии обычной домашней жизни.

Претир Орвальд действительно оказался болен, хотя и не настолько тяжело, как можно было подумать по словам Джарвиса.

Немолодой мужчина с редкой бородкой и всклокоченными волосами сидел в длинной ночной рубашке на краю широкой постели, прикрыв ноги одеялом. Он что-то искал на тумбочке возле кровати. Та была до отказа заставлена пузырьками, бутылочками, чашками и смятыми салфетками. В воздухе стоял густой запах настоев и мазей.

Увидев высокую рыжеволосую женщину, Орвальд замер, затем вопросительно посмотрел на слугу.

— Кто вы? Что вам нужно?

— Херсир Империи Элайн Кусланд. Я пришла именем императора.

Элайн решила и дальше пользоваться этим пропуском. Император, разумеется, не поручал ей врываться в дома больных торговцев и вытряхивать из них сведения о зеркалах. Но зеркало требовалось для задачи, которую он сам одобрил, а всё остальное сейчас казалось ей несущественными подробностями.

Орвальд побледнел.

— Что случилось? Я… я ничего не сделал против Империи. Мне нечего скрывать!

— Вот и замечательно. Я очень рада это слышать. Значит, вы расскажете мне всё, о чём я вас спрошу. Надеюсь, здоровье позволяет вам немного поговорить?

— Да, конечно. Мне уже гораздо лучше. Спасибо Джарвису!

Несмотря на похвалу, слуга и ухом не повёл. На его лице сохранилось всё то же спокойное выражение.

— Джарвис, принеси мне воды. Очень хочется пить.

— Да, господин.

Слуга поклонился и вышел. Элайн проводила его взглядом.

— Простите, а как его полное имя?

Орвальд, похоже, не усмотрел в вопросе ничего опасного.

— Джарвис Ламберт. Но всё-таки, фрейа Кусланд, что произошло?

— Империи требуется большое ростовое зеркало. Небьющееся.

Орвальд несколько секунд смотрел на неё, ожидая продолжения.

— Всего лишь зеркало? Именем императора?

— Именно так.

Элайн нахмурилась.

— Если вы мне не верите, я могу вернуться с отрядом стражи и предписанием бургомистра. Тогда задачу с зеркалом мы все вместе будем решать в другом, куда менее удобном месте.

Орвальд поспешно выставил ладони перед собой, словно пытался оттолкнуть от себя её слова.

— Что вы! Не стоит. Я вам верю. Если бы вы задумали что-нибудь дурное, вряд ли стали бы говорить о зеркалах.

Дверь открылась, и Джарвис вернулся с кубком воды.

— Простите, — пробормотал Орвальд.

Он жадно выпил половину кубка, вытер рот рукой, немного отдышался и допил остальное.

— Вам нужно что-нибудь ещё, господин? — спросил Джарвис.

— Распорядись, чтобы через два часа приготовили поесть.

— Овсяную кашу с фруктами?

Орвальд скривился.

— Ненавижу эту кашу. Хочу рябчиков с острым соусом.

— Альтмедик прописал вам кашу, господин.

— Пусть приготовят рябчиков!

— Хорошо. Значит, каша с фруктами.

Джарвис забрал пустой кубок, поклонился и вышел.

Орвальд проводил его долгим печальным взглядом.

— А кто здесь у вас вообще главный? — спросила Элайн. — Может быть, мне лучше с ним поговорить о зеркале?

— Он отличный слуга, — возразил Орвальд. — Именно Джарвис раздобыл лекарство, которое поставило меня на ноги. Заботится обо мне так, словно знает меня с самого рождения. Очень тщательно заботится.

Он снова вздохнул.

— Хотя появился здесь всего месяц назад.

Элайн посмотрела на закрывшуюся дверь.

— Месяц?

— Да. Но какое это имеет отношение к зеркалу?

Орвальд поудобнее устроился на постели и натянул одеяло повыше.

Элайн продолжила:

— Мне сказали в порту, что именно вы доставляете в Сонсборг большие ростовые зеркала.

— Доставлял, — поправил он. — Когда был здоров. Сейчас мне нужно окончательно оправиться после Чёрной Лихорадки, а потом я, вероятно, смогу помочь Империи. У меня остались хорошие связи с виртвальскими мастерами.

Элайн огляделась. Стул нашёлся возле окна. Она придвинула его к кровати, ножки с негромким скрежетом прошлись по полу, и села, расправив складки платья.

— Прекрасно. Когда вы сможете приступить?

— Не знаю. Через неделю. Возможно, через две. Слабость ещё не прошла.

— А быстрее нельзя?

— С такими вещами не торопятся, фрейа. В последний раз, когда я вёз в Сонсборг подобное зеркало, всё заняло не меньше двадцати дней. Это было совсем недавно, около месяца назад, так что я хорошо помню. Так что неделя или две - ничего не решают.

Элайн замерла.

— Кому вы его привезли?

Орвальд отвёл взгляд.

— Я давно занимаюсь торговлей и не привык разглашать имена заказчиков.

— Вы помните, от чьего имени я пришла?

— Разумеется. Но…

— Всё это очень важно. В том числе для вас.

Он настороженно посмотрел на неё.

— Для меня?

— Конечно. Если вы поможете Империи, вас не забудут. Поверьте.

Элайн слегка улыбнулась.

— А если откажетесь помогать — вас тоже не забудут.

Орвальд ответил ей улыбкой, но его улыбка вышла куда более кислой. Он подтянул одеяло и плотнее укутал ноги.

— Впрочем, того заказчика больше нет, так что большой беды, полагаю, не случится.

Элайн придвинула стул ближе.

— Я вас слушаю.

— Это забавная история. Он не только дал мне заработать, но ещё и подарил мне своего дворецкого.

Терпение Элайн начало иссякать.

— Так кто был заказчиком?

— Некто Феррен Лютриг. Около двух месяцев назад его дворецкий — тот самый Джарвис — заказал у меня большое небьющееся ростовое зеркало. Согласился на названную цену сразу, даже не торговался.

Орвальд тихо засмеялся, словно сама мысль о купце, не пытавшемся сбить цену, до сих пор казалась ему забавной.

— Половину заплатил вперёд. Я связался с виртвальскими мастерами и привёз нужное зеркало. А ещё через месяц Джарвис постучался в мою дверь и сказал, что его хозяин ушёл и не вернулся. Спросил, не нужен ли мне хороший слуга. Сначала я взял его просто за еду.

— А потом?

— Потом я слёг с Чёрной Лихорадкой. Альтмедики давали мне не больше недели, но Джарвис где-то раздобыл лекарство. Благодаря ему я до сих пор жив.

На лбу Орвальда выступил пот. Он взял с тумбочки чистую салфетку и промокнул лицо.

— Фрейа Кусланд, я ещё не совсем оправился. Так Империя будет заказывать у меня зеркало? Мне нужно прилечь.

Элайн не ответила.

Феррен Лютриг.

Имя словно распахнуло перед ней ещё одну дверь. Она сразу вспомнила разговор с Хранителями.

Тот самый дом.

Дом Феррена Лютрига. Выморочное имущество. Прежний владелец исчез.

А теперь выяснилось, что большое небьющееся зеркало для этого дома заказывал Джарвис Ламберт — дворецкий, который вскоре после исчезновения хозяина перебрался к другому человеку.

До этой минуты имя Императора было для неё всего лишь удобной отмычкой. Теперь всё изменилось, так как Джарвис Ламберт мог оказаться одним из главных свидетелей в деле о покушении.

Нет, поправила себя Элайн, это ещё ничего не доказывало. Возможно, Джарвис лишь исполнял поручение Лютрига и понятия не имел, зачем тому понадобилось зеркало. Но если он видел, где его устанавливали, кто работал в подвале и что происходило в доме перед исчезновением хозяина, его следовало расспросить как следует.

Элайн не была сведуща в магической науке. Она могла заставить человека отвечать, но не всегда знала, какие именно вопросы нужно задать.

Значит, Джарвис должен оказаться перед тем, кто такие вопросы знал.

Перед Кермундом. А еще лучше - перед Асвером.

— Вы уже очень помогли — сказала Элайн, поднимаясь. — Отдыхайте. Выздоравливайте. Думаю, мы обязательно ещё увидимся.

Орвальд с облегчением опустился на подушки и натянул одеяло почти до подбородка.

— Всего хорошего, фрейа Кусланд.

Его голос заметно ослаб. Разговор действительно утомил его гораздо сильнее, чем Элайн показалось вначале.

Она вышла из спальни, осторожно прикрыв за собой дверь.

Теперь Элайн точно знала, куда поедет дальше.

* * *

От дома Претира Орвальда Элайн поехала прямо в сонсборгскую тюрьму. Не хватало ещё, чтобы Джарвис Ламберт успел исчезнуть вслед за своим прежним хозяином.

К счастью, Петер Кентерс оказался на месте, хотя явно собирался уходить. Бумаги на столе были кое-как собраны в стопки и придавлены деревянной дощечкой, чернильница закрыта, а на спинку стула уже накинут тёмный плащ. Сам дознаватель стоял возле сундука, запихивая в него очередную связку документов. При появлении Элайн он замер, не успев закрыть крышку.

— Добрый вечер, госпожа Кусланд, — произнёс он с явным удивлением. — Чем обязан?

Элайн решила сразу перейти к делу.

— Вы занимаетесь расследованием покушения на покойного Императора, связанным с разбитым зеркалом в доме Феррена Лютрига?

Кентерс медленно опустил крышку сундука.

— Гм… Подождите. Феррен Лютриг… Зеркало… — Он наморщил лоб. — Ах да, разумеется. Вспомнил.

Элайн с трудом удержалась от замечания, что подобные дела желательно вспоминать несколько быстрее.

— Расследованием занимаются сам Хранитель Законов и Хранитель Войны совместно с Главным Шерифом Империи, — продолжил Кентерс. — Непосредственно дело ведёт Шериф, а отчитывается он перед Хранителями. Мне передали копии материалов и поручили искать дополнительные улики, если таковые появятся.

— Насколько я понимаю, они всё ещё не появились?

Кентерс бросил взгляд на заваленный бумагами стол.

— Вы же понимаете, сколько здесь дел. Но если обнаружится что-нибудь новое, я немедленно…

Он вдруг умолк и посмотрел на Элайн гораздо внимательнее.

— Впрочем, почему вы вообще об этом спрашиваете? Насколько мне известно, доступа к этому расследованию вам не предоставляли.

— У меня есть для вас улика. Даже больше, чем улика. Я нашла Джарвиса Ламберта, дворецкого Феррена Лютрига.

Усталость разом сошла с лица дознавателя.

Он метнулся к столу, рывком выдвинул ящик и начал перебирать лежавшие внутри свитки. Несколько бумаг упали на пол. Кентерс не обратил на них внимания, выхватил нужный свиток, развернул и быстро пробежал глазами по строкам.

Затем бросил документ на стол и наклонился к Элайн.

— Говорите. Всё. Немедленно.

— Джарвис поступил дворецким к Претиру Орвальду.

— Претир Орвальд?

Кентерс снова схватил свиток.

— Да… глава торгового дома «Белая чайка». Осуществлял доставку зеркала для… Так. Опрос проводился агентом… Претир Орвальд болен, на вопросы отвечать не может…

Он поднял глаза на Элайн.

— Значит, Джарвис всё это время находился у нас перед носом?

Элайн поправила выбившуюся прядь.

— Разбираться, как именно сработали ваши агенты, — это не моя забота.

— Этот урод даже не спросил имён слуг, — прошипел Кентерс. — Увидел, что Орвальд болен, записал это и отправился докладывать!

Пальцы его сжались, и пергамент сухо хрустнул.

— Мы должны выехать немедленно, фрейа.

Кентерс схватил плащ, набросил его на плечи и шагнул к двери. Распахнув её, он высунулся в коридор.

— Капитана стражи ко мне! Живо!

— Подождите, — остановила его Элайн.

— Что ещё?

— Джарвис может обладать чрезвычайно ценными знаниями. Обращаться с ним нужно как можно бережнее. Сначала с ним должны поговорить Хранитель Мудрости и руководитель работ по порталам.

— Сначала с ним поговорим мы.

Кентерс застёгивал ворот плаща резкими, нетерпеливыми движениями.

— Ваша помощь неоценима, фрейа Кусланд, но дело о покушении на Императора не предполагает снисхождения.

Он снова направился к двери. Элайн схватила его за рукав.

— Вы не понимаете. После того как с ним поговорят ваши люди, он может уже ничего не вспомнить о порталах.

Кентерс медленно повернулся к ней. Повисло молчание. Из коридора донёсся лязг засова и отдалённый окрик караульного. Элайн поняла, что ей снова придётся воспользоваться авторитетом Торина. Но цель того стоила.

— Если Джарвис не сможет сообщить ничего об одной из важнейших научных задач Империи, я немедленно отправлю Его Величеству письмо и подробно объясню, что вы отказались меня выслушать.

Кентерс смотрел на неё уже без всякого прежнего почтения.

— Чего вы хотите? Пощады для преступника?

— Ни в коем случае.

Дознаватель едва заметно выдохнул.

— Тогда чего?

— Обращайтесь с ним максимально бережно. Поселите в лучших условиях, какие сумеете найти. Не бейте, не запугивайте и не заставляйте его пожалеть о том, что он согласился поехать с вами.

— А если он не согласится?

— Все равно его нужно доставить сюда так, чтобы он по-прежнему мог разговаривать и соображать.

Кентерс нахмурился, но промолчал.

— Я немедленно сообщу Императору о ваших заслугах, — продолжила Элайн, — и вызову Хранителя Мудрости. Руководитель работ по порталам уже находится в Сонсборге. Они получат сведения, которые нужны им, а затем Джарвис целиком поступит в ваше распоряжение.

— Но расследование…

— Вы искали дополнительные улики достаточно долго. Два или три дня ничего не изменят. Более того, во время обычной беседы, без участия ваших…

Элайн на мгновение запнулась.

— …специалистов он может рассказать много полезного и для следствия.

Кентерс почесал кончик носа. На лице его появилось то самое уныло-сосредоточенное выражение, с которым люди изучают особенно неприятную бумагу и пытаются найти в ней хотя бы одну удобную строку.

Формально Элайн не требовала ничего незаконного. Джарвиса всё равно следовало допросить. Она не просила отпустить его, уничтожить показания или скрыть от следствия. Требовалось только найти самую чистую камеру, не бить заключённого, прилично кормить и, возможно, предоставить ему мебель получше, чем обычная солома на полу.

— Видите ли, фрейа Кусланд, — наконец произнёс дознаватель, — у нас не предусмотрено дополнительных удобств для заключённых. Еда и обстановка одинаковы для всех.

— Я дам вам на это деньги.

Кентерс перестал чесать нос.

— Простите, что?

— Император выделил мне достаточно средств.

Элайн снова не солгала ни единого слова. Кентерсу совершенно не обязательно было знать, сколько именно денег выделил ей Торин и на какие цели они предназначались.

Дознаватель посмотрел на неё уже иначе. Враждебность не исчезла полностью, но к ней прибавилось невольное уважение к человеку, который умел не только требовать особого содержания для заключённого, но и сразу объяснить, за чей счёт оно будет устроено.

— В таком случае вопрос о хороших условиях можно считать решённым — сказал он. — Едем?

— Теперь едем.

Кентерс пропустил Элайн вперёд, вышел следом и тщательно закрыл кабинет. Ключ с усилием повернулся в отсыревшем замке. За дверью что-то глухо лязгнуло, и коридор снова наполнился быстрыми шагами и голосами поднятой по тревоге стражи.

* * *

Джарвиса задержали без крика, погони и попыток сопротивления.

Когда перед ним появились четверо стражников, Петер Кентерс и Элайн, дворецкий внимательно оглядел их, словно перед ним стояли нежданные гости, для которых следовало найти места за столом. Затем пожал плечами.

— Сначала я дам распоряжения горничной, господа.

Просьба оказалась настолько неожиданной, что ему позволили это сделать. Джарвис спокойно объяснил перепуганной женщине, какие лекарства и в какое время давать хозяину, напомнил про овсяную кашу с фруктами и велел немедленно послать за альтмедиком, если Орвальду станет хуже. Закончив, он надел плащ, поправил воротник и объявил, что готов идти.

Лучшая камера сонсборгской тюрьмы всё равно оставалась камерой, однако ради нового заключённого Кентерс действительно постарался. Туда поставили нормальную кровать с набитым шерстью матрасом, принесли стол и крепкий деревянный стул. Еду доставили из трактира: ещё горячую, в закрытой глиняной посуде, вместе со свежим хлебом.

Джарвис вошёл, осмотрел каменные стены, окно с решёткой под потолком и приготовленную для него постель. Снова пожал плечами, сел на кровать и несколько раз надавил ладонью на подушку, проверяя, насколько плотно она набита.

Уходившего охранника он остановил единственной просьбой:

— Если будете меня будить, просто скажите: «Подъём». Кричать совершенно необязательно.

Теперь пожимать плечами пришлось стражнику.

Как только дверь камеры за ним закрылась, Элайн написала обо всём, что удалось узнать, и велела немедленно отправить письмо в Рауссборг с лучшим из столичных голубей. Над крышами ещё держался вечерний свет, и птицу выпустили без промедления. Несколько мгновений она кружила над тюремным двором, затем легла на нужное направление и быстро исчезла вдали.

Теперь оставалось только ждать. Даже если Асвер решит не приезжать, ответ из столицы всё равно должен был прийти голубем бургомистру. Но когда именно это случится и сколько времени Хранителю Мудрости потребуется на дорогу, она не представляла.

Поэтому утром следующего дня Элайн спокойно села завтракать.

Она уже почти закончила, когда снаружи раздался быстрый стук копыт. Через несколько мгновений в дом вбежал запыхавшийся гонец от бургомистра.

— Фрейа Кусланд! В Ратуше вас ожидает Хранитель Мудрости!

Элайн застыла с куском хлеба в руке.

— Уже?

— Так точно, фрейа.

И ускакал.

Так быстро она ещё никогда не собиралась.

С Кермундом Элайн чуть не поссорилась. Он сидел в подвале над чертежами Быстрой Двери и с порога заявил, что сегодня никуда не поедет. Одна из медных дуг на его рисунке никак не желала правильно соединяться с другой, и бросить их в таком состоянии он считал совершенно невозможным.

Объяснять пришлось на повышенных тонах.

Когда Кермунд наконец понял, что речь идёт о дворецком Феррена Лютрига — том самом человеке, который заказывал разбитое зеркало, — его нежелание покидать лабораторию исчезло мгновенно. Вместо этого возникла новая проблема: Кермунд попытался одновременно переодеться, собрать пачку чистого пергамента, налить чернила в дорожную чернильницу и проверить что-то в толстом справочнике.

Чернильницу Элайн у него отобрала. Пергамент сунула ему под мышку. Справочник пришлось закрыть почти силой.

Собственной лошади у Кермунда не было, поэтому до ратуши они отправились вдвоём на Андерсе. Элайн сидела в седле и держала поводья, Кермунд устроился позади, одной рукой цепляясь за заднюю луку, а другой прижимая к груди свои бумаги. Андерс сразу дал понять, что

подобный способ передвижения не одобряет: прижал уши и всю дорогу шагал с оскорблённым достоинством.

Возле самой ратуши Кермунд попытался спешиться прежде, чем конь окончательно остановился. Нога зацепилась за край седла, бумаги съехали набок, и он едва не последовал за ними. Удержаться удалось лишь чудом и обеими руками.

В кабинете бургомистра их уже ждали Асвер Кониг, Петер Кентерс и Джарвис.

Дворецкий сидел на стуле возле длинного стола и внимательно рассматривал собравшихся. Он был чист, аккуратно причёсан и выглядел скорее приглашённым для деловой беседы, чем человеком, проведшим ночь в тюрьме. Кентерс сдержал слово: Джарвиса не били, не запугивали и не подвергали обычным способам сделать заключённого разговорчивее.

— Одн Асвер! — воскликнула Элайн. — У вас появились волшебные лошади? Как вы успели добраться сюда так быстро?

— Быстрая Дверь, фрейа. Быстрая Дверь, — с лёгкой улыбкой ответил Асвер. — В Раусборге существуют Быстрые Двери, ведущие во все крупные города Империи.

— Священная Десятка! — ахнул Кермунд. — Но это же лирн! Вы потратили… - он поднял глаза к потолку, видимо для того чтобы подсчитать точную цифру.

— Быстрые Двери создавали не для того, чтобы экономить лирн, — перебил его Асвер. — В данном случае я счёл сведения достаточно важными, чтобы не тратить пять дней на дорогу верхом.

— Но ведь…

— Хватит. Давайте приступим, Кермунд.

Возражение умерло, так и не успев оформиться.

Асвер занял место во главе стола и достал из кармана свиток. Развернув его, он положил перед собой несколько плотно исписанных листов, а рядом — кристалл лирна.

При виде списка вопросов лицо Кермунда вытянулось. У Хранителя Мудрости, оказывается, был подготовлен план, что именно надо спрашивать.

У него самого не был готов даже первый вопрос.

— Хранитель, могу я сесть за стол? — поспешно спросил он. — Мне понадобится записывать ответы и, возможно, составлять дополнительные вопросы.

— Разумеется.

Кермунд устроился напротив Джарвиса, разложил пергамент и торопливо открыл чернильницу. Кентерс остался стоять у стены, скрестив руки на груди. Его лицо ясно показывало, что происходящее он считает лишь досадной задержкой перед настоящим следствием.

Асвер посмотрел на дворецкого.

— Итак, господин Джарвис Ламберт. Сейчас вы подвергнетесь действию заклинания Высшей Правды. Вы готовы?

Джарвис пожал плечами.

— Готов.

Асвер зажал кристалл между пальцами. На мгновение тот вспыхнул, и короткий отблеск скользнул прямо в лицо Джарвиса.

Хранитель опустил взгляд на первый лист.

— Какие параметры зеркала передал вам Феррен Лютриг, когда приказал его приобрести?

* * *

Когда за Джарвисом закрылась дверь, Асвер отодвинул исписанные листы и устало провёл ладонью по лицу.

— Теперь я бы не отказался поесть. Сегодня я почти не завтракал: слишком много времени ушло на настройку Быстрой Двери. Хотел попасть в Сонсборг как можно скорее.

Кентерс, уже собиравшийся выйти вслед за стражниками, задержался у двери.

— Одн Асвер, разрешите прежде уточнить. Ламберта я пока оставлю под стражей как временно задержанного — до приезда Главного Шерифа Империи.

Хранитель Мудрости только махнул рукой:

— Разумеется. Шериф прибудет обычным порядком и сам решит, что с ним делать дальше. Всё, что касается расследования покушения, — уже ваша с ним забота.

Кентерс коротко кивнул.

— И ещё, господин Кентерс. Распорядитесь изъять лекарства, которые Ламберт вынес из дома Лютрига, и сохранившиеся бумаги на зеркало.

— Сегодня же. Всё будет внесено в опись.

— Прекрасно.

— Тогда, с вашего разрешения, я пойду оформлять допрос как полагается.

Кентерс вышел и осторожно прикрыл за собой дверь, словно боялся потревожить оставшиеся в комнате слова.

Асвер оглядел заваленный бумагами стол.

— Может быть, закажем что-нибудь из ближайшего трактира прямо сюда?

Элайн посмотрела на три стула, чернильницу, свитки и теснившуюся на краю стола стопку чистого пергамента.

— Не думаю, что этот кабинет годится для обеда. Здесь и без супа тесно, а никаких удобств всё равно нет.

— Вы предлагаете поехать в трактир? — Асвер приподнял бровь. — Высшему Хранителю не стоит там появляться. К вечеру весь Сонсборг будет знать, сколько кружек я выпил и с кем говорил. Высший Хранитель – и в трактире!

— Я предлагаю пообедать в доме Херсира Империи, — усмехнулась Элайн. — В таком случае любые толки будут только благоприятными.

— Для херсира? — улыбнулся Асвер. — Или для Хранителя Мудрости?

— Для обоих – вернула ему улыбку Элайн.

* * *

Густой куриный суп и тушёное мясо залитое белым соусом, съели почти молча. Над мисками поднимался пар, серебряные ложки негромко позвякивали о края, а мягкое мясо легко расходилось под ножом. Разговор прерывался лишь просьбами передать салфетку или долить вина.

Только когда Линва унесла опустевшие блюда и поставила на стол горячее вино с пряностями и сладкий медовый пирог, Кермунд наконец заговорил:

— И всё-таки с фундучным маслом я угадал. Феррен тоже поливал своё зеркало каким-то составом. Готов спорить, там был лирн.

Асвер сделал небольшой глоток и поставил кубок перед собой.

— Вы угадали лишь в том, что жидкий состав действительно мог понадобиться. Что находилось в бутылке Лютрига, мы пока не знаем.

Кермунд недовольно засопел, но спорить не стал.

— Зато мы знаем другое, — продолжил Асвер. — Зеркало, в которое смотрелась госпожа Элайн, не разбивалось. Зеркало Лютрига тоже считалось небьющимся: мастер, осматривавший осколок, утверждает, что при изготовлении в стекло добавляли лирн. Обычным способом разбить такое зеркало почти невозможно.

Элайн задумчиво повела пальцем по тёплому боку кубка.

— Вы хотите сказать, что и в моём зеркале мог находиться лириус?

— Что такое лириус? — немедленно спросил Кермунд.

— В моём мире так называют вещество, почти полностью похожее на ваш лирн. Только лириус, насколько мне известно, не реагирует с водой. Меня, например, поили зельем, в котором он был.

Кермунд замер, не донеся кусок пирога до рта.

— Не реагирует с водой? И его можно принимать внутрь?

Его глаза загорелись.

— Это же какие возможности открываются! Надо будет попробовать напоить жидким лирном… кого-нибудь. Лошадь! Вот!

— Только попробуй напоить этим хоть одну лошадь, Кермунд, — предупредила Элайн. — Я тебе собственноручно уши оторву!

Кермунд невольно дотронулся до одного уха.

— А почему сразу мои?

Асвер слегка хлопнул ладонью по столу.

— Опыты на лошадях вы обсудите в другой раз. Желательно никогда. Вернёмся к зеркалам.

Он подвинул к себе кубок, но пить больше не стал.

— Предположим, перед нами два зеркала в разных мирах. В стекле одного содержится лирн, в стекле другого мог находиться тоже лирн. Ну или лириус. Кроме того, Лютриг обрабатывал своё зеркало неизвестной жидкостью. Если в ней действительно был лирн, он мог таким способом дополнительно усилить свойства стекла перед заклинанием.

— Именно это я и сказал, — немедленно вставил Кермунд.

— Нет. Ты сказал, что уверен. Я сказал: «если».

Кермунд откусил пирог и с набитым ртом пробормотал:

— Джарвис сам слышал, как хозяин хвастался, что открыл окно в другой мир. Остолоп… В какой мир? Каким заклинанием? Как долго это окно оставалось открытым? Ничего не знает.

Асвер дождался, пока он прожуёт.

— Феррен не посвящал слугу в свои открытия.

— А зря.

— Я бы тоже не стал посвящать слугу в подобные вещи. Особенно если помимо опытов с зеркалами, занимался ещё и чем-то весьма сомнительным.

— Вы про статуэтку? — спросила Элайн.

— Именно. Чёрный оникс, горбатая фигура с крыльями. Лютриг поставил её возле зеркала и выгнал Джарвиса. Потом сам приказал ему принести жаровню. Когда Джарвис вернулся, статуэтки уже не было, а Лютриг плескал на стекло неизвестную жидкость. Мне очень хотелось бы понять, было ли всё это частью одного опыта.

— Порталы и статуэтки? — Кермунд покачал головой. — Вряд ли.

Асвер нахмурился и посмотрел в тёмную поверхность вина.

— Давно, ещё в юности, я читал какую-то старую книгу о демонах и их изваяниях. Кажется, там упоминались отражения демонов… или статуи, связанные с отражениями. Точнее уже не помню. Подобные вопросы никогда не относились к моим научным интересам.

Элайн перевела взгляд с него на Кермунда.

— О вашей Священной Десятке и Небесных Хранителях я знаю. Но о демонах мне до сих пор никто не рассказывал.

Асвер и Кермунд почти одновременно помрачнели. Кермунд даже отложил недоеденный пирог.

— Небесные Хранители пребывают над горизонтом, в Священных Чертогах, — медленно произнёс Асвер. — Демоны же обитают под горизонтом, там, куда человеческий взор вообще не должен проникать.

— И каждое упоминание о них словно зовёт их в наш мир, — тихо добавил Кермунд.

— Особенно если назвать демона по имени, — подтвердил Асвер. — Поэтому разговоры о них не приветствуются, а призывы запрещены. И, пожалуй, мы уже сказали достаточно.

Он сложил у груди пальцы в священный знак.

На несколько мгновений за столом стало тихо.

— Но книгу я всё-таки найду, — продолжил Асвер. — Как только вернусь в столицу. Слишком многое здесь совпадает. В личных покоях покойного Императора тоже находилось большое зеркало. Зеркало Лютрига разбилось так, как не должно было разбиться. Сам Лютриг выбежал из подвала обезумевшим от страха, исчез — и его тело до сих пор не найдено.

Он медленно повернул кубок между ладонями.

— Я уже однажды не сумел объяснить, что именно произошло с покойным Императором. Второй раз от подобных совпадений отмахиваться не стану.

Асвер помолчал, а затем посмотрел на Кермунда:

— Теперь о твоей работе. Я хочу увидеть, насколько продвинулся проект портала.

— Чертёж управляемой Быстрой Двери готов, Хранитель. Теперь её нужно собрать и дождаться зеркала.

— Покажешь мне чертёж сегодня же. А зеркало уже заказано?

— Ещё нет. — Кермунд отщипнул от пирога маленький кусочек. — Я умею рассчитывать магические потоки, но совершенно не представляю, как заказывают огромные небьющиеся зеркала.

— В сохранившихся бумагах указана полная цена, — заметил Асвер. — Сто пятьдесят марок. Заказчиком назван просто Феррен Лютриг.

Кермунд перестал щипать пирог.

— Сто пятьдесят? Тогда из присланных ста семидесяти на всё остальное остаётся двадцать.

— Его Величество выделял деньги, не зная точной стоимости — сказал Асвер. — Судя по всему, он рассчитал довольно близко. Лирн у тебя уже есть, а остальные расходы придётся считать внимательнее.

— Латунь, медь, работа кузнецов… — начал перечислять Кермунд, загибая пальцы.

— С Быстрой Дверью будешь разбираться ты, — перебила его Элайн. — А зеркалом займусь я. Его заказывал Орвальд, бумаги сохранились. Так что я думаю, что заказать зеркало вполне возможно.

Асвер посмотрел на неё и улыбнулся:

— Тогда за зеркало я спокоен.

Элайн обхватила ладонями тёплый кубок.

— И совершенно правильно.

Глава 13.

Заседания Совета проходили за длинным столом из тёмного дуба. Сегодня почти всю его середину занимала развёрнутая карта Империи, прижатая по углам тяжёлыми бронзовыми чернильницами. На юге лежал Сутлан, в центре — Кинлан, дальше к северу тянулся Норлан. Коррилен темнел на юго-западе, всё ещё оставаясь бывшей, а не действующей провинцией.

Торин сидел во главе стола. Молодой, худощавый и стройный, он казался особенно юным рядом с людьми, которые служили Империи задолго до его рождения. Под носом уже заметно темнели усы, а длинные тёмные волосы закрывали уши, которые он не любил выставлять напоказ.

— Итак, — продолжил Император, положив палец на южную часть карты, — я получил хорошие известия. Великий Херсир Вильф Вудрен сообщает, что остатки смуты в Сутлане окончательно уничтожены. Его победоносные полки уже возвращаются в столицу. Поэтому первое, что нам предстоит решить сегодня, — где именно мы их используем.

Эймунд Хьяртилл чуть выпрямился, хотя выпрямляться ему, казалось, было уже некуда. Седина выбелила волосы Хранителя Войны, а годы избороздили лицо, но так и не согнули спины.

— Ваше Величество, полагаю, этот вопрос не требует решения всего Совета. Мы можем обсудить его в рабочем порядке, когда полки Вудрена подойдут к столице. Тем более что мы уже говорили об этом позавчера.

Торин очень внимательно посмотрел на него.

— Позавчера мы говорили исключительно о квартировании и снабжении. Но не о дальнейшем применении этих войск.

Он передвинул палец с Сутлана к середине карты.

— По дорогам Кинлана до сих пор бродят шайки — от десятка оборванцев до целых отрядов. Пока они грабят людей в самом сердце страны, смута не закончена. Я намерен вычистить её из Империи окончательно.

— А Норлан? — спросил Тородд Занпарг. — Там уже всё спокойно?

Хранитель Казны постоянно потел. Его круглые румяные щёки блестели, точно яблоки, которые для пущей красоты натёрли рукавом. Бороду он не теребил лишь потому, что бороды у него не было, зато платок он почти не выпускал из рук.

— Нет, — ответил Торин. — Шаек там больше нет, но крупнейшие торговые дома оказывают глухое и упорное сопротивление. Об этом у меня есть надёжные сведения из первых рук. Вы, Тородд, должны представить мне полный разбор: что именно их не устраивает в имперских пошлинах и насколько их требования можно удовлетворить без ущерба для остальных провинций.

Тородд промокнул лоб.

— Вы предлагаете ввести для Норлана особые пошлины? Это будет слишком явной поблажкой, Ваше Величество. Остальные провинции тоже захотят пересмотреть налоги. А казна который год наполняется крайне плохо. Снижение пошлин только усугубит…

— Тородд, вас назначили Хранителем Казны не для того, чтобы вы жаловались, как плохо она наполняется, — перебил Торин. — Вы должны наполнять её в должной мере и в должные сроки. Если хотите получить обильный урожай, землю следует поливать, а не выдирать из неё всё, что можно и чего нельзя.

Тородд надул щёки.

Молодой Император оказался вовсе не тем простаком, который получил трон слишком рано и должен интересоваться главным образом охотой, пирами и развлечениями. Хуже того, Торин имел крайне неприятную привычку проверять исполнение собственных распоряжений.

При прежнем Императоре Хранителю Казны жилось гораздо вольготнее.

— Хорошо, Ваше Величество. Я постараюсь.

— Не надо стараться, Тородд. Надо делать.

Уроки Элайн не прошли даром.

Тородд опустил глаза и снова приложил платок ко лбу.

— И ещё, — продолжил Торин. — Мне нужен полный свод доходов и расходов Империи за текущий год.

Последний удар пришёлся точно в сердце.

— Но это же огромный труд, Ваше Величество! — воскликнул Тородд. — Либо свод, либо разбор пошлин Норлана. Одновременно подготовить и то и другое…

— Либо вы работаете на своём посту, либо не работаете. Спорить со мной будете после того, как оба документа лягут на мой стол.

Тородд умолк. Судя по его лицу, спокойная жизнь не просто закончилась, а была отменена отдельным императорским указом.

Торин перевёл взгляд на Моди Густафса. Хранитель Короны рассматривал Тородда с живым интересом, в котором казначей напрасно стал бы искать сочувствие.

— Моди, пока меня не было, вы не позволили смуте снова поднять голову. Теперь пришло время изгнать её окончательно. Что вы можете предложить?

Моди не ответил сразу. Он посмотрел на карту, провёл взглядом по дорогам, сходившимся к столице, и только затем поднял глаза на Императора.

— Изгонять смуту нужно было ещё вчера. Но раньше у нас не было необходимых сил, а теперь полки Вудрена можно использовать для очистки Кинлана. Разумеется, после того, как люди отдохнут, а войска получат всё необходимое.

— Вот это вы с Эймундом и решите.

Торин повернулся к Хранителю Законов.

— Вестейн, сколько времени вам понадобится, чтобы подготовить поправки к законам о мятежниках?

Вестейн Стейнмод провёл пальцами по редкой бородке.

— А разве закон нуждается в поправках? — просипел он.

Вестейн всегда говорил так, будто уже много лет страдал от жесточайшей простуды и ни один лекарь не мог ему помочь.

— Нуждается, — ответил Торин. — Вешать всех подряд — расточительство. Казнить следует тех, кто убивал людей. Тех, кто сдастся добровольно и не будет уличён в убийствах, отправлять на рудники, расчистку дорог и восстановительные работы.

Вестейн пожевал губами.

— Потребуется установить срок добровольной сдачи и порядок разбора вины. Иначе каждый пойманный с оружием объявит, что как раз шёл сдаваться.

— Разумеется.

— Тогда вы правы, Ваше Величество. С нужными уточнениями поправки можно подготовить достаточно быстро. Я распоряжусь об этом сегодня же.

— Отлично.

Палец Торина двинулся дальше по карте и остановился на юго-западе.

— Теперь главный вопрос. Когда мы будем возвращать Коррилен?

За столом стало тихо.

Все знали, насколько остро Империи требовался лирн. И все прекрасно понимали, во что за годы превратился Коррилен. Там не существовало ни единой власти, ни единой армии, которую можно было разбить в одном сражении. У каждого города был свой хозяин, у каждого рудника — свой начальник, а у каждого достаточно большого отряда — вождь, считавший себя правителем.

Торин обвёл Хранителей взглядом.

— Неужели никому нечего сказать?

Эймунд медленно положил ладонь на край карты.

— Ваше Величество, это чрезвычайно сложная задача. Коррилен нельзя вернуть одним походом. Там некому предъявить требования и не с кем заключить мир от имени всей провинции. На одном заседании мы не успеем разобрать даже половину вопросов, без которых нельзя начинать кампанию.

— Я не прошу представить мне подробный план прямо сейчас… — Торин умолк и слегка нахмурился. — Нет, я неправильно выразился. Я требую начать подготовку к возвращению Коррилена. А первым этапом подготовки должна стать разработка подробного военного и политического плана. Теперь меня услышали все?

Моди чуть приподнял руку, собираясь что-то сказать, но почти сразу опустил её. Возразить против подготовки плана было невозможно, не признав одновременно, что Коррилен следует оставить навсегда.

Император улыбнулся:

— Вижу, возражений нет. И вижу, что сама мысль о Коррилене вас пугает. Но я не собираюсь начинать большую войну. Сначала мы вернём небольшой участок земли и несколько шахт. Наладим собственные поставки лирна. Пусть поначалу его будет немного, зато он будет нашим.

Асвер Кониг до этого слушал молча. Сухощавый, подтянутый, в простой тёмной одежде, он больше походил на учёного, которого ненадолго оторвали от интересной работы ради государственных дел. На происходящее Асвер смотрел с выражением человека, которого уже мало что способно удивить, но который всё ещё искренне надеется, что мир однажды постарается как следует.

— Даже небольшой постоянный запас даст нам возможность впоследствии действовать гораздо решительнее — сказал он. — Лирн, который мы получили благодаря Элайн и Кермунду…

— Не забывайте, там был и я! — рассмеялся Торин.

Асвер едва заметно улыбнулся.

— Разумеется, Ваше Величество. И благодаря вам. Но этот запас не бесконечен. Увы, его дно уже видно — особенно после того, как часть лирна была выделена на создание портала.

— Кстати, Асвер, как продвигается это создание портала?

— Быстрая Дверь уже построена. Нужное зеркало прибыло несколько дней назад, и Кермунд приступил к опытам. Думаю, к концу недели я смогу представить первые внятные результаты.

— Отлично.

Слово прозвучало как положено, но радости в голосе Торина почему-то не было. Он провёл ладонью по лицу, словно хотел стереть с него невольно проступившее выражение, и снова выпрямился.

— Остался последний вопрос. Я считаю, что официальная коронация должна состояться через две недели. К этому времени Вильф Вудрен как раз вернётся в столицу. Победитель смуты обязан присутствовать.

Моди медленно вдохнул.

— Две недели — слишком короткий срок, Ваше Величество.

— Хорошо. Даю три.

— Боюсь, трёх недель будет тоже недостаточно.

— За три недели я с Кермундом и Элайн прошли западные земли и вернулись в Империю, Моди. Думаю, за тот же срок Хранитель Короны сумеет подготовить одну коронацию.

Моди открыл рот, но Торин не позволил ему произнести ни слова.

— Я уверен, что вы обязательно справитесь. Как всегда.

* * *

Кабинет Хранителя Войны был приспособлен прежде всего для работы. Массивный дубовый стол занимали донесения, ведомости и свёрнутые карты; от кожаных переплётов, сургуча и оружейного масла исходил привычный сухой запах военного управления.

Когда в дверях появился Вильф Вудрен, Эймунд немедленно поднялся из-за стола и первым пошёл ему навстречу.

Победитель смуты вошёл размашистым шагом, словно тесный кабинет был плацем, который следовало пересечь как можно скорее. Высокий, светло-русый, в начищенной золочёной кирасе, он улыбался широко и уверенно. Улыбка стягивала пересекавший щёку шрам, но Вудрен не пытался его скрыть. Напротив, носил с той же гордостью, что и боевые регалии.

Он протянул руку. Пожатие Эймунда, несмотря на его возраст, осталось по-военному крепким.

— Я очень рад вас видеть, Вудрен! — искренне сказал Хранитель.

— И я рад, Хранитель. — Вильф не переставал улыбаться. — Надеюсь, у вас найдутся для меня хорошие новости?

— Разумеется. Империя решила доверить вам окончательную победу над смутой.

— Значит, теперь мне предстоит разделаться с бандитскими шайками в Кинлане?

— Вы почти дословно повторили нашего Императора.

— Я не подведу Империю!

Вудрен ударил кулаком по кирасе. Золочёный металл отозвался гулким звоном.

— Вот и чудесно, херсир. Уверен, вы справитесь столь же блестяще, как справились в Сутлане.

— Я не знал поражений, Хранитель, — с торжественной скромностью объявил Вильф. — Вы совершенно правильно доверили мне это звание. Всё-таки не напрасно я остаюсь единственным херсиром Империи.

Эймунд негромко рассмеялся.

— Формально это уже не так. Но вы действительно превосходный херсир и вполне заслужили свои регалии. Кстати, по решению Императора вместо железной должностной цепи вам теперь полагается золотая.

Новость о золотой цепи, которой другой военачальник гордился бы до конца жизни, Вудрен пропустил мимо ушей. Его улыбка замерла.

— Простите, Хранитель. Что значит — «формально это уже не так»?

— Не берите в голову, Вильф. Это нисколько не умаляет ваших заслуг.

— Что именно не умаляет? Я не понимаю.

Эймунд почесал кончик носа. Он явно сказал что-то не то, но пока ещё не мог понять, что именно.

— Вы больше не единственный херсир в Империи. Вот и всё.

— А кто второй?

— Вторая, — поправил Эймунд.

— Что?

— Элайн Кусланд, королева Феннивара. Второй херсир Империи.

Вудрен несколько мгновений молча смотрел на него.

— Кто такой Элайн Кусланд?.. — начал он и осёкся. — Подождите. Вы сказали — королева?

— Именно. Элайн — женщина.

Улыбка окончательно исчезла с лица Вудрена. Плечи напряглись, пальцы легли на пояс, а шрам через щёку проступил ещё заметнее.

— Это какая-то очень злая шутка, Хранитель.

Эймунд тоже перестал улыбаться. Он ожидал удивления, возможно — нескольких вопросов, но никак не такой реакции.

— Никакой шутки здесь нет. И перестаньте так нервничать. Я решительно не понимаю, что вас расстроило.

— Херсир должен быть только один. И этим херсиром должен быть я.

Эймунд нахмурился.

— Не ведите себя как ребёнок, Вильф. Херсиров в Империи может быть столько, сколько потребуется Империи. Что вы вообще вбили себе в голову?

— Второе назначение бросает тень на мои заслуги.

— Никакой тени оно на вас не бросает. Ваши победы остаются вашими.

— Тогда я решительно не понимаю, почему это звание доверили какой-то ба… женщине. Я даже фамилии такой никогда не слышал. Кто она?

— Она оказала Императору и всей Империи услуги, которые трудно переоценить. И ради этого неоднократно рисковала своей жизнью.

— Императору? — переспросил Вудрен.

Он уже не пытался разобраться. Он накручивал себя с каждым произнесённым словом и, кажется, находил в этом мрачное удовольствие.

— И где именно она оказывала ему эти услуги? В спальне?

Глаза Эймунда сверкнули.

— Вы забываетесь, херсир! Вы только что оскорбили другого херсира Империи и поставили под сомнение решение самого Императора. Не испытывайте моего терпения!

— Значит, всё именно так, как я подумал?

— Нет! — рявкнул Эймунд. — Она воин. Причём воин получше вас!

Он понял, что сказал лишнее, ещё прежде, чем закончил фразу. Но забирать слова обратно было поздно.

Кровь отхлынула от лица Вудрена. Даже шрам на щеке будто побледнел.

— Вы издеваетесь надо мной, Хранитель.

— Я не…

— Я этого так не оставлю. Сам выясню, кто она такая и чем заслужила своё звание.

Вильф развернулся на каблуках и, не дожидаясь разрешения уйти, стремительно вышел из кабинета. Его шаги тяжело прогрохотали по коридору, звякнули пластины доспеха, а затем дверь захлопнулась.

Эймунд некоторое время смотрел ей вслед.

«Великий Лайен! Только обиженного победителя смуты нам и не хватало для полного счастья».

Теперь придётся говорить с Торином. И как можно скорее.

* * *

Элайн сидела за столом в своём кабинете и уже в который раз перечитывала письмо, доставленное из голубятни бургомистра.

Узкая полоска бумаги лежала между раскрытым Сводом законов и сборником старых преданий. Текста на ней было немного, и понять его иначе было невозможно:

«Херсир Империи Элайн Кусланд официально приглашается на коронацию Императора Хорманнской Империи Торина Тосеролена».

Ниже стояла дата. До коронации оставалось десять дней. Дорога до Рауссборга занимала шесть, поэтому на сборы у Элайн оставалось не больше четырёх.

Содержание письма было предельно ясным. Гораздо труднее оказалось решить, что с ним делать.

Элайн совершенно сознательно уехала от Торина в Сонсборг. Не из обиды и не потому, что хотела разорвать с ним отношения. Ей просто казалось, что расстояние даст возможность остыть его чувствам.

Разумеется, она не ожидала, что это произойдёт за несколько дней. Однако Торин не писал ей писем с просьбами вернуться, не присылал гонцов и не являлся в Сонсборг собственной персоной. Он был Императором и при желании мог найти сотню способов снова вторгнуться в её жизнь, но не воспользовался ни одним.

Значит, дело понемногу шло на лад.

Торин мог предпринимать что угодно — взаимности в том смысле, на который он рассчитывал, ему от неё не видать. И всё же стоило признать: среди мужчин такого друга у неё раньше никогда не было. Торин умел быть упрямым, самонадеянным и временами совершенно несносным, но он оставался самым лучшим другом.

И теперь нужно было решить, ехать на его коронацию или нет.

Не приехать означало не просто обидеть Торина. Элайн носила звание херсира Империи, и её демонстративное отсутствие заметили бы все. Зато приезд мог снова раздуть надежды на отношения, которые, как ей хотелось верить, уже начали угасать.

Оба решения были неприятными. Но одно всё-таки было хуже другого.

Элайн разгладила бумагу ладонью и ещё раз прочитала короткое приглашение.

Нужно будет ехать.

Возможно, снова придётся объяснять Торину, что он прекрасный друг, но не более того. Впрочем, это объяснение он уже слышал. Объяснять же, почему она не приехала на его коронацию, оказалось бы гораздо труднее.

Значит, решено.

По крайней мере, дорога позволит ей ненадолго отвлечься от книг и от суеты, которую Кермунд развёл в подвале.

Нельзя было сказать, что он не добился результатов. Напротив, результаты появились удивительно быстро — просто совсем не те, которых ждала Элайн.

Сначала в зеркале, помимо отражения самого Кермунда, начали проступать далёкие участки неба и тёмные очертания гор. Они возникали без всякого порядка, держались несколько мгновений, а затем исчезали, снова уступая место растрёпанному учёному, свечам и каменным стенам подвала.

Самым большим успехом стал день, когда в зеркале показался Ледяной Клык — высочайшая вершина Морозных гор и один из символов Норлана. Спутать его с другой горой было невозможно.

Кермунд вопил от восторга так, будто его резали живьём. Элайн сбежала в подвал, уверенная, что там произошёл взрыв, обвал или по меньшей мере очередное открытие, несовместимое с человеческим здоровьем.

Оказалось, всё было хорошо.

Второй раз Кермунд орал ещё громче, когда ему удалось с помощью Быстрой Двери снова найти ту же вершину и удержать её изображение. По склонам двигались облачные тени, над пиком менялся свет: зеркало показывало происходящее там в эту самую минуту.

Картина больше не гасла через несколько мгновений и не расплывалась, стоило ему отойти от рамы.

На этот раз рядом с ним радовалась Линва. Она хлопала в ладоши и подпрыгивала так, словно тоже имела непосредственное отношение к расчётам, лирну и медным пластинам.

Впрочем, в последнее время Элайн начала подозревать, что уроки грамоты, которые Кермунд давал Линве, постепенно превратились в нечто большее, чем просто уроки.

Во-первых, занятия грамотой всё чаще продолжались гораздо дольше положенного часа. Во-вторых, стоило Элайн спуститься в подвал и спросить, куда запропастилась её фрей-

лина, как Линва начинала краснеть и с чрезвычайным усердием водить пальцем по строчкам. Настолько усердно, что сразу становилось понятно: написанное в книге занимало её сейчас далеко не в первую очередь.

Наконец, существовало и самое веское доказательство: Кермунд совершенно перестал кричать на Линву и употреблять при ней слова, изначально не предназначенные для обучения грамоте.

Поначалу Элайн собиралась поговорить с девушкой. Потом присмотрелась внимательнее и решила не вмешиваться. Линва не выглядела ни испуганной, ни несчастной. Напротив, в последнее время она улыбалась гораздо чаще.

В конце концов, оба были взрослыми людьми. А то, что за Кермундом присматривала хорошая девушка, могло пойти его работе только на пользу. Возможно, со временем он научится получать из зеркала не только изображения гор, но и что-нибудь действительно полезное для возвращения Элайн домой.

Дверь открылась, и в кабинет вошла Линва. Присев в аккуратном книксене, она сообщила:

— Леди, обед готов.

— Замечательно. После обеда поднимись ко мне в спальню. Мне нужно собраться в дорогу. Я еду в Раусборг на коронацию.

— Да, леди.

Линва снова присела и быстро вышла, направляясь в столовую.

Элайн посмотрела ей вслед и вздохнула.

Фрейлину она собиралась оставить в Сонсборге. Кто-то должен был присматривать за домом, принимать сообщения и следить, чтобы Кермунд в приступе научного вдохновения не забыл поесть, поспать или потушить жаровню.

Другой служанки Элайн так и не наняла. Линве приходилось совмещать обязанности фрейлины и горничной, но ради временной жизни в Олленхале Элайн не собиралась заводить большой штат.

Но это означало, что Линва и Кермунд останутся без неё.

Может быть, всё-таки стоило поговорить с девушкой, пока ещё было время?

И с Кермундом заодно. В конце концов, то, о чём она подумала — в одиночку не делается.

Глава 14

День начался не слишком удачно. Одеваясь, Цуннэс обнаружила, что штаны, ещё недавно свободно сходившиеся на талии, теперь застёгиваются лишь после заметного усилия. Она втянула живот, потянула плотную ткань обеими руками и наконец справилась с упрямой пуговицей.

Пришлось честно признать: она поправилась.

«Вот так. Всё имеет свою цену, — невесело подумала Цуннэс. — Даже за спокойную жизнь приходится платить. Только расплыться вширь мне ещё не хватало».

Удивляться, впрочем, было нечему. Вот уже почти месяц они с отцом жили если не в полном удовольствии, то куда спокойнее, чем прежде. Никто не гнался за ними по пятам, не пытался убить во сне и не вынуждал каждый день тратить лирн, силы и нервы.

Еды в Киринсе хватало. Вино оставалось весьма посредственным, зато хлеб подавали мягкий и свежий, сыр — плотный и душистый, мясо — хорошо прожаренное, а овощи приносили прямо с огородов. Цуннэс быстро привыкла есть досыта и не думать, когда представится следующая возможность.

Если бы на деревню нападали или вокруг постоянно возникали новые неприятности, лишняя тяжесть наверняка не успела бы отложиться у неё на боках. Но нападений не было. Вообще ничего не происходило.

Именно это и казалось странным.

Отец готовился к гораздо худшему. Когда на дороге показался первый караван, шедший из Тармора в Коррилен, Урвег и Цуннэс вышли к воротам во всеоружии. Сумки с лирном тяжело оттягивали пояса, деревенские стражники торчали на башенках с арбалетами, а сама Цуннэс заранее присматривала, кого придётся убить первым.

Караван сопровождали шестеро вооружённых охранников, но ни один из них даже не потянулся к оружию. Немолодой купец тоже вёл себя именно как торговец, а не как налётчик, решивший проверить на прочность новых хозяев Киринса.

Смена власти его удивила. Однако удивление быстро сменилось плохо скрываемым облегчением.

Урвег установил простое правило: десятая часть стоимости провозимого товара — и ни сольвера больше. Купец сначала переспросил, не ослышался ли, а затем заметно повеселел. По его словам, на некоторых заставах брали гораздо больше, причём размер побора зависел главным образом от жадности человека у ворот и его настроения в это конкретное утро. Только угроза предупредить остальных торговцев и перенести путь на другую дорогу ненадолго приводила таких хозяев в чувство.

Купцу особенно понравилось обещание, что установленная доля не будет внезапно повышена. А когда Урвег сообщил, что готов покупать нужные товары прямо в Киринсе и платить без задержек, недоверие на лице торговца окончательно уступило деловому воодушевлению.

В тот раз они забрали всю привезённую соль — тяжёлые серые мешки, от которых на досках телеги оставалась белёсая пыль. Кроме того, Урвег купил несколько арбалетов. Брать всю партию он отказался: сначала следовало проверить оружие, и лишь потом заказывать следующую.

Ткани оказались вполне добротными, но пока не нужными. Медные и серебряные безделушки Цуннэс только бегло осмотрела и велела убрать обратно. Дешёвые короткие мечи были плохо уравновешены, а кольчуги сплели наспех, оставив кое-где не заклёпанные кольца. В Коррилене, впрочем, купили бы и это.

— Там сейчас почти некому делать хорошее оружие, — объяснил купец. — Кузнецы ещё остались, но в основном латают старое. А новые мечи и кольчуги берут любые, лишь бы не голыми руками воевать.

За обедом Урвег продолжил расспросы. Купец ел охотно, налегая главным образом на хлеб и сыр, и отвечал без заметной осторожности. Политика его занимала гораздо меньше, чем состояние дорог, размер пошлин и будущая прибыль.

По его словам, серьёзных ремесленников в Коррилене почти не осталось. Кузнецы чинили оружие и подковывали лошадей, пекари пекли хлеб, пивовары варили пиво, но и те, и другие постоянно искали муку и ячмень. Для большой торговли Коррилен почти ничего не предлагал, кроме лирна, зато покупал всё подряд — от соли и ткани до самых дрянных мечей.

Расплачивались золотом или тем же лирном.

— Откуда у них столько золота? — спросил Урвег.

Купец пожал плечами.

— Грабят друг друга. Или продают лирн.

— А кто контролирует его продажу?

— В самом городе?

— В Коррилене. Разве есть другой город?

— Да, верно. Каждый раз новые люди. И каждый раз приходится спорить о цене. Стоит договориться с одними, как приходят другие и объявляют, что прежняя цена их не устраивает.

— А кто у этих людей главный?

Купец отломил ещё кусок хлеба.

— Не знаю. Мне это неинтересно. Мне нужен лирн — и всё.

Через две недели тот же караван показался на дороге снова. Телеги возвращались почти пустыми: товар в Коррилене разобрали. Зато купец привёз двадцать кристаллов лирна и без споров отдал два в счёт установленной пошлины.

Два кристалла были совсем небольшим пополнением. Они не могли заметно изменить положение Урвега и Цуннэс и уж тем более не позволяли чувствовать себя в безопасности.

Но это был лирн, который не пришлось искать в чужих сундуках или снимать с убитых. Его принесла дорога.

Значит, задуманное отцом работало.

Цуннэс подошла к окну. Над Киринсом висел серый промозглый день. Ветер шевелил голые ветви, по дворам расползалась влажная грязь, а над крышами тяжело тянулся дым. Осень уже вступала в свои права.

Отсиживаться в доме больше не получится. Придётся снова всерьёз заняться упражнениями, пока спокойная жизнь окончательно не превратила её в ленивую хозяйку чужого дома.

Оставался и другой вопрос — деревенская стража. Люди охотно брали оружие, исправно сменялись на башнях и умели выглядеть грозно перед проезжающими купцами. Но настоящими бойцами они от этого не становились. Им требовался хороший военный командир, способный научить их держать строй, действовать копьями и не разбегаться при первом серьёзном нападении.

Боевой маг здесь не заменял обычного опытного воина. Цуннэс умела одним движением рассечь человека надвое, но это ничуть не помогало объяснить десятку крестьян, как правильно сомкнуть щиты.

Следовало снова поговорить с отцом. Их неожиданное благополучие могло закончиться в любой момент, и лучше было подготовиться заранее. Цуннэс поправила тесный пояс и тяжело вздохнула.

А хлеб и сало всё-таки придётся ограничить.

* * *

Когда опустился вечер, Цуннэс и Урвег стояли на крыльце своего дома.

Теперь его действительно можно было называть своим, хотя прежний дом остался далеко в Феортане. Этот ещё недавно принадлежал Шенгесу, пах чужим деревом и хранил следы чужих привычек, но за прошедший месяц они успели обжиться и здесь.

С крыльца открывался вид на главную улицу, тянувшуюся через площадь к северным воротам. Улицу недавно вымели, хотя по краям уже снова проступала влажная грязь. Жители расходились по домам, но Киринс ещё не спал: за ставнями горел свет, возле оград переговаривались соседи, где-то стучало ведро о край колодца. В холодном воздухе смешивались запахи сырой земли, древесного дыма и готовящейся еды.

За месяц деревня не стала неузнаваемой. Между обитаемыми домами всё ещё темнели пустыри, заросшие бурьяном, некоторые дворы стояли заколоченными, а от разобранных построек остались лишь каменные основания и почерневшие брёвна.

И всё же Киринс изменился.

Хмурых лиц стало меньше. Люди уже не торопились скрыться за дверями, едва завидев новых хозяев деревни. Некоторые кланялись, другие просто продолжали заниматься своими делами, не провожая Урвега и Цуннэс испуганными взглядами.

Особенно заметно отношение жителей переменилось после того, как Урвег через Молона объявил, что три мешка соли будут поровну и бесплатно разделены между всеми семьями.

Соль вызывала почти неприличный восторг. Женщины обсуждали, сколько мяса теперь удастся сохранить, мужчины прикидывали запасы на зиму, а несколько стариков явились благодарить Урвега лично.

Жители увидели в этом неслыханную щедрость. Сам Урвег прекрасно понимал, что засоленное мясо и овощи станут не только семейными припасами, но и провиантом для его будущей армии.

Что ж, каждому своё.

Когда Цуннэс спросила, не слишком ли он балует деревенских, отец ответил:

— Щедрость необходима, дочь моя. Люди должны видеть, что с нами жить выгоднее, чем без нас. Но бездельников, желающих получать всё даром, здесь не будет.

— А чем они заплатят за соль?

— Плата не обязательно должна быть деньгами. Они заплатят людьми для нашей армии, верностью, ну и продовольствием. Деньгами тоже. Надо только придумать, как продавать им товары с проходящих караванов, чтобы мы зарабатывали и при этом не теряли их преданности.

Сейчас они просто стояли рядом, дышали холодным вечерним воздухом и смотрели, как темнота медленно заполняет улицы.

Первой неладное заметила Цуннэс.

— Смотри, отец.

Она указала на северные ворота, за которыми начиналась дорога в глубь Коррилена. Факелы на сторожевых башенках двигались. Один огонь скрылся за деревянным ограждением, второй качнулся и приблизился к краю площадки.

— Кто-то подошёл к воротам.

Урвег всмотрелся в темноту.

— Я за лирном. Ты пока оставайся здесь.

Цуннэс похлопала ладонью по маленькой сумке на поясе. В ней всегда лежал десяток кристаллов.

— Отец, сколько раз я говорила, что лирн нужно постоянно носить при себе?

Но Урвег уже скрылся за дверью.

По улице быстро протопали сапоги. К крыльцу подбежал молодой стражник в кожаной броне, с копьём в руке. Он остановился, тяжело переводя дыхание.

— Госпожа! Там у ворот мужчина и двое военных. Просят впустить. Говорят, за ними бандиты гонятся!

— Беги обратно. Ворота не открывать, пока мы сами не подойдём. Передай им, чтобы ждали.

— Ага, я понял, госпожа!

Парень развернулся и помчался обратно. Цуннэс поморщилась.

«Ага, я понял».

Он был старательным и, кажется, даже храбрым, но кожаная броня и копьё ещё не превращали сельского паренька в солдата. Ни выправки, ни точности, ни привычки повторять приказ, чтобы не перепутать его по дороге.

Эх.

Урвег вышел на крыльцо, уже застёгивая на поясе сумку с лирном.

— Пойдём посмотрим.

— Пойдём, отец.

Они спустились с крыльца и направились по главной улице к воротам. Под ногами мягко чавкала грязь, из-под навесов и от оград за ними следили встревоженные жители. На башенках стражники держали арбалеты наготове.

Подниматься наверх Урвег не стал. Он остановился перед воротами, сосредоточился, и воздух вокруг него начал мелко дрожать, словно над сильно нагретым камнем. Дрожащий Щит сомкнулся со всех сторон.

Цуннэс достала из сумки кристалл и зажала между пальцами.

— Открывайте, — приказал Урвег. — Только одну створку и не шире человеческого тела.

Тяжёлые засовы с глухим стуком легли на помост. Створка протяжно заскрипела и приоткрылась.

В щель боком протиснулся мужчина в оборванной одежде. Он сразу поднял обе руки.

— Не стреляйте! Нас… нас преследуют бандиты! Они напали на караван, почти всех убили. Мне и двоим охранникам удалось спрятаться в лесу. Помогите!

Урвег внимательно осмотрел его. Мужчина был грязен, одежда порвана, дыхание сбивалось, но оружия при нём не было. Непосредственной угрозы он не представлял.

— Передай своим людям, чтобы положили оружие на землю. После этого войдут по одному.

Торговец обернулся, просунул голову обратно в проём и торопливо заговорил с теми, кто остался снаружи. Через несколько мгновений на дороге звякнул металл.

Створку приоткрыли чуть шире. Сначала вошёл молодой охранник, потом второй — бородатый мужчина, уже начинавший стареть. Как только оба оказались внутри, ворота снова закрыли, а тяжёлые засовы вернули на место.

— На башнях зажечь ещё по два факела! — крикнула Цуннэс. — Никому не спать, смотреть в оба! Найду заснувшего — сами знаете, что будет!

На сторожевых площадках засуетились. Вскоре над воротами вспыхнули новые огни, посыпались искры, запахло горящей смолой.

Трое беглецов стояли в освещённом факелами пространстве перед воротами. Торговец выглядел хуже всех: куртка висела клочьями, лицо было измазано землёй. Молодой охранник потерял один сапог и переминался босой ногой на холодной земле. Старший держался прямо, хотя волосы прилипли ко лбу, а в бороде застряли сухие листья.

Их меч и копьё лежали снаружи, за воротами.

— Рассказывайте, — коротко приказал Урвег.

Торговец заговорил первым:

— Мы долго не могли найти место для стоянки. Потом начало темнеть, и тут из леса, откуда ни возьмись, налетели всадники. Мы попытались отбиться, но их было много!

— Шестнадцать, — глухо произнёс пожилой охранник. — Все в кольчугах.

— Да, шестнадцать! А нас было всего восемь. Что мы могли сделать?

— Я уложил двоих, мои ребята — ещё троих, — продолжил охранник тем же ровным голосом. — Потом они зашли с обоих флангов. Оставалось либо умирать на дороге, либо уходить в лес. Пятеро наших там и остались.

Торговец словно не слышал его:

— Мы побежали! А они забрали телеги и всех моих лошадей! Всё забрали!

Урвег смотрел уже не на торговца, а на пожилого воина.

— Как тебя зовут, почтеннейший?

— Энтор. Энтор Мурфорд.

Урвег кивнул и снова повернулся к купцу:

— Лирн, который ты вёз из Коррилена, тоже пропал?

Торговец замялся.

— Ну да. Его тоже… забрали. Ничего не оставили!

Энтор тяжело вздохнул и отвернулся.

Цуннэс прищурилась.

— Сейчас я применю к тебе заклинание Высшей Правды. Тогда мы точно узнаем, сколько лирна у тебя осталось. Хочешь?

Торговец попятился.

— Н-нет! Не надо. Я же вас не знаю. Не знал! Раньше здесь…

— Раньше тебя за ложь здесь бы пристрелили, — холодно сказал Урвег.

Лицо торговца задрожало.

— Не надо мне было ехать! Говорили же, что в Коррилене нет ни закона, ни чести. Теперь ещё и последний лирн отберут!

Урвег медленно обвёл взглядом всех, кто собрался у ворот: торговца, его охранников, деревенских стражников на земле и людей на башнях. Факелы дрожали на ветру, разбрасывая по лицам неровный жёлтый свет.

— Если бы этот человек сразу честно признался, что у него остался лирн, он отдал бы десятую часть, как все остальные, и спокойно пошёл дальше. Но он попытался скрыть товар и обмануть нас.

Урвег сделал паузу.

— Пусть все запомнят: за спрятанный товар мы будем брать половину. За еду и ночлег он отдельно заплатит столько, сколько назначит трактирщик. Доставай лирн.

Торговец застонал, но спорить не решился. Он полез под разорванную одежду и достал плотно набитый мешочек.

Цуннэс приняла его. По весу добыча была совсем не маленькой.

Она пересчитывала кристаллы вслух, перекладывая их из ладони в ладонь, чтобы все стоявшие рядом слышали каждое число.

Сорок.

Цуннэс едва удержалась от довольной улыбки. Половина составляла двадцать кристаллов — невероятно богатый доход за один вечер.

Она посмотрела на торговца:

— Откуда у тебя столько лирна?

— Я… я вёз в Коррилен зерно. Там зерна всегда не хватает. У них либо горькая рожь, либо мелкая полба, а у меня была пшеница. Хорошая пшеница! За неё там можно выручить много лирна.

Цуннэс отсчитала двадцать кристаллов и вернула их торговцу вместе с мешочком.

— Больше не пытайся нас обманывать. Понял?

Тот часто закивал.

Урвег позволил Дрожащему Щиту рассеяться.

— Теперь вы свободны. Можете переночевать и утром продолжить путь. Если захотите, можете остаться в деревне.

Торговец оглянулся на закрытые ворота.

— Нет… утром я всё-таки пойду. Дорога до Тармора дальше уже спокойная. А здесь можно купить лошадь и припасы?

— У тебя есть золото на лошадь?

— Золота нет. Но я могу расплатиться лирном.

— И во сколько ты его ценишь?

— Как все. Два средних кристалла за золотой флорин.

Урвег нахмурился:

— Может быть, всё-таки проверить твою правдивость заклинанием?

— Не надо! Это все знают. Все, кто торгует!

Энтор снова подал голос:

— Тут он не лжёт. Я не раз слышал такую цену.

— Хорошо, — сказал Урвег. — Я куплю у тебя по этой цене столько лирна, сколько ты захочешь продать. Лошадь и припасы выберешь и оплатишь сам. А пока иди в трактир.

Молодой охранник нерешительно переступил с ноги на ногу.

— Я бы остался здесь. Только не знаю, кто меня возьмёт.

— Найди капитана Молона, — распорядился Урвег. — Он ведает хозяйством, даст тебе занятие и покажет, где переночевать.

— Спасибо, господин.

Энтор покачал головой:

— А я пойду с хозяином. Уж простите.

— Нет, — сказал Урвег. — Ты пойдёшь со мной.

Энтор посмотрел на него без страха, но и без особой радости.

— Я не привык разбрасываться верностью. Хозяин нанял меня и от службы не освобождал.

На лице Урвега появилась улыбка.

— Ты сейчас сказал лучшее, что я слышал за весь день, Энтор. Пойдём со мной, и ты лично убедишься, что хозяин немедленно освободит тебя от найма.

Энтор вздохнул:

— И куда же я после этого денусь?

— В мои генералы. – еще шире улыбнулся Урвег.

— Куда?

— Конечно же, до генерала тебе еще далеко. Но мне очень нужны верные командиры, Энтор. Поверь, ты не пожалеешь.

— Но хозяин меня ещё не отпустил.

Урвег посмотрел на съёжившегося торговца.

— Это самая лёгкая задача из всех, которые мне приходилось решать.

Цуннэс наконец выдохнула.

День начался с тесных штанов и решения отказаться от лишнего сала, а закончился двадцатью кристаллами лирна и человеком, который, возможно, сумеет превратить деревенскую стражу в настоящих солдат.

Получилось гораздо лучше, чем она ожидала.

Глава 15

День коронации начался для Элайн неприлично рано.

Солнце едва успело подняться над горизонтом, когда в дверь отведённых ей покоев постучали — настойчиво и достаточно громко, чтобы сделать дальнейший сон невозможным.

— Кто там? — простонала Элайн, с трудом разлепив веки.

Дверь приоткрылась, и в щели показалось испуганно-почтительное лицо служанки, приставленной к ней на время пребывания во дворце.

— Простите, фрейа, но вас ожидает сам сенешаль.

Элайн приподнялась на постели. В комнате было ещё сумрачно - за тяжёлыми занавесями только начинал пробиваться сероватый утренний свет.

— Что случилось? Почему в такую рань?

— Мне не сказали, фрейа. Только велели разбудить вас. Господин сенешаль сказал, что сам всё объяснит.

Это обещало что угодно, кроме спокойного утра.

— Хорошо. Помоги мне одеться.

Служанка управилась быстро: затянула шнуровку, расправила складки платья, поправила рукава. Элайн умылась холодной водой, пригладила волосы и через несколько минут вышла в коридор.

Сенешаль дворца Руфус Мидгелл уже ждал её у двери.

— Доброе утро, фрейа Кусланд. — Он почтительно склонил голову.

— Пока не уверена, что оно доброе, — кисло отозвалась Элайн. — Особенно после такого пробуждения. Что случилось?

— Его Величество ждёт вас. Он лично попросил меня проводить вас к нему.

— В такую рань?

— Император сказал, что всё объяснит сам.

Элайн окончательно проснулась. Кажется, Торин всё-таки решил снова заговорить о своих чувствах. Она надеялась, что разлука и занятость государственными делами помогут ему успокоиться. Он не писал ей, не просил вернуться и не пытался внезапно появиться в Сонсборге. Элайн уже начала верить, что время делает своё дело.

Возможно, он поверила в это слишком рано.

Задушевные разговоры никогда не были её сильной стороной. С врагом всё было гораздо проще: можно было понять, чего он хочет, а затем ударить первым. С влюблённым юношей, которого она искренне ценила и совершенно не хотела ранить, подобные способы не годились.

— У него для вас нечто очень важное, — добавил Руфус.

— Хорошо. Идёмте.

Они миновали несколько длинных коридоров. Стража оставалась у дальних дверей, но парадная приёмная перед тронным залом была совершенно пуста. Шаги Руфуса гулко отдавались от полированных гранитных плит, и от этого пустота дворца казалась ещё глубже.

Элайн невольно замедлила шаг.

— Почему здесь никого нет?

— Император пожелал видеть только вас.

Руфус взялся обеими руками за створку огромной двери и с видимым усилием распахнул её. Толстое дерево повернулось на петлях почти бесшумно.

Элайн уже успела привыкнуть к богатству здешних дворцов, но тронный зал всё равно заставил её на мгновение остановиться.

Огромное овальное помещение окружали резные колонны из полупрозрачного зелёного камня. В их глубине словно застыли слабые искры, а золотая роспись на капителях ловила

первые лучи утра. Высоко над головой раскинулось пронзительно-голубое мозаичное небо с белыми облаками и золотым солнечным диском в самом центре. Снаружи едва наступил рассвет, но здесь царил вечный полдень.

По мраморному полу тянулся прихотливый узор из цветов. Каменные лепестки блестели после полировки и казались влажными, будто по ним только что прошёл дождь.

Зал всё ещё хранил величие Империи — то самое, которое за его стенами десятилетиями растрачивали слабые правители, неумелые советники и жадные чиновники.

На возвышении стоял огромный трон из зеленоватого хрусталя, словно освещённого изнутри. На нём сидел Торин Тосеролен, подперев щёку кулаком. В пустом зале эта поза выглядела совсем не императорской.

Увидев Элайн, он сразу поднялся и стал спускаться ей навстречу.

— Доброе утро, Элайн.

Он протянул руку. Она пожала её и почувствовала, что Торин снова задержал её ладонь чуть дольше, чем требовала обычная учтивость.

— Доброе утро, Ваше Величество. Признаюсь, я немало удивлена. Что-то случилось?

Торин нахмурился.

— Почему ты опять говоришь со мной так официально?

— Потому что мы стоим в тронном зале. Здесь очень трудно называть тебя просто Торином, Ваше Величество.

За спиной Элайн послышался глухой шорох. Тяжёлые створки сомкнулись, отрезав их от приёмной. Руфус остался снаружи.

— Так что произошло? — спросила она.

Торин провёл ладонью по волосам.

— Сегодня моя коронация.

— Я помню. Именно ради неё я проделала весь этот путь.

— После церемонии у нас уже не будет возможности поговорить наедине. По крайней мере сегодня. А возможно и завтра тоже. Здесь скоро появятся Хранители, придворные, послы, жрецы… — Он обвёл рукой пустой зал. — А сейчас мы одни.

Элайн отвела глаза.

Мастера, выкладывавшие цветы на полу, действительно были гениальными художниками. На их работу можно было смотреть очень долго — особенно когда не хотелось встречаться взглядом с человеком, стоявшим напротив.

— Другого такого случая у меня может не быть, — тихо произнёс Торин. — Пока всё ещё не началось.

Он помолчал.

— Ты знаешь, что я люблю тебя, Элайн.

Она не ответила. Молчание растянулось, заполняя огромный зал, и наконец Элайн заставила себя поднять голову.

— Торин, мы уже говорили об этом. Я не изменилась. Ведь ты тоже все знаешь.

Он опустил глаза.

— Знаю.

— Тогда зачем ты снова начинаешь?

— Я не прошу тебя остаться. И не жду, что ты передумаешь.

Это прозвучало спокойно, без обиды и почти без надежды. Элайн внимательно посмотрела на него.

— Тогда я совсем ничего не понимаю.

— Я хочу сделать тебе подарок. Напоследок.

— Напоследок?

— Я чувствую, что ты скоро уйдёшь. Кермунд найдёт дорогу в твой мир — если не завтра, то позже. И когда это случится, ты вернёшься к мужу и сыну. И забудешь про меня.

— Дурачок, — негромко сказала Элайн. — Я никогда тебя не забуду. Ты сделал для меня не меньше, чем я для тебя.

Она снова оглядела пустой зал.

— Но почему здесь? И почему обязательно на рассвете?

Торин слегка улыбнулся.

— По-моему здесь очень красиво.

— Здесь великолепно. Настолько, что мне с каждой минутой становится всё тревожнее.

Улыбка на его лице стала чуть заметнее.

— После коронации всё, что Император вручает человеку в тронном зале, должно будет превратиться в государственное дело. Появятся свидетели, записи, советники, церемониймейстер…

— А сейчас?

Торин не сразу ответил.

— А сейчас я ещё могу позволить себе сделать поступок не только как Император.

Вот теперь тревога Элайн стала вполне определённой.

Торин достал из-за пояса свиток и протянул ей.

Лист плотной веленевой бумаги был сложен в несколько раз и перевязан тонким шнуром. Внизу темнела личная печать Торина.

Элайн развернула свиток.

"Податель сего документа, херсир Империи Элайн Кусланд, действует от моего имени и находится под моей личной защитой.

Император Хорманнской Империи Торин Тосеролен."

Она перечитала текст дважды.

Несколько коротких строк весили больше золотой цепи, сундука серебра или жалованной земли.

Предъявив этот свиток, она могла потребовать людей у военного начальника, открыть запертые ворота, войти туда, куда её не собирались впускать, заставить местного казначея выдать деньги, а смотрителя императорского хранилища — отпустить предназначенный для других нужд лирн. Почти любой чиновник сначала исполнит её приказ и лишь потом осмелится спросить, действительно ли этого хотел Император.

Высшие Хранители наверняка подчиняться не станут. Они примут свиток к сведению — и немедленно отправятся прямо к Торину.

А отвечать за всё, что сделает Элайн, придётся ему.

Она медленно подняла глаза.

— Это безумие, Торин.

— Почему?

— Не притворяйся, что не понимаешь. Ты даёшь мне право говорить от твоего имени. Я смогу заставить твоих людей исполнить почти любой приказ, пока кто-нибудь не доберётся до тебя и не спросит, действительно ли ты этого хотел.

— Именно поэтому я отдаю свиток тебе.

— Это не ответ.

— Другого ответа у меня нет.

Элайн снова посмотрела на подпись.

— С его помощью я могу натворить такого, что тебе придётся либо оправдывать мои поступки перед всей Империей, либо публично объявлять собственную грамоту недействительной.

— Неужели я в тебе ошибся? — спросил Торин. — Ты намерена вредить моей стране?

Она замолчала.

Ради возвращения к Малькольму и Роланду Элайн была готова зайти очень далеко. Гораздо дальше, чем следовало бы сообщать молодому Императору, который вручал ей собственную власть в нескольких строчках на веленевой бумаге.

И если уже совсем честно, то Империя сдержала данное ей обещание. Торин выделил деньги, лирн и людей, хотя всё это было нужно его собственной стране. Элайн могла спорить, давить, угрожать и пользоваться чужими ошибками, но тем не менее она точно знала - сознательно разрушать то, что Торин пытается восстановить, она не будет.

— Ты уверен, что свиток действительно поможет мне закончить портал? — спросила она.

— Он очень поможет тебе, если найдутся люди, которые решат помешать. Я теперь не могу быть рядом с тобой... как раньше.

Элайн насторожилась.

— А что, такие люди уже есть?

— Если ты королева, то прекрасно знаешь: всегда найдутся те, кому не понравится тот или иной государственный замысел.

— Одно дело знать, что они существуют. Другое — знать их поимённо.

В голосе Торина появилась холодная властность:

— Я над этим работаю.

Перед ней снова стоял Император. Молодой, неопытный, способный ошибаться — но уже привыкший к тому, что его решения становятся чужой судьбой.

— Эймунд предупреждал тебя об опасности таких подарков? — спросила Элайн.

— Да.

— И он знает об этом свитке?

— Нет.

— Руфус?

— Он знает только, что я приказал привести тебя сюда. Содержание свитка ему неизвестно.

— Значит, никто?

— Только мы с тобой.

Элайн сложила документ, но не убрала его.

— Тогда выслушай меня внимательно, Торин. Обещаю, что если я приму свиток, то воспользуюсь им только ради работ над порталом и возвращения домой. Я не стану вмешиваться с его помощью в управление Империей. И никогда не обращу данную тобой власть против твоего прямого приказа.

Торин смотрел ей в глаза.

— Благодарю. Мне достаточно твоего слова.

— Тебе не должно быть достаточно одного слова. Ты Император.

— Именно поэтому мне приходится решать, чьего слова достаточно, а чьего нет.

Ответ был разумным. И всё же Элайн видела, что за этой разумностью скрывается решение, принятое вовсе не одним государственным рассудком. Его чувства к ней были определяющими.

Она ещё раз взглянула на свиток.

— Ты очень рискуешь.

— Знаю.

— Тогда почему?

Торин едва заметно усмехнулся, повторяя её прежнюю интонацию:

— Ведь ты тоже всё знаешь.

Элайн не нашлась с ответом.

Он отвернулся и посмотрел на зелёный хрустальный трон.

— Я не могу дать тебе то, чего хотел. Но, может быть, смогу помочь тебе вернуться туда, где ты будешь счастлива.

Теперь в его голосе не было просьбы. Только печаль человека, который наконец признал неизбежное и решил хотя бы сам приблизить его.

Элайн бережно свернула документ.

— Ты прав. По настоящему счастливой меня сделает именно возвращение к Малькольму и Роланду, — тихо сказала она. — Но дорогу к ним помогаешь открыть ты. Этого я никогда не забуду.

Она подошла ближе, взяла Торина за руки и слегка сжала их. Затем наклонилась и коротко поцеловала его в лоб — тепло и благодарно, без обещания, которого не могла ему дать.

Торин не попытался её удержать.

Элайн сразу отстранилась.

— Спасибо тебе, Император.

— Спасибо и тебе, Королева.

* * *

Коронация прошла именно так, как и должна была пройти коронация Императора: торжественно, пышно и величественно.

Элайн невольно сравнивала её с собственной. Тогда в небольшом зале Феннивaрского замка висели только знамёна, а главным украшением служил блеск доспехов верных ей рыцарей. Здесь же золото сияло на стенах и одеждах, драгоценные камни вспыхивали при каждом движении, а позади императорского трона разместился целый хор.

Под сводами ещё долго звучало:

Честь победителю,
Страны властителю!
Император велик!
Почувствуй величие,
Солнца обличие,
Любимец народа!
Император велик!

Голоса поднимались к мозаичному небу, отражались от камня и возвращались такой мощной волной, что величие Империи начинало казаться не воспоминанием, а чем-то осязаемым.

«Что ж, будет что вспомнить, — подумала Элайн. — И я обязательно добьюсь, чтобы Феннивар занял достойное место среди остальных государств Таллара. Не знаю, сумею ли я сделать из него империю, но приложу все силы, чтобы это смог Роланд».

Она смахнула выступившую слезу.

Стоявший рядом пузатый придворный заметил это и посмотрел на неё с глубоким уважением. Вероятно, он решил, что эта рыжая женщина до слёз потрясена величием коронации.

Хорошо, что настоящую причину её слёз он узнать не мог.

После завершения церемонии гостей развели по нескольким залам дворца. Всех приглашённых не вместило бы ни одно помещение, даже самое большое, поэтому столы накрыли сразу в разных комнатах.

Сам Торин после церемонии удалился в свои покои: присутствовать на угощении он не был обязан.

Элайн отвели именно в главный пиршественный зал. По каким правилам распределяли гостей, она не знала, но подозревала, что сюда собрали самых знатных и важных — либо тех, кто сам сумел убедить распорядителей в своей знатности и важности.

Здесь оказались почти все её знакомые. У дальней стены беседовали Моди и Асвер, рядом с ними стоял Эймунд. Хасслер заметил Элайн издалека и поднял руку в знак приветствия.

Подходить к ним она не стала: каждый уже был занят разговором, а протискиваться через нарядную толпу только ради обмена несколькими любезностями не хотелось.

Длинные столы расставили вдоль стен, оставив середину зала свободной. На белых скатертях теснились серебряные блюда с жареным мясом, птицей, горячими пирогами, сыром и фруктами. В воздухе смешались запахи топлёного жира, пряностей, вина, воска и множества надушенных тел.

Стульев не было.

Сначала Элайн решила, что их просто не успели принести, но оказавшийся неподалёку Руфус объяснил:

— По коронационному этикету сегодня никому из гостей не полагается сидеть, фрейа.

Пришлось есть стоя. Элайн успела расправиться с двумя маленькими пирожками с горячей, пряной и очень вкусной начинкой и выпить половину кубка отличного вина, когда у дверей возникло движение.

По залу пробежал возбуждённый ропот:

— Победитель Смуты!

— Вильф Вудрен!

— Смотрите, это он!

Высокий светло-русый мужчина в позолоченных доспехах, но без шлема и оружия, размашистым шагом вышел на свободное пространство посреди зала. Золотые накладки на его кирасе ловили свет множества свечей. Вильф широко улыбался, явно наслаждаясь произведённым впечатлением.

Он поднял руку, словно приветствовал выстроенные перед ним полки.

— Приветствую всех на этом великом торжестве!

Шум стал ещё громче. Кто-то одобрительно выкрикнул его имя.

— Обещаю, что непременно оправдаю доверие, которое вы все мне оказали!

«Павлин», — поморщилась Элайн.

Возможно, Вильф действительно заслужил свою славу. Но являться на чужую коронацию так, словно торжество устроили в его честь, было всё-таки чересчур.

Он сделал ещё несколько шагов, и теперь Элайн хорошо рассмотрела шрам, пересекавший всю его правую щёку. Шрам был широкий, хорошо заметный и, судя по тому, как Вильф держал голову, служил предметом немалой гордости.

Элайн отвернулась к столу.

На одном блюде лежали покрытые блестящим соком рёбрышки. Рядом возвышалась груда жареных куриных ножек, каждая из которых была аккуратно перевязана красной ленточкой. После недолгого размышления она потянулась к рёбрышкам.

Поэтому Элайн не увидела, как Вильф пересёк зал и остановился прямо у неё за спиной.

Зато услышала его очень хорошо:

— Ба! Так это и есть тот самый рыжий херсир?

Она медленно обернулась, всё ещё держа кубок.

Начало разговора ей не понравилось.

— Я не понимаю, что даёт вам право разговаривать со мной подобным образом. Отойдите.

Вильф рассмеялся.

— Вы что, не знаете, кто я?

Он театрально повёл рукой, указывая на окружавших их гостей.

— Здесь все знают, кто я такой. А вы – нет. Что же вы тогда вообще знаете?

— Я уже знаю, что вы невежа.

Улыбка Вильфа стала чуть напряжённее.

— Это я-то невежа?

— Именно вы. Уходите.

Несколько человек, стоявших возле соседних столов, перестали есть и повернулись к ним. Остальные быстро последовали их примеру. Торжественный приём неожиданно обещал стать гораздо интереснее.

— По-моему, лучше быть невежей, чем носить звание херсира, полученное на пустом месте, — громко объявил Вильф. — Я вообще не понимаю, как какую-то рыжую пустили на императорскую коронацию.

Элайн поставила кубок на стол. Серебряное дно негромко стукнуло о дерево.

— Вы зачем-то намеренно добиваетесь ссоры. Я предупреждаю вас в последний раз: уходите. Так будет лучше для всех.

Вильф повысил голос, обращаясь уже не столько к ней, сколько к собравшимся вокруг зрителям:

— Она меня предупреждает! Вы слышите? И кто? Эта…

Он всё-таки сумел проглотить слово, которое едва не сорвалось у него с языка.

— Эта женщина незаконно и незаслуженно получила то самое звание, которое я завоевал в тяжёлых боях, очищая Сутлан от Смуты! И теперь она ещё смеет меня предупреждать!

Гул вокруг них усилился.

Элайн заметила, как Хасслер наклонился к Эймунду и быстро сказал ему что-то на ухо. Хранитель Войны нахмурился, кивнул и начал пробираться к выходу.

— Я предупредила вас три раза — произнесла Элайн. — Неслыханная поблажка для человека с вашими манерами.

— Да неужели?

Вильф язвительно улыбнулся.

— И что же теперь будет?

— Теперь ты отойдёшь от меня как можно дальше.

Переход на «ты» он заметил. Улыбка исчезла.

— Ой-ой, какая грозная! Такая же грозная, как твои подвиги? Тебе никогда не говорили, что ты слишком стараешься походить на мужчину?

— Нет, — ответила Элайн. — А тебе?

По залу пронёсся общий вздох. Кто-то тут же закашлялся, тщетно пытаясь скрыть смех.

Лицо Вильфа налилось кровью.

— Что ты себе позволяешь, девка?! Как ты смеешь так со мной разговаривать?!

Он замахнулся.

Вильф был быстр. Даже взбешённый, он двигался как опытный воин, а не как пьяный забияка. Но ударить Элайн он собирался всего лишь пощёчиной и явно не ожидал сопротивления.

Она перехватила его запястье прежде, чем ладонь коснулась её лица, шагнула к нему и резко развернулась, увлекая захваченную руку вниз и за спину. Металлические пластины доспеха скрежетнули друг о друга. Ещё одно движение — и Вильф оказался к ней спиной, с заломленной рукой.

Элайн сильно толкнула его между лопаток и отпустила.

Он пролетел несколько шагов. Гости торопливо расступились, освобождая ему дорогу. Вильф сумел удержаться на ногах, развернулся и уставился на неё.

Широкий шрам на его щеке побелел. Всё остальное лицо стало багровым.

Сквозь толпу уже пробивался Хасслер — пока ещё невозможно было понять, кого именно он собирался спасать.

— Ах ты тварь! — выкрикнул Вильф. — Безродная выскочка! Королева без королевства!

Элайн почувствовала, как внутри начинает подниматься знакомая, горячая и очень нехорошая ярость.

Расспросы о ней дали Вильфу немало сведений — и он сумел истолковать каждое из них самым оскорбительным образом.

— Жена без мужа! Херсир без заслуг! Я тебя уничтожу!

Хасслеру оставалось сделать всего несколько шагов, когда Элайн молча пошла навстречу Вильфу.

Она размахнулась правой рукой. На этот раз он был готов. С кривой торжествующей усмешкой Вильф перехватил её запястье.

В ту же секунду Элайн ударила его левой.

Она не сложила ладонь жёсткой лопаткой — такой удар мог отправить человека в беспамятство, — но сдерживаться тоже не стала. Хлесткий звук разнёсся по залу.

Голова Вильфа дёрнулась. Красный след от ладони лёг поверх шрама на его правой щеке.

— Элайн, остановитесь!

Хасслер наконец добрался до них и схватил её за левое предплечье. Вильф, оглушённый скорее унижением, чем ударом, на мгновение застыл.

Элайн этого хватило.

— Я тебя предупреждала!

Она подсекла его ногу у самой лодыжки и одновременно толкнула свободной рукой в плечо.

Вильф рухнул на мрамор. Позолоченные пластины с грохотом ударились о пол.

Зал снова дружно охнул.

— Элайн, прекратите! — Хасслер вцепился в неё уже обеими руками.

— Я его по-хорошему предупреждала! Все слышали?

Из толпы донеслось несколько возгласов:

— Слышали!

— Сам полез!

Но рядом уже шептались и другие: драка на коронации, да ещё между двумя херсирами, была скандалом независимо от того, кто начал первым. Ореол Победителя Смуты заметно потускнел, однако исчезать окончательно не собирался.

Элайн попыталась шагнуть вперёд и поставить ногу Вильфу на грудь, но Хасслер всё-таки оттащил её назад.

— Вы с ума сошли! — прошипел он. — Что вы наделали?

Она даже не повернула головы.

— Кто-нибудь, позовите альтмедика! Мальчик, кажется, не в себе!

Вильф поднялся сам. Между ним и Элайн немедленно встал Хасслер, широко расставив руки. В дверях уже появилась дворцовая стража, которую вёл за собой мрачный Эймунд.

Вудрен провёл ладонью по горящей щеке.

— Теперь нас рассудит только Суд Судьбы! — выкрикнул он. — Ты слышала? Слышала меня?!

Элайн посмотрела на Хасслера. Тот помрачнел ещё сильнее.

— Что такое Суд Судьбы? - спросила Элайн.

— Он вызывает вас на бой до смерти, — негромко ответил Хасслер. — Но этого не будет.

Элайн перевела взгляд на Вильфа. Тот тяжело дышал и всё ещё прижимал ладонь к рассечённой шрамом щеке.

— Ты действительно требуешь Суда Судьбы?

— Да! — заорал он. — Я уничтожу тебя! Я вызываю тебя перед всеми!

Голоса вокруг слились в сплошной гул. Элайн равнодушно пожала плечами.

— Бедняжка.

Глава 16

Известие о неслыханной драке на коронационном угощении оказалось быстрее дворцовых слуг. Не успели распорядители унести со столов первые опустевшие блюда, как о происшествии уже шептались в соседних залах и коридорах.

К чести Эймунда и Хасслера, они не стали никого задерживать и не приказали страже применять силу. Вильф и Элайн разошлись сами — вернее, Вильф, ни на кого не глядя, размашистым шагом направился к выходу. Позолоченные пластины его доспехов сердито позвякивали при каждом движении. Гости торопливо расступались, и через несколько мгновений Победитель Смуты скрылся за дверями.

Элайн осталась возле стола, на том самом месте, где её застал вызов. Вокруг неё сохранялось небольшое пустое пространство. Подходить ближе пока никто не решался.

Хасслер выглядел так, словно ему только что сообщили сразу о нескольких государственных бедствиях.

— Элайн, я не ожидал от вас такого безрассудства.

Она горько скривилась.

— Хасслер, при всём моём уважении, вы именно этого от меня и ожидали.

Он открыл рот, но после недолгого размышления промолчал.

К ним подошёл Эймунд. На лице старого Хранителя удивительным образом соединились обида, печаль и раздражение.

— Давайте уйдём отсюда. Мой кабинет неподалёку. Полагаю, вы согласитесь, что оставаться здесь сейчас неразумно.

— Соглашусь. Но прежде всего необходимо поставить в известность Его Величество.

— Наверняка это уже сделали, — заметил Хасслер.

— Пойдёмте, — повторил Эймунд. — К сожалению, нам предстоит очень тяжёлый разговор, Элайн.

Она посмотрела на него исподлобья.

— Тяжелее тех оскорблений, которые нанёс мне этот… как его… Вильф?

— Намного тяжелее. Вы даже не представляете, в какую историю мы все вляпались.

— Не мы, а он. Вам прекрасно известно, что ссору начал Вудрен.

Эймунд посмотрел на неё с упрёком.

— Известно. Именно это и делает положение чрезвычайно сложным.

Элайн уже собиралась ответить, когда к ним подошёл Руфус. Сенешаль сохранял обычную невозмутимость, но двигался немного быстрее, чем полагалось человеку, у которого всё происходящее находится под полным контролем.

— Господа, Император желает видеть Элайн Кусланд в своём кабинете по срочному делу.

— Вот видите, — с некоторым удовлетворением сказал Хасслер. — Я же говорил, что Его Величеству уже всё доложили.

— Я тоже ни секунды в этом не сомневался, — сухо отозвался Эймунд. — Пойдёмте.

Руфус не двинулся с места.

— Прошу прощения, господа. Император желает видеть только Элайн Кусланд. С вами он будет говорить позднее, на срочном заседании Совета Высших Хранителей.

Эймунд и Хасслер переглянулись.

Лицо Элайн словно закаменело. Ни тревоги, ни раздражения, ни даже обычного нетерпения теперь на нём прочитать было невозможно.

— Фрейа? — напомнил Руфус.

— Вот теперь пойдёмте, сенешаль.

Она направилась к выходу. Вслед ей тянулись шёпотки, обрывки фраз и осторожные взгляды. Весь зал старательно притворялся, что не провожает её глазами.

Хасслер дождался, пока за Элайн закроются двери.

— Она как острый нож, — негромко произнёс он.

— Простите?

— Ножом можно резать. А можно и порезаться.

Эймунд посмотрел на дверь, потом на стражников, всё ещё стоявших у входа в зал.

— Я ума не приложу, как нам выбираться из этого дерьма, в которое мы с размаху влипли.

— Готов поставить десять талеров, что она уже что-нибудь придумала.

Эймунд мрачно покосился на него.

— Утешили.

* * *

После шума пиршественного зала в императорском кабинете было почти неестественно тихо. Толстые стены приглушали голоса и музыку, доносившиеся из дальних помещений дворца.

Торин ждал Элайн, сидя не за столом, а в кресле рядом с ним. На столешнице лежало несколько исписанных листов, придавленных серебряной чернильницей.

Когда Руфус открыл дверь, Торин поднялся и указал на стоявшее напротив кресло.

— Садись.

Элайн молча опустилась на сиденье. Руфус прикрыл дверь, оставив их вдвоём.

Молчание затягивалось. Элайн сидела прямо, положив руки на подлокотники, и смотрела на Торина с таким спокойствием, что становилось ясно: спокойствия в ней сейчас не было вовсе.

Первым не выдержал он.

— Мне уже подробно всё рассказали. А кое-кто даже успел написать донесение.

Торин кивнул на лежавшие на столе листы.

Элайн не ответила.

— Почему ты молчишь?

— Что бы я сейчас ни сказала, это прозвучит как оправдание. А оправдываться я не собираюсь.

Он немного подумал.

— Ты даже не хочешь узнать, что именно мне доложили?

— А что это изменит?

Торин сцепил пальцы. Несмотря на внешнюю неподвижность, Элайн всё ещё была взвинчена, и любое неосторожное слово могло снова заставить её снова вспыхнуть как лесной пожар.

— Вся сложность в том, что Вильф Вудрен действительно целый год искоренял Смуту в Сутлане. Он уничтожил крупные шайки, очистил дороги, заставил подчиниться тех, кто прежде признавал только собственную силу. Разумеется, отдельные разбойники там ещё остались, но в целом Сутлан стал в десятки раз безопаснее.

Элайн слегка подалась вперёд.

— Вся сложность в том, что этих успехов добился человек, который не умеет вести себя с женщинами. Возможно, он талантливый херсир. Но одновременно он непревзойдённый ублюдок.

Торин поморщился, однако возражать не стал.

— Я постарался узнать о нём все что можно, ещё до сегодняшнего происшествия. Ты не видела, как встречали его полки, когда они вернулись в столицу. Люди выходили на улицы. Его солдат забрасывали цветами.

— И что же ты узнал?

— Вудрены — очень древний аристократический род. У его отца был только один сын, и он вложил в него все свои силы и все свои амбиции. Вильфа с детства готовили к тому, что он должен стать одним из величайших людей Империи. И надо признать, отец многого добился. Как и его сын.

— Торин, какое это имеет отношение ко мне? Я должна его понять и простить, потому что отец слишком усердно объяснял ему, какой он замечательный?

Торин начал раздражаться.

— Ты должна прежде всего понять меня!

— Хорошо. — Элайн откинулась на спинку кресла. — Что именно тебя так беспокоит?

— Неужели ты сама не понимаешь? Он публично вызвал тебя на смертный бой.

Элайн к любой схватке относилась крайне серьезно. Любой бой для неё никогда не был простым и безопасным делом. Воины, которые начинали так думать, обычно жили недолго. Но сейчас ей хотелось успокоить Торина — и одновременно немного его подразнить.

— Ну вызвал и вызвал. Он не первый.

Затем она склонила голову и добавила уже совсем тихо:

— Ты же меня знаешь, Торин. Лучше многих.

Перед глазами Торина на мгновение возникли Ворота Силы. Двое стражников, которых Элайн убила почти одновременно. Потом — коридор Форта Адма и опытный воин, которого она обезоружила с такой лёгкостью, словно просто отобрала палку у непослушного мальчишки.

Торин замер.

— Тогда постарайся ещё раз понять меня. Вильф не должен умереть.

— Ты можешь просто запретить поединок.

— Могу. И, возможно, Совет найдёт для этого совершенно законное основание. Но меня не поймут.

Элайн криво усмехнулась.

— Ну да, подумают, что ты мне подыгрываешь.

— Они подумают, что я тебя добился! — огрызнулся Торин. — Вот что они подумают.

Улыбка исчезла с её лица.

— Только этого ещё не хватало. Тогда просто отменить бой действительно нельзя.

— Но Вильф должен остаться живым. У меня нет другого Победителя Смуты.

Элайн медленно расправила складку на платье.

— Значит, подыгрывать должна я. А останусь ли при этом жива, уже не так важно?

— Нет! — Торин резко выпрямился. — Это очень важно. Но я ни минуты не сомневаюсь, что ты его победишь.

Элайн посмотрела на него.

— Спасибо, Торин.

— Пожалуйста, — насупился он.

Повисло короткое и очень неловкое молчание.

— У нас получился отвратительный разговор, — наконец признал Торин. — Прости меня.

Элайн снова провела ладонью по ткани платья, хотя складок там уже не осталось.

— Я тоже была несдержанна. Если тебе всё подробно доложили, ты знаешь, что именно он мне наговорил.

— Знаю. Вильф повёл себя… недостойно.

Слово явно было выбрано после долгой внутренней борьбы.

— Я никогда тебе этого не рассказывала — сказала Элайн. — Но, пожалуй, пришло время открыть одну мою тайну.

— Какую?

— С восемнадцати лет где бы я ни была, кто бы мне не повстречался - все мне так или иначе вдалбливали одно и то же: никому ничего не прощай, иначе погибнешь. А мне тогда очень хотелось выжить. И не только ради того, чтобы победить Мор.

Торин внимательно слушал.

— Эти уроки моя жизнь вбила в меня так глубоко, что снисходительности я научилась очень поздно.

— Ты никогда об этом не говорила.

— Подобными вещами не хвастаются. Безжалостность бывает полезна, но далеко не всегда правильна.

Торин некоторое время смотрел на неё, пытаясь понять, к чему она ведёт.

— Значит, ты не смогла простить Вильфу то, что он тебе наговорил?

— Нет. Такого я не прощу никому. Никогда.

Она помолчала, наблюдая, как лицо Торина снова начинает мрачнеть.

— Но я оставлю его в живых. Во имя волос Пророчицы, надеюсь, это научит его быть разумнее.

Торин удивлённо поднял брови.

— Ты говоришь так, словно твоё милосердие станет для него наказанием.

— Оно будет страшнее смерти, Торин.

— Не понимаю.

— И не надо. Главное, что мы договорились. Если Суд Судьбы состоится, я не стану его убивать.

Торин медленно выдохнул и откинулся на спинку кресла.

— Ты снова очень помогла мне, Элайн.

Она поднялась.

— Я пойду отдыхать. Коронация оказалась утомительной.

— До свидания, Элайн.

— До свидания, Торин.

Дверь за ней закрылась.

Торин ещё некоторое время смотрел на пустое кресло.

Милосердие страшнее смерти?

Нет. Наверное, она просто неудачно выразилась.

Глава 17

Для Суда Судьбы выбрали тот самый зал, в котором Вильф и Элайн устроили ссору. Возможно, кто-то усмотрел в этом особую справедливость: спор должен был завершиться там же, где начался.

На заседании Совета Тородд предлагал перенести поединок на площадь перед дворцом. Вход на неё, рассуждал он, можно сделать платным, причём цену назначать сообразно положению зрителя и толщине его кошелька. В том, что желающих окажется достаточно, Тородд не сомневался: посмотреть на смертельную схватку между Победителем Смуты и спасительницей Императора люди придут даже за очень большие деньги.

Он уже начал прикидывать возможную выручку, когда Торин оборвал его расчёты.

— Это не будет публичным зрелищем. Достаточно придворных, арбитров и герольдов.

Тородд расстроился. Суд Судьбы мог стать самым доходным мероприятием за всю его жизнь, и ему было нелегко смириться с тем, что государственные соображения в очередной раз встали на пути разумного пополнения казны. Впрочем, он недолго предавался унынию. Вытерев влажное лицо платком, Тородд решил отыграться на ставках — разумеется, исключительно среди тех придворных, с которыми сумеет переговорить лично.

К назначенному часу зал изменился до неузнаваемости. Из него вынесли столы, скамьи и тяжёлые резные кресла; на мраморном полу остались светлые полосы там, где мебель простояла долгие годы. Посередине освободили широкое прямоугольное пространство и огородили его натянутыми лентами. У дальней стороны поставили единственное кресло — для Императора.

Запока ещё пустым креслом в полном составе собрались Хранители. Справа от них оставили место для высшей знати, а вдоль противоположной стены теснились остальные придворные. Их набилось столько, что дворцовой страже пришлось закрыть двери перед опоздавшими. В зале стало душно; к запахам воска и благовоний примешивались нагретая шерсть, духи и едва уловимый металлический дух доспехов. Люди переговаривались вполголоса, однако от множества сдержанных голосов под сводами стоял непрерывный гул.

Сам Император ещё не появился. Не было и участников поединка.

Моди был зол как демон. Он прекрасно знал, кто начал ссору. Знал и то, что ответ Элайн был не только предсказуем, но по-своему совершенно логичен. Вильф поступил как последний идиот.

Но он покончил со Смутой. Именно Вудрен очистил дороги Сутлана, уничтожил крупные шайки и заставил уцелевших мятежников прятаться по лесам. И на заседании Совета было решено отправить его в Кинлан, чтобы окончательно искоренить Смуту и там. Такого человека Империя не могла позволить себе потерять — даже если сам он делал всё возможное, чтобы это произошло.

Эта мысль всякий раз возвращала злость Моди к Элайн. Ну что ей стоило просто уйти из зала? Пусть бы этот разряженный индюк тешил своё тщеславие без неё. Его заслуги искупали и хвастовство, и дурной нрав, и даже изрядную долю глупого самодовольства. Теперь же почти любой исход поединка грозил Империи тяжёлыми последствиями.

Потом Моди немного остыл и был вынужден признать: тщеславие, раздутое до таких размеров, само по себе становилось угрозой. Вильфу требовалось лечение. Желательно без смертельного исхода для больного и без новых потрясений для государства.

На заседании Совета Моди потребовал вообще отменить Суд Судьбы. Однако Торин объявил со всей возможной определённостью:

— Бой состоится. Никаких поблажек Элайн я давать не намерен.

Моди сразу понял, чего опасается Император. После всех слухов о связи Торина с Рыжей Волчицей отмена поединка выглядела бы слишком красноречиво. Он так и сказал. Заодно

напомнил, что встречи с глазу на глаз с той же Рыжей Волчицей были ничуть не менее опрометчивы.

— Вот поэтому мы и не станем усугублять положение, — ответил Торин. — В дальнейшем, Моди, вы будете присутствовать при каждой моей встрече с ней.

Вспомнив этот разговор, Хранитель Короны помрачнел ещё сильнее.

Неподалёку Эймунд тихо переговаривался с Хасслером. Оба стояли вполоборота к залу, чтобы видеть двери и не пропустить появления Императора.

— Фрегг, вы передали Декарду пост начальника гарнизона?

— Ещё вчера, Хранитель. Теперь я полностью в вашем распоряжении.

Эймунд смотрел мимо него, на пустое пространство за лентами.

— А я теперь даже не знаю, как назвать вашу новую должность. Собирался дать вам звание херсира, но после всего этого…

— Давайте обсудим мое звание позднее. В моей работе далеко не самое главное, как именно оно будет называться.

— Для нашего золочёного героя название оказалось важнее здравого смысла, — проворчал Эймунд. Он бросил взгляд на двери. — Кстати, где он? И где Элайн?

Хасслер тоже посмотрел туда.

— Я до последнего надеялся, что Совет отменит поединок.

— Нет. Император заявил совершенно определённо: поблажек для Элайн не будет.

— Да при чём здесь поблажки для неё? — раздражённо прошептал Хасслер. — Отмена боя нужна прежде всего Вильфу.

— Вот вы ему это и объясните. Он ведь об Элайн ничего не знает. Набрался слухов и пересудов, решил, что его положение пошатнулось, — и теперь рвётся остаться единственным херсиром.

— Дурак, — жёстко сказал Хасслер. — Очень жаль, когда такой хороший командир оказался таким законченным дураком.

— Другого Победителя Смуты у нас нет.

Эймунд провёл обеими ладонями по волосам и тут же недовольно их пригладил.

— Вот это и есть самое печальное - тихо сказал Хасслер.

— Другой спасительницы Императора у нас тоже нет, — напомнил Эймунд.

Хасслер ничего не ответил.

Некоторое время оба молча смотрели на пустую площадку. Ленты едва заметно шевелились от движения воздуха, когда стражники у дверей пропускали очередного знатного опоздавшего.

— Но есть ещё кое-что, Фрегг, — продолжил Эймунд. — Император заявил, что в этом бою никто не погибнет.

Хасслер повернулся к нему.

— Им не дадут оружия?

— Дадут.

— Тогда смерть вполне может не обратить внимания на заявление Императора.

Эймунд скривился, однако возразить не успел.

За дверями послышался шум. Створки распахнулись, и в зал вошёл Торин.

Разговоры оборвались не сразу, а прокатились к дальней стене затихающей волной. Мужчины поклонились, дамы присели, придерживая тяжёлые юбки. Торин поднял руку.

— Приветствую вас, господа.

Он прошёл к единственному креслу и остановился возле него.

— Пусть участники поединка войдут и выслушают правила Суда Судьбы.

Первым появился Вильф.

На этот раз на нём были не парадные, а настоящие боевые доспехи. Они уступали прежним в нарядности, зато превосходили их во всём остальном: тёмные стальные пластины плотно прикрывали тело, не мешая движениям, ремни были хорошо подогнаны, а сочленения защищены дополнительными накладками. В этом доспехе не красовались перед придворными — в нём сражались и оставались в живых.

Лицо Вильфа казалось спокойным. Лишь угол правого глаза время от времени мелко подрагивал, а пальцы то сжимались, то разжимались, словно уже искали рукоять меча.

Он дошёл до края огороженного пространства и остановился.

Элайн появилась после короткой паузы.

Её доспехи выглядели куда скромнее. На металле темнели старые царапины, ремни были потёрты, а отдельные части словно принадлежали разным комплектам. Опытный воин сразу заметил бы, что защита подогнана не вполне удачно. Кираса была заметно тоньше вильфовой, наручи и поножи были короче и оставляли открытыми большие участки плотной одежды. Полного латного доспеха на ней не было — скорее лёгкий набор, собранный для подвижности, а не для обмена тяжёлыми ударами.

Ни Вильф, ни Элайн оружия с собой не несли.

Эймунд тихо застонал.

— Во что она одета? Неужели ничего лучше не нашлось?

— Эти доспехи она выбрала сама, — ответил Хасслер. — Провела на складе не меньше двух часов.

— И вы ей ничего не сказали?

— Сказал. Она посмотрела на меня как на новобранца и сообщила, что лучше всех знает, в чём ей следует сражаться.

— Кто бы сомневался.

Они вздохнули почти одновременно.

Из окружения Императора вышел парадно одетый герольд. Остановившись перед лентой, он развернул свиток и дождался, пока шелест голосов утихнет.

— Да услышат все! По воле Его Величества и решению Совета настоящий Суд Судьбы будет проведён по следующим правилам!

В зале стало тихо.

Вильф шагнул ближе. Элайн осталась на месте. Её лицо сохраняло намеренно безучастное выражение, словно происходящее относилось к кому угодно, только не к ней.

— Настоящий бой разрешит спор между Вильфом Вудреном…

Вильф тотчас поднял обе руки и потряс ими в воздухе, принимая обращённые к нему взгляды почти как приветственные возгласы.

— …и Элайн Кусланд!

Она даже не пошевелилась. Герольд опустил взгляд на свиток.

— Первое. Бой проводится на мечах и со щитами. Иное оружие запрещено. Равное оружие обоим участникам вручат арбитры.

Он выдержал короткую паузу.

— Второе. При поломке меча или щита арбитр останавливает схватку и выдаёт равноценную замену. Потеря оружия либо щита не прекращает боя.

— Третье. Ношение шлемов не допускается. Запрещены удары оружием либо рукой в лицо и голову.

— Четвёртое. Бой продолжается до первой крови, пролитой от удара противника, либо до тех пор, пока один из участников не сможет подняться прежде, чем арбитр досчитает до десяти.

— Пятое. Любой участник вправе признать поражение, отбросив оружие и произнеся: «Довольно».

Герольд поднял голову.

— Нарушение любого из правил означает поражение нарушителя. Если Его Величество сочтёт, что бой ведётся неправильно или должен быть прекращён, он бросит платок на пол. После этого арбитры обязаны немедленно развести участников.

Голос его стал громче:

— Все ли слышали правила Суда Судьбы?

Толпа ответила гулом. Кто-то повторял услышанное соседям, кто-то уже торопливо пересматривал сделанные ставки. Тородд, стоявший среди знати, задумчиво потёр подбородок.

— Его Величество укажет, когда следует вручить оружие и начать бой!

Торин опустился в кресло, немного выждал, затем вновь поднялся. В правой руке он держал сложенный платок.

В зале снова стихли.

— Пусть Судьба определит победителя, — произнёс Император. — Вручите оружие.

Двое арбитров внесли оружие.

Мечи были одинаковыми — простой формы, без гербов и украшений, с прямыми крестовинами и обтянутыми тёмной кожей рукоятями. Круглые деревянные щиты тоже ничем не отличались друг от друга. Поверхность каждого обтягивала толстая кожа, в центре тускло поблёскивал железный умбон, скрывавший единственную поперечную рукоять.

Один арбитр подошёл к Вильфу, другой — к Элайн.

Вильф принял щит, несколько раз повернул его в руке, проверяя равновесие. Затем взял меч и провёл большим пальцем боевой перчатки по лезвию. Кромка была притуплена. Это удовлетворило его лишь на мгновение. Он посмотрел на остриё, едва заметно усмехнулся и опустил меч.

Элайн проверила своё оружие почти так же. Лезвие не цеплялось даже за грубую кожу перчатки, зато остриё оставалось достаточно узким. Укол в открытый участок тела мог закончить бой. Или сделать нечто гораздо худшее.

Она подняла взгляд на Торина.

Император уже сидел в кресле. Платок он держал на колене, зажав между пальцами.

Арбитры отступили за ленты.

— Начинайте бой, — приказал Торин.

Вильф сразу поднял щит. Верхний край закрыл грудь почти до подбородка, меч опустился к правому бедру и ушёл назад. Из-за щита виднелась лишь часть гарды. Сам клинок исчез.

Элайн встала чуть боком, выставив вперёд левую ногу. Щит она держала ниже, чем Вильф, а меч направила остриём ему в лицо, заставляя смотреть не только на её открытые руки.

Несколько мгновений они не двигались.

В зале было слышно потрескивание свечей и тихий скрип кожи, когда Вильф сильнее сжал рукоять щита. Потом он сделал короткий шаг вперёд.

Элайн сместилась в сторону.

Вильф двинулся следом. Не торопился, не размахивал оружием и больше не обращал внимания на зрителей. Прежняя ярость словно исчезла, оставив после себя холодную сосредоточенность. В огороженном лентами пространстве стоял уже не оскорблённый придворный, а человек, который целый год убивал и приказывал убивать.

Первый удар оказался почти незаметным.

Щит Вильфа резко повернулся. Его край встретил слабую часть клинка Элайн и с сухим стуком отбросил остриё наружу. Почти одновременно из-за нижнего края щита выскользнул меч.

Элайн успела убрать ногу. Остриё прошло возле бедра, едва задев ткань, и тут же исчезло. Вильф уже снова прикрылся щитом, а меч вернулся вниз и назад.

По залу прокатился первый возбуждённый вздох.

Элайн выпрямилась и повела плечом, будто случившееся не заслуживало внимания. На штанине осталась светлая царапина, но крови не было.

Вильф снова пошёл вперёд.

На этот раз щит ударил в щит. Дерево гулко отозвалось, железные умбоны столкнулись с таким звоном, что ближние зрители невольно подались назад. Элайн ожидала нового укола снизу, однако Вильф лишь толкнул её и отступил на полшага.

Меч так и не показался.

Она ударила сама — быстро, сверху и справа. Вильф принял удар на щит, довернул его, заставляя клинок соскользнуть, и тут же выбросил руку из-за укрытия.

Элайн едва успела развернуть собственный щит. Остриё скрежетнуло по железному умбону и ушло вверх.

Вильф не стал продолжать. Меч снова исчез у бедра.

— А он хорош, — негромко сказал Эймунд.

— Я вас предупреждал, — ответил Хасслер, не сводя глаз с бойцов.

— Вы предупреждали о ней.

— О нём я тоже мог бы предупредить, если бы меня спросили.

Вильф начал теснить Элайн к дальней стороне площадки. Каждый его шаг был коротким и осторожным. Он не гнался за быстрым успехом, а заставлял её угадывать. Щит то замирал перед грудью, то едва заметно смещался, прикрывая начало движения правой руки.

Меч появлялся всегда по-разному.

Один раз Вильф показал укол в бедро и, не выпрямляя руки, перевёл остриё к локтю. Другой раз ударил щитом, но вместо атаки отступил, вынуждая Элайн напрасно вскинуть защиту. Потом резко сблизился и попытался зайти своим щитом за край её щита, чтобы раскрыть корпус.

Элайн вывернулась. На мгновение они оказались совсем рядом — дерево упёрлось в дерево, металл скрежетнул о металл. Вильф попытался продавить её массой, но она внезапно перестала уступать.

Его брови дрогнули. Элайн тут же отступила сама, прежде чем он успел осмыслить сопротивление.

Крики зрителей становились всё громче. Одни выкрикивали имя Вильфа, другие отвечали именем Элайн. У дальней стены кто-то уже спорил о том, было ли касание по бедру достаточно сильным, чтобы считать его ударом. Арбитры не обращали на голоса внимания. Они следили только за оружием и открытыми участками тела.

Вильф снова поднял щит.

Теперь Элайн знала, что последует дальше. Короткий удар краем — её клинок уходит наружу, из-за щита появляется остриё. Вильф был не парадным генералом, он был очень хорошим бойцом. Даже слишком хорошим.

Она отвела руку и шагнула назад. Укол не дошёл.

Вильф повторил движение через несколько обменов ударами. На этот раз целился выше — туда, где короткий наруч оставлял открытой плотную ткань рукава. Элайн опять позволила щиту отвести свой меч и ушла назад, одновременно закрываясь собственным щитом.

Остриё скользнуло мимо.

В третий раз Вильф изменил ритм. Он дважды коротко ударил щитом в её защиту, заставляя Элайн поднять левую руку, а затем внезапно отвёл свой щит в сторону и выбросил меч снизу.

Она повернулась, но немного опоздала.

Остриё вошло под край наруча и с треском распороло ткань.

Зал взорвался криками.

Оба арбитра шагнули вперёд. Элайн подняла руку. На рукаве темнел узкий разрез, однако кожа под ним осталась целой.

— Крови нет! — объявил ближайший арбитр.

— Клинок прошел на расстоянии пальца, — выдохнул Эймунд.

— Полпальца, — мрачно поправил Хасслер.

Торин смотрел на разорванный рукав Элайн и впервые подумал о том, что притуплённое лезвие и притуплённое остриё — совсем не одно и то же.

Платок на его колене смялся под пальцами.

Вильф уже понял, насколько близок был к победе. Он не улыбнулся, но движения стали увереннее. Теперь он почти не пользовался рубящими ударами: притуплённый клинок плохо рассекал одежду, тогда как острию достаточно было войти в тело на толщину ногтя.

Элайн перестала отступать по прямой. Она ходила вокруг него, заставляя поворачиваться, иногда быстро меняла направление, пробовала достать ногу или вооружённую руку. Но полный доспех Вильфа не оставлял удобных целей. Кираса, наручи и поножи принимали удары с глухим металлическим стуком. Щит неизменно возвращался между ними прежде, чем она успевала развить атаку.

Вильф сражался именно так, как должен был сражаться человек, посвятивший мечу и щиту годы. Он не пытался превзойти Элайн быстротой. Вместо этого сокращал количество её возможных решений, шаг за шагом загоняя в положение, где любое движение становилось предсказуемым.

Его щит ударил снова.

Меч Элайн ушёл наружу. Она отступила, прикрылась, пропустила остриё мимо себя.

Вильф запомнил.

Через несколько мгновений всё повторилось. Та же стойка. Тот же поворот щита. Тот же короткий шаг. Элайн снова отвела руку и ушла назад. Вильф запомнил и это.

Пот стекал у него от виска к шраму на щеке, дыхание стало тяжелее, однако техника оставалась безупречной. Элайн дышала почти спокойно. Её облегчённые доспехи больше не казались случайно подобранными: она двигалась быстрее, свободнее поворачивала корпус и не тратила силы на борьбу с весом полного вооружения.

Но одного преимущества в скорости было недостаточно. Вильфу требовалось единственное касание.

Он снова опустил меч за щит.

Элайн подняла свой чуть выше прежнего, оставив открытым рукав возле локтя.

Вильф увидел. Щит метнулся вперёд. Его край ударил по клинку Элайн и повёл оружие наружу. На этот раз она позволила отвести руку ещё дальше. Защита раскрылась почти до плеча.

Вильф шагнул глубже. Остриё вырвалось из-за щита и пошло снизу вверх — точно в незащищенный участок между наручем и краем кирасы.

Элайн не отступила. Она повернулась боком, и меч прошёл вдоль металла, не коснувшись ткани. Одновременно Элайн шагнула навстречу. Не отступила, не увернулась.

Её отведённый клинок описал короткий круг и вернулся сверху. Сталь встретила сталь. Меч Элайн своим основанием лег на клинок Вильфа совсем близко к гарде.

Вильф мгновенно понял опасность. Он ослабил давление, повернул кисть и начал отводить оружие, не пытаясь спорить силой с возникшим рычагом. Одновременно подался назад и развернул щит, чтобы вклинить его между собой и противницей. Он сделал всё правильно.

Элайн ударила своим щитом по краю его щита и отвела левую руку Вильфа в сторону. Крестовины мечей соприкоснулись. Металл коротко взвизгнул.

До этого мгновения Элайн сражалась силой человека.

Теперь она позволила телу сделать то, чему его когда-то научила кровь дракона.

Она с нечеловеческой силой повернула рукоять. Вильф попытался уйти за движением, чтобы снять нагрузку с кисти. Не успел. Сила поворота была так велика, что его рука дёрнулась наружу и его кисть вывернуло вокруг рукояти. Он ещё мог удержать меч — ценой сломанного запястья.

Пальцы разжались.

Оружие вырвалось из его руки, перевернулось в воздухе и со звоном упало на мраморный пол. Несколько раз подпрыгнуло, скользнуло к ленте и остановилось у ног арбитра.

Зал взревел. Вильф не остановился ни на секунду. Едва меч покинул его ладонь, он бросился вперёд. Правая рука в стальной перчатке сомкнулась на клинке Элайн, а щит с грохотом врезался в её щит. Притуплённая кромка скользнула по его руке, не причинив никакого вреда.

Вильф навалился всем телом. Отступить означало остаться безоружным перед человеком с мечом. Он этого делать не собирался.

Элайн почувствовала, как он перенёс вес вперёд, рассчитывая продавить её, отвести клинок и повалить. Тогда она просто разжала пальцы и рукоять меча выскользнула из её руки.

На лице Вильфа мелькнуло новое изумление, но тело уже продолжало начатое движение. Сопротивление исчезло. Он сделал лишний шаг, пытаясь вернуть равновесие.

Элайн ушла с линии его щита. Краем собственного щита надавила сверху на правое плечо Вильфа, направляя его вниз и мимо себя. И моментально подставила подножку.

Вильф полетел вперёд.

Он успел выпустить чужой клинок и подставить ладони. Колени и наручи ударились о мрамор, следом тяжело легла кираса. Голова дёрнулась, но он отвернул лицо и не коснулся им пола.

Меч Элайн со звоном покатился в одну сторону, щит Вильфа — в другую.

Он оказался лежащим ничком.

Толпа снова закричала, но Вильф уже поднимался. Он упёрся ладонями в пол, подтянул под себя колено. Доспехи звякнули, спинная пластина приподнялась.

Элайн сделала шаг и прыгнула. Обе подошвы одновременно ударили Вильфа в спину.

Грохот получился такой, словно на мрамор опрокинули железный сундук. Отличная сталь распределила удар, поддоспешная одежда смягчила его, но руки Вильфа подломились, и он снова рухнул на пол.

Торин привстал с кресла. Платок оказался зажат в поднятой руке.

Элайн уже выпрямилась. Одну ногу она перенесла обратно на пол, вторую оставила между лопатками Вильфа. Щит отвела в сторону, удерживая равновесие.

Вильф снова попытался подняться.

Сапог Элайн едва заметно сместился. Она не просто давила вниз — она чувствовала каждое движение под стальной пластиной и гасила его прежде, чем Вильф успевал найти опору. Он попробовал повернуться, затем подтянуть колено, потом резко выпрямить руки. Безуспешно.

Со стороны казалось, что Элайн просто поставила на него ногу. На самом деле на спину Вильфа сейчас давила лапа взбешенного дракона.

"Королева без королевства! Жена без мужа! Как же я тебя ненавижу!"

— Один! — начал арбитр.

Крики в зале на мгновение стихли.

— Два!

Вильф упёрся ладонями в мрамор. Плечи поднялись на ширину пальца и снова опустились.

— Три!

У дальней стены кто-то начал считать вместе с арбитром.

— Четыре!

К нему присоединились ещё несколько голосов.

— Пять!

Теперь числа повторял почти весь зал. Одни кричали с восторгом, другие — с ужасом, но молчать уже не мог никто.

— Шесть!

Вильф рванулся в сторону. Элайн переставила сапог ближе к правой лопатке и нажатием вернула его на пол.

— Семь!

Хасслер смотрел не на Вильфа, а на лицо Элайн.

— Она что-то задумала, — произнёс он.

Эймунд не ответил.

— Восемь!

Торин всё ещё держал платок над коленом. Бросить его теперь означало спасти Вильфа от поражения — и перед всем двором доказать именно то, чего Император пытался избежать.

Элайн подняла голову и посмотрела на него.

— Девять!

Арбитр набрал воздух.

— Довольно, — громко сказала Элайн.

Хасслер тихо ахнул.

Под сводами ещё несколько мгновений гуляло эхо последнего числа. Затем голоса начали обрываться один за другим.

Арбитр застыл с поднятой рукой. До «десяти» он не досчитал.

По правилам Суда Судьбы Элайн Кусланд признала поражение. Победителем становился Вильф Вудрен.

Она всё ещё держала сапог у него между лопатками.

— Ты хорошо сражался, Вильф Вудрен — произнесла Элайн. — Так и быть, победа твоя. Носи её с честью.

Она выдержала короткую паузу, чтобы услышал каждый человек в зале.

— Отныне ты не только Победитель Смуты. Теперь ты — Победитель Женщин.

Элайн сняла ногу и шагнула назад. В зале воцарилось гробовое молчание.

Никто не засмеялся.

Торин медленно опустил руку и разжал пальцы. Смятый платок остался лежать у него на колене. Теперь он понял, что Элайн имела в виду.

Милосердие действительно могло оказаться страшнее смерти.

Глава 18

Гробовая тишина продержалась ещё несколько мгновений.

Арбитр опустил руку, которой отсчитывал секунды, и растерянно посмотрел на герольда. Тот побледнел, словно именно ему предстояло принять на себя последствия случившегося, однако со своими обязанностями справился:

— Херсир Элайн Кусланд признала поражение. Победителем Суда Судьбы объявляется херсир Вильф Вудрен!

Его голос прокатился под высоким сводом и угас. Никто не ответил.

Ви

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.